

ОГОНЁК

№ 32 АВГУСТ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МИР И ДРУЖБА—ДЕВИЗ ФЕСТИВАЛЯ!

ОСТРОВ СУТАН И ДРЕДНОУТОВ

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

Рассказ Юрия Казакова ДВОЕ В ДЕКАБРЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 32 (1833)

5 АВГУСТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Участница VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки артистка Государственного ансамбля народного танца Армении Иоланта Шахбудагова.

Фото А. Бочинина.

На Олимпийский стадион Хельсинки вышла советская делегация.

ФЕСТИВАЛЬ — ДА!

Генрих ГУРКОВ, Фото Геннадия КОПОСОВА, Льва БОРОДУЛИНА. Специальные корреспонденты «Огонька»

Репортаж из Хельсинки.

О том, как было на самом деле

...Идет фестиваль!

Пестрые фартуки девушек, короткие кожаные штаны парней, переливистые, протяжные «йодли» — это молодежь Австрии. Дробный перестук тамтамов, смуглые точеные профили — здравствуй, Сенегал! Гремит «Марсельеза» — шагает юность Франции. А это? Мелодия стремительная, зажигательная, руки сами начинают отбивать такт. Пачанга — вы знаете, что это такое?!

Уже взрывается овациями стадион, приветствуя первые делегации, а хвост тысячеликой, тысячецветной колонны, медленно продвигающейся в живом коридоре, еще не достиг и середины пути.

— Пяйвя Хельсинки! · Пяйвя Суоми! — скандируют японцы.

— Нурми — Затопек! Нурми — Затопек!

С делегацией Чехословакии идет легендарный бегун Эмиль Затопек.

Его узнают, и кричат от восторга финские болельщики.

Внезапно хлынул проливной дождь. Толпы людей покрылись зонтиками. Но никто не ушел. А многие из финнов отдавали свои плащи гостям.

И снова солнце хозяйничает в небе. И плывут облака над Хельсинки — легкие, пушистые. Мы стоим на гранитной лестнице у здания парламента. Справа, слева, повсюду — поднятые в приветствии руки, цветы, флажки.

«...Хотят ли русские войны,
спросите вы у тишины...»

Мощный хор, сплетенный из сотен голосов, поет песню, облетевшую континенты.

«...Спросите вы у тех солдат,
что под березами лежат...»

Идет делегация Советского Союза. Идут юноши и девушки страны, которая спасла мир от коричневой чумы, страны, взметнувшей к небу невиданные в истории стройки и предложившей человечеству навсегда покончить с оружием и войнами, страны, партия и народ которой начертали на своих знаменах великий лозунг — Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Шквалом аплодисментов и морем цветов встретила финская столица нашу делегацию. Это было незабываемо!

— ...Вот увидите, Хельсинки — против фестиваля, улицы будут пустыми! — Это мрачное пророчество мы услышали в фестивальном пресс-центре, когда стояли в очереди за своими журналистскими карточками. Лысоватый, поджарый брюнет с чемоданчиком (на чемоданчике болтался багажный талончик авиакомпании «Панамерикэн Эйруэйс») говорил в полный голос, не столько собеседнику, сколько на публику.

— Вы поэтому и приехали? — спросил кто-то.

— Оф корс! Конечно!

Разговор происходил в пятницу, за два дня до открытия фестиваля.

А в воскресенье буквально весь город был на ногах.

500 часов в сутки. Арифметика и мода

Фестивальная арифметика — наука особой сложности. Посудите сами: за время фестиваля будет проведено 400 концертов и спектаклей, 60 дискуссий и семинаров, 100 спортивных состязаний, 30 выставок, 35 балетов, сотни встреч между делегациями. Куда пойти? Что выбрать? Мы подсчитали, что для посещения фестивальных мероприятий одного только дня потребовалось бы около 500 часов. В сутках — увы! — значительно меньше.

Кстати говоря, наши весьма приблизительные подсчеты относятся только к тем фестивальным событиям, которые предусмотрены официальной программой. Но разве можно все предусмотреть?

Фестиваль завоевал город. Встречи, беседы, дружеские споры — на каждой улице, в каждом парке.

...Если нас спросят, что сегодня особенно модно в Хельсинки, мы ответим: фестивальные косынки.

Молодежь Демократической Германии.

Нарядны, как невесты, девушки свободного Мали.

Гудят бубны, сверкают улыбки.

ГИГАНТ ЭНЕРГЕТИКИ
Кременчугская ГЭС.

Пионеры колхоза «Ленинское знамя», Орловской области, вручили Никите Сергеевичу цветы. Н. С. Хрущев беседовал с председателем колхоза С. Н. Факом.

Н. С. Хрущев и его спутники побывали в колхозе «Красное знамя», Орловской области. Здесь гости встретились с прославленным механизатором Героем Социалистического Труда П. Е. Сапуновым и познакомились с его женой и детьми.

Н. С. Хрущев, Г. И. Воронов, Д. С. Полянский, Н. В. Подгорный и В. В. Щербицкий на поля колхоза села Калиновки, Хомутовского района Курской области.

ФЕСТИВАЛЬ — ДА!

Постукивает каблучками по асфальту высокая стройная девушка с невообразимой прической. На плечах — фестивальная косынка. Промчался на мотоцикле затянутый в кожаную куртку лихой парень в огромном шлеме и белых очках, похожий на марсианина. Вместо галстука — косынка с эмблемой фестиваля. Проходит сухонькая старушка с хозяйственной сумкой. На голове — фестивальный платок.

В небольшой книжечке о Финляндии, выпущенной недавно финским издательством «Отава», говорится: «Большинство финнов — блондины со светлой кожей, белокурыми волосами и голубыми или серыми глазами. Белокурые или русые волосы у 76 процентов мужчин и 82 процентов женщин».

Парень, с которым мы познакомились в Хельсинкском порту, возле причала, у которого стоит «Грузия», совершенно явно относится к этим 76 процентам большинства. Волосы у него настолько светлые, что светлее просто не бывает.

Когда мы ему рассказали о статистике издательства «Отава», он рассмеялся.

— У меня и фамилия самая распространенная — Ярвинен. Пентти Ярвинен.

— Вы учитесь?

— Работаю.

— Где?

— На верфи «Вяртсиля».

— Что вы скажете о фестивале?

— Отличное дело.

— А как вы думаете, другие финские граждане разделяют ваше мнение?

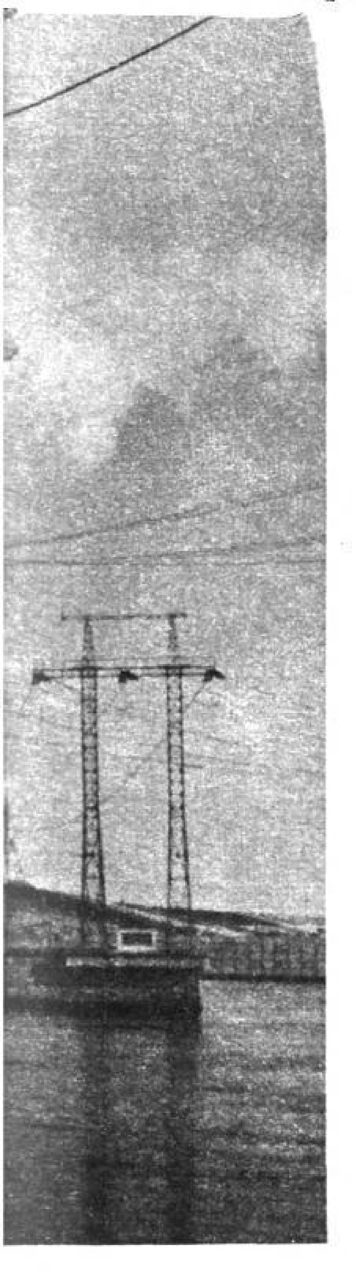
Улыбается:

— А вы их спросите.

Мы спросили. Спросили очень многих. И свидетельствуем: Пентти Ярвинен — типичный финн. Не только по фамилии, не только по внешности...

«Моложе, добрее, лучше»...

О чем говорят на фестивале? О самых разных вещах. О большом и малом. О борьбе за мир и об университетских программах, о конгрессе онкологов и о современном джазе, о бразильском

На митинге, посвященном торжественному пуску Кременчугской гидроэлектростанции, выступил Н. С. Хрущев.

Фото Н. Козловского.

Сердечные встречи

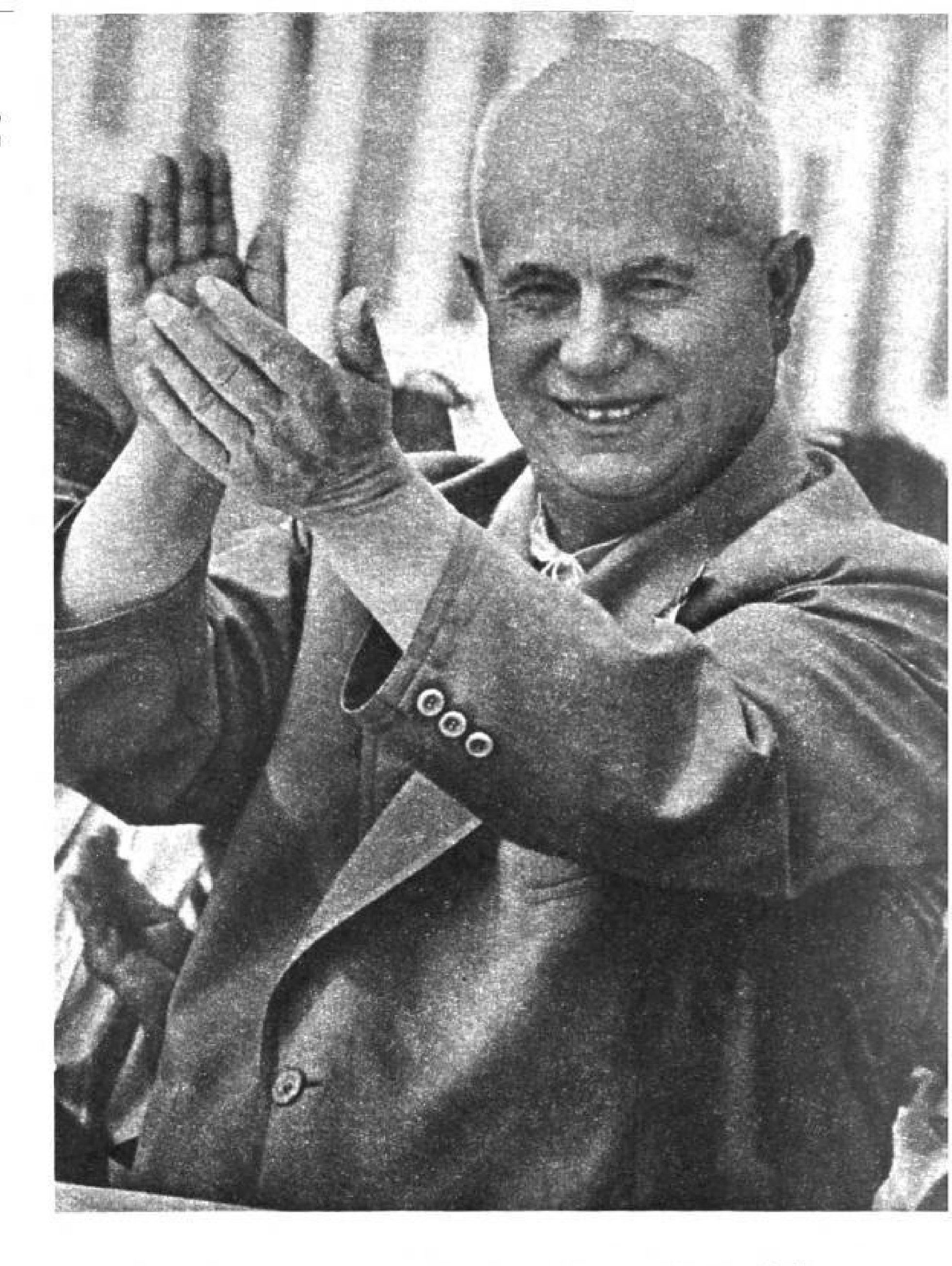

Фото С. РАСКИНА.

«Могучий Днепр работает на коммунизм!» — так говорят на Кременчугской ГЭС.

В солнечный воскресный день 29 июля тысячи трудящихся со знаменами, с букетами цветов устремились к гидроэлектростанции: в этот день происходило торжественное открытие Кременчугской ГЭС. Сюда прибыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев.

...На пульте управления Н. С. Хрущев включил резервный агрегат. Затем Никита Сергеевич разрезает ленту и поздравляет собравшихся с торжественным открытием ГЭС. Начальник «Кременчуггэсстроя» Г. И. Строков приколол к пиджаку Н. С. Хрущева значок «Участнику строительства Кременчугской ГЭС».

На митинге, посвященном торжественному открытию Кременчугской ГЭС и вручению коллективу строителей ордена Трудового Красного Знамени, выступил Н. С. Хрущев. Его яркую, содержательную речь все собравшиеся слушали с большим вниманием.

«Горячо желаю вам успехов, дорогие товарищи!» — заключает свою речь Никита Сергеевич, и в ответ на эти слова раздается звонкое, тысячеголосое «ура», вспыхивают бурные аплодисменты, слышатся возгласы «Слава партии!».

* * *

Сердечно встречали трудящиеся Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиту Сергеевича Хрущева, совершавшего поездку по Тульской, Орловской и Курской областям. В поездке участвовали также члены Президиума ЦК КПСС: первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронов, Председатель Совета Министров Российской Федерации Д. С. Полянский, первый секретарь ЦК КП Украины Н. В. Подгорный.

Никита Сергеевич Хрущев побывал в колхозах, совхозах, на опытных сельскохозяйственных станциях и всюду подолгу беседовал с тружениками сельского хозяйства, детально вникал в их дела и заботы.

Никита Сергеевич посетил также юный город Железногорск, где строится и уже действует железорудный комбинат.

Очень тепло встретили Н. С. Хрущева в его родном селе Калиновке. Последний раз Никита Сергеевич был в Калиновке летом 1960 года. С тех пор колхоз сильно изменился: экономика его укрепилась, поля стали еще более плодородными, стада увеличились.

— Хлеба у вас прекрасные, замечательно выглядят сахарная свекла, кукуруза, бобы, конопля,— сказал калиновцам Никита Сергеевич.

Из Калиновки Н. С. Хрущев отправился на Украину, посетил Кременчугскую ГЭС, побывал на Днепропетровщине и в Херсонской области.

футболе и о проблемах Африки.

И в этих разговорах, в дискуссиях, товарищеских встречах крепнет чувство локтя, понимание долга и места молодежи в мире, ее ответственности за будущее.

С огромным интересом и вниманием встретили участники Восьмого Всемирного фестиваля послание главы Советского правительства Н. С. Хрущева. Мыслям и чувствам каждого отвечают слова послания: «Мир и дружба — это властное веление времени, это то, что нужно сейчас человечеству».

Чтобы цвели цветы и смеялись дети, чтобы перед двадцатилетними открылись двери университетов, а не казарм, чтобы небо никогда не затянули тучи ядерной войны, чтобы был мир — для этого собралась в Хельсинки молодежь 142 стран.

С парижской студенткой Моникой Помье — хрупкой девушкой с большими черными глазами — мы познакомились на перроне городского вокзала. Вместе с друзьями по французской фестивальной делегации она встречала группу алжирцев. В руках у Моники были гвоздики. Одну из них она вдела в петличку широкоплечему парню с нашивкой Фронта национального освобождения на рукаве.

Мы наблюдали эту сценку и думали о том, сколько алжирских и французских парней могли бы вот так встретиться, встретиться как друзья на этом или следующем фестивале. Но никогда не встретятся. Мы думали о молодых жизнях, растоптанных и уничтоженных грязной колониальной войной.

— Наша молодежь с первого до последнего дня требовала мира в Алжире,— сказала Моника.— Мы счастливы, что эта нелепая и преступная война кончилась. Мы хотим работать, учиться, дружить. Фестиваль? О, это удивительный праздник! Было бы замечательно, если бы он продолжался все время, круглый год. То в одном городе, то в другом. Весь мир стал бы моложе, добрее, лучше.

«Мистер виски» и прочие

Мы не знаем, насколько охотно жители Хельсинки курят сигареты «Марлборо». Во всяком случае, им настойчиво рекомендуют делать это. Нью-йоркская фирма «Филипп Морис», выпускающая такие сигареты, не скупится на расходы. По городу целый день разъезжает специаль-

Привет фестивалю от Народной Румынии.

ный трамвайный вагон, в котором нет ни одного пассажира. Во всю длину вагона — гигантская, примерно этак на двадцать квадратных метров, реклама: «Курите сигареты «Марлборо»!»

В последнее время к этому рекламному вагону прибавился другой, точно такой же. Только его закупила не фирма «Филипп Морис», а какая-то другая фирма. Рекламирует этот вагон не сигареты, а выставку «Молодая Америка показывает».

Мы были на этой выставке. Видели холст, густо заляпанный краской, выдавленной прямо из тюбиков. Произведение это называется «Глазунья с ветчиной». Не очень вкусное блюдо! Мы видели нечто совершенно несуразное, слепленное из замызганной бумаги, тряпичных цветов, обрывка газеты на японском языке, гвоздей, помятого колеса от игрушечного автомобиля и куска дамского чулка. Называется «Сант дрерион».

Чтобы перезарядить фотоаппарат, один из нас присел на скамейку несколько неудобной формы. Оказалось, что это вовсе не скамейка, а скульптура, именуемая «Путь номер два». Но дело, собственно, не в экспонатах выставки, а в том, кем и для чего она организована. Организаторы выставки — одна из тех групп, которые приехали в Хельсинки, чтобы сколько удастся напакостить Всемирному фестивалю. Здесь сейчас находятся такие группы из США, Западной Германии, Швейцарии и других стран «свободного мира». Они привезли с собой джазы и подстрекательские книжонки, антифестивальные листовки и... злобу.

Они разных мастей, эти антифестивальщики, как импортные, так и финские, доморощенные. Одни разыгрывают из себя «теоретиков», другие прокалывают шины и швыряют камни в окна фестивальных автобусов.

Сомнительную честь открыть программу антифестивальных выступлений взял на себя на субботней пресс-конференции Международного подготовительного комитета некий Ланс Кивορт, корреспондент американских журналов «Тайм» и «Лайф». Полупьяный, прилизанный мозгляк вел себя настолько непристойно, что от него поспешили отмежеваться даже западные корреспонденты.

— Не все американцы такие,— извиняющимся тоном сказал сидевший с нами за столом корреспондент крупной швейцарской буржуазной газеты «Нейе Цюрхер

Китайская мелодия и цветы Финляндии.

А он из Италии... →

Нашли общий язык. Финский рабочий разговаривает с кубинцами.

На встрече с молодыми французами. Выступает руководитель советской делегации С. Павлов.

Вот она какая — русская пляска!

Хельсинки встречают гостей.

Цейтунг» Йорк Тальман, когда Киворт тарзаньими воплями (что делать, если нет аргументов!) перебивал руководителя пресс-центра Ежи Фелисиака и девушек-переводчиц.

...«Мы не участвуем» — надрываются плакаты над антифестивальными центрами. Такие же плакаты расклеены по городу, их возят курсирующие с утра до вечера специальные грузовики.

«Приходите к нам! Вход бесплатный! Вход бесплатный!! Вход бесплатный!!!»

Идут ли к ним?

Посмотрим.

Нервандеринкату, 3, швейцарский антифестивальный центр. Девица в форменном костюме интересуется, кто мы.

— Советские?!

Некоторое замешательство, потом следует указующий жест. Проходим в помещение, где размещена выставка фотографий. Напыщенные подписи о западной демократии, о классовом мире.

К нам направляется рыжий парень с золотым зубом.

— Могу я быть полезен?

— Скажите, на чьи средства организована эта выставка, кто платит за рекламу, за печатание литературы, за помещение, за ваше пребывание здесь?

— Мы студенты. Мы собрали деньги и приехали,— отвечает рыжий.

— Сколько же вы собрали?

— Я не знаю.

— Это, наверно, крупная сумма.

— Нам помогли.

— Кто?

— Различные организации.

— Быть может, назовете их?

— Я точно не знаю,— начинает запинаться рыжий.

— Ну все-таки?

— Некоторые промышленные организации и частные лица.

— Что вы скажете о празднике открытия фестиваля?

— Я не видел.

— Еще один вопрос: много ли к вам приходит людей?

Рыжий оглядывается: зал пуст. Мы находились в швейцарском антифестивальном центре около получаса. За это время там не появилось ни одного посетителя.

Хельсинки, столица Восьмого Всемирного, проголосовала за фестиваль. Проголосовала крепкими рукопожатиями и радостными улыбками, проголосовала повторенными тысячи раз словами «Рауха — Юстявююс».

«Рауха» — это значит «мир».

«Юстявююс» — «дружба».

Хорошие, настоящие слова!

Хельсинки, 30 июля 1962 года.

Здравствуй, молодежь мира!

← Новые подруги — Люба Молдаван с Украины (в центре), Лизе Кэтель и Лизелоте Штейкман из ГДР.

Зажигательные ритмы Бразилии. →

Дискуссия молодых поэтов.

РЕПОРТАЖ О СИБИРСКОМ М

Н. ХРАБРОВА

Фото А. Узляна.

В нынешней степи не приходится удивляться ни городским улицам поселков, ни тонко вычерченным в небе опорам электропередач, ни белым длинным зданиям ферм. Но здесь, на омской целине, в городке совхоза «Цветочный», что-то новое: строящийся скотный двор заканчивается низким широким круглым павильоном. Павильон оштукатурен, к нему ведут два параллельных узких, огороженных жердями коридорчика: вход и выход. Проходим в большой круглый зал. Под потолком вспыхивает несколько десятков кругами расположенных ламп. Теперь можно спуститься по лесенке вниз, на чистый бетонный пол, и хорошенько оглядеться. В центре зала укреплен металлический столб, рядом с ним — пульт управления с разноцветными кнопками. Неподалеку шумит электрический движок, но никаких проводов не видно: все коммуникации проходят под полом. Окрашенные в степной зеленый цвет стены опоясаны неширокой деревянной круглой галереей на рельсах, и это сооружение очень похоже на карусель. Только нет здесь игрушечных лошадок с повозками: карусель перегорожена небольшими стойлами, в стойлах — кормушки, а над ними высокие воронки и на специальных установках — доильные аппараты. И все вместе нисколько не похоже на животноводческое помещение, а больше всего напоминает большую лабораторию.

Спустилась вниз и встала на свое рабочее место — у входа — лучшая доярка совхоза Анастасия Ивановна Черницына, чуть поодаль от нее — Аня Целищева, у пульта управления — Аня Базилевская и у выхода — Нина Струкова. А за стенами уже слышится мычание и торопливый топот, в дверном проеме появляется первая рогатая голова. Теперь понятно, почему так узки коридорчики: хочет не хочет корова, а приходится проходить по одной. Иначе у входа была бы неизбежная давка: оказывается, буренок на карусели угощают концентратами. Корова ловко проходит в стойло, и тут мы видим: стойло устроено так, что встать можно только наискосок, иначе говоря, «елочкой». Специальный дозатор у входа механически отмеряет и высыпает через воронку в кормушку порцию концентрата. Аня Базилевская нажимает пусковую кнопку, и карусель плавно трогается по рельсам.

Вот он, всемогущий конвейер! Наконец-то он, да еще в сочетании с «елочкой», пришел на смену натруженным женским рукам. Теперь дело идет так, что только успевай поворачиваться и следить за всем происходящим. Мгновение — и конвейер привез спокойно жующую корову к рабочему месту Анастасии Ивановны. И это, по правде говоря, даже волнует: ведь много лет подряд доярка, таская тяжелые подойники, ходила от коровы к корове, утомляясь от одной только беготни, и казалось, ничего с этим сделать нельзя. Теперь Анастасия Ивановна попросту пускает в ход маленький ручной душ, быстро подмывает и вытирает вымя. Для этого она делает всего один шаг вправо, по ходу конвейера, и снова отступает назад, ко второй корове, которая уже уткнулась в кормушку своего стойла. А первая за это время подкатилась к Ане Целищевой, и Аня надевает ей стаканы доильного аппарата. Дойка началась! И пошла плавно, равномерно, как работа в хорошо налаженном цехе, где все подчинено ритму машин, а от людей требуется всего несколько легких, рассчитанных движений. Плывет конвейер, коровы одна за другой на ходу привычно встают в стойла, и Анастасия Ивановна с Аней не спеша делают свое дело. А что же Аня Базилевская? А она, запустив карусель, отошла от пульта управления. На четвертой минуте с начала работы к ней подъехала первая корова (за это время в стойло уже успели встать двенадцать животных), и Аня начала положенный при дойке массаж вымени. Вторая, третья, четвертая, десятая, двенадцатая проходят мимо Ани. А первая подкатилась к рабочему месту Нины Струковой, и Нине остается только снимать доильные стаканы. Теперь коровы одна за другой сходят с конвейера, направляясь по узкому коридорчику в загородку для гурта, а оттуда — снова в свое степное пастбище.

За семь минут выдоено 24 коровы. За час — более двухсот. Значит, весь дойный гурт третьего отделения — 350 коров — доится меньше двух часов. Значит, вместо пятнадцати доярок, которые были раньше заняты от зари до зари, четыре женщины-оператора управляются теперь без особых усилий за семичасовой рабочий день. А скоро, когда будет налажен слив молока так, что оно пойдет по шлангам из доильных аппаратов в общий бак и оттуда прямо в молоковоз, здесь будут работать три доярки. То есть, конечно, бывшие доярки: теперь они стали операторами.

Так конвейер превратил скотные дворы «Цветочного» в механизированные молочные цехи.

Как он появился в «Цветочном»? Конечно, благодаря Ивану Ивановичу Тесленко! Вспомните: о нем уже писалось в «Огоньке». Карусель была темой его студенческой дипломной работы. Потом первый образец был построен по указаниям Ивана Ивановича в одном колхозе на Кубани. И тут-то за Тесленко ухватились расторопные омичи. Иван Иванович приехал в Омск, стал конструктором Сибирского ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельского хозяйства — «Сибниисхоза». Первая сибирская карусель была построена в Омской области, в совхозе «Красная Поляна». Отсюда пошли и все остальные. Приезжали в «Красную Поляну» руководители совхозов: постоят, поглядят, запишут в конторе расчеты, и поскорее домой, за дело! Правда, расчеты нравились не всем: краснополянская карусель, построенная из самых лучших материалов, оказалась дорогонькой. Но многие не смутились: ведь материалы могут быть и попроще. В совхозе «Ермак», например, доильный зал построили из камышита и очень упростили конструкцию, так что карусель обошлась им всего в девять с половиной тысяч рублей.

Идея карусели прочно поселилась в конструкторском зале «Сибниисхоза», хотя Ивана Ивановича Тесленко уже нет здесь. Главным инженером проекта стал молодой конструктор Николай Карлович Вазенмиллер. Работа в большом, тесно уставленном чертежными досками зале кипит с утра до поздней ночи: рождается самый оптимальный вариант карусели.

Вот по первоначальным чертежам этого варианта и строили в «Цветочном». Строили уже с сибирской поправкой: стойла располагали не последовательно, один за другим, а «елочкой». Что это дало? А то, что на карусели вместо шестнадцати коров разместилось двадцать четыре и дояркам стало удобнее.

— Теперь у нас есть опыт, будем строить быстрее и дешевле, сразу снизим себестоимость молока,— обещают главный инженер совхоза Илья Григорьевич Лениенко и механик Иван Давыдович Райшнайдер.

Но, может быть, только механизаторы хвалят карусель? Послушаем, что скажут другие.

Анастасия Ивановна Черницына, оператор:

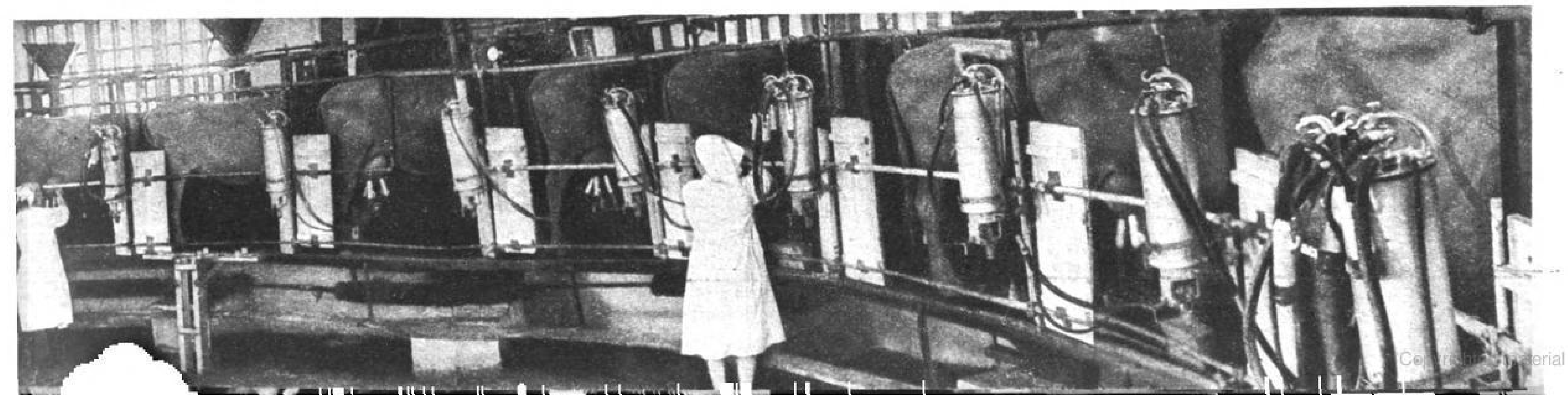
— Вы спрашиваете, что изменилось после того, как я, доярка, стала оператором? Да все изменилось! Разве, стоя у конвейера по четыре часа, будешь так уставать, как уставали мы при ручной дойке? Мытье, уборка — все стало проще, поливаем из шланга, моем щетками. И для домашних дел хватает теперь и сил и времени.

Николай Григорьевич Прокопьев, бригадир:

— Вспоминать не хочется, как мучил нас до карусели недостаток рабочих рук! Раньше я все время боялся: а вдруг кто-нибудь из доярок заболеет, и скот останется недоенным-непоенным? А теперь о чем думаю? О лучшей

Доильная карусель.

ОЛОКЕ

организации труда, о чистоте, о благоустройство.

Борис Анатольевич Захаров, главный зоотехник:

— Наш совхоз в этом году полностью перешел на механическую дойку: в одном отделении работает обычная универсальная доильная станция, в пяти — «елочки»-передвижки. Но, конечно, самая выгодная, продуктивная и гигиеничная — это карусель.

Павел Осипович Треххлебный, секретарь партийной организации:

— Вот какой получается расчет. Стационарная установка «елочка» стоит двадцать две тысячи, а наша карусель — двадцать и будет еще дешевле. Производственная площадь карусели та же, что и у «елочки», а производительность труда значительно выше. А главное, коренным образом меняются условия труда: людям стало легче на самом трудном участке животноводства.

Алексей Алексеевич Родионов, секретарь обкома партии:

— Нынче наша область дает 636 тысяч тонн молока, и для этого нужен труд 21 тысячи доярок. А к концу семилетки мы хотим дать 1 миллион тонн молока. Но хотеть мало — надо было бы почтй удвоить количество доярок. Можно этого добиться за два-три года? Нет, конечно! Но с помощью каруселей миллион будет. К концу этого года в области построят шестьдесят каруселей, а в следующем году карусели начнут выпускать заводы.

...Новая сила — доильный конвейер — идет на село. Идет в Сибири и на Кубани, на Украине, в Казахстане и в Подмосковье. И если в деревне рядом со скотными дворами появляются новые круглые павильоны, — значит, в этих хозяйствах начались большие перемены к лучшему.

Один из лучших промывальщиков станции — Мирза Азизов.

С ПРАЗДНИКОМ, ТОВАРИЩИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ!

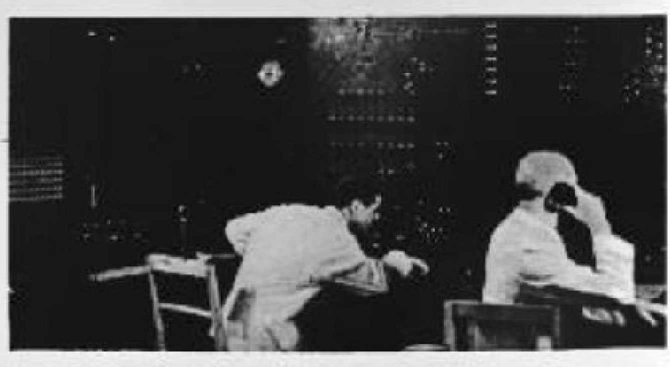
БАЛАДЖАРЫ

Л. КАФАНОВА, Д. УХТОМСКИЙ

Этот человек не космонавт. Он рабочий промывочно-пропарочной станции Баладжары, которая носит звание предприятия коммунистического труда.

Рассказывают, что как-то на станции побывала делегация американских железнодорожников. В их присутствии на эстакаду под мойку подали цистерну из-под мазута. После того, как ее привели в порядок, вице-президент ассоциации железных дорог США К. Д. Буфорд залез на цистерну, вынул из кармана белоснежный носовой платок и провел им по внутренней стенке. Платок остался безукоризненно чистым. Вот как работают!

Десятки составов, идущих во многих направлениях, формируются на станции Баладжары. Еще недавно эту работу выполняли 46 старших и 120 младших стрелочников. А сейчас два дежурных по станции, сидя у пульта, командуют всеми стрелками и сигналами приема и отправления поездов.

Это Баладжары — крупнейшая в Закавказье железнодорожная станция. Из Сибири и Прибалтики, с Дальнего Востока и Украины непрерывным потоком идут грузы в закавказские республики, а навстречу им во все концы страны и за границу движутся составы с нефтью, буровыми машинами, цитрусами, чаем, виноградом.

Встреча А. И. Микояна с президентом Индонезии Сукарно. Фото Б. Иванова (ТАСС).

ВИЗИТ ДОБРОЙ ВОЛИ

Четыре дня находился на дружественной земле Индонезии первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Во время своего визита А. И. Микоян совершил поездку по стране и имел встречи с президентом Индонезии д-ром Сукарно. Результатом визита явилось еще более глубокое взаимопонимание, способствующее дальнейшему укреплению отношений дружбы и сотрудничества обеих стран и дела мира во всем мире.

Возвращаясь на родину, А. И. Микоян по приглашению правительства Индии остановился в Дели, где встретился с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и другими членами индийского правительства. Эти встречи прошли в самой теплой атмосфере.

25 июля А. И. Микоян возвратился в Москву.

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ОЧЕРКИСТ «ПРАВДЫ»

В гражданскую войну писатель А. С. Серафимович работал военным корреспондентом «Правды». 1918—1920 годы он провел в разъездах по фронтам — восточному, врангелевскому и польскому.

В «Правде» этих лет напечатано около пятидесяти его корреспонденций, очерков и рассказов.

«Я знал, что самое главное и важное — быть правдивым,— писал Серафимович в своих воспоминаниях. — Советскому читателю не нужно никакого приукрашивания, но надо, чтобы он вполне верил корреспонденту,— тогда затраченная энергия не пропадет даром. Советский военный корреспондент должен сам побывать в самых дальних закоулках, все лично обследовать, рассмотреть. И перво-наперво он должен быть в непрерывном, непосредственном общении с красноармейской массой... Я писал в форме очерка, иногда с публицистическими и деловыми рассуждениями... Я добивался того, чтобы моя работа дала реальный результат: чтобы мои корреспонденции повлекли за собой определенные действия».

В солдатской шинели Серафимович ездил в товарных поездах, переносил и холод и голод, часами ожидал поезда в нетопленных, задымленных махоркой и переполненных вокзалах.

Позже он писал:

«...Я понял, что я прежде всего корреспондент «Правды», маленький крохотный кусочек, осколочек «Правды», несущий для нее работу, а потом уж такой-то писатель».

Газетная работа давалась Серафимовичу с трудом: он никак не мог приспособиться к ее темпам. Но, по признанию Серафимовича, газета сыграла большую роль в его писательской судьбе. Она приучила его к сжатости изложения, к подбору убедительных фактов и их обобщению.

В. И. Ленин высоко оценил деятельность А. С. Серафимовича в «Правде». В 1920 году, узнав о горе, постигшем Серафимовича (сражаясь в рядах Красной Армии, погиб на фронте старший сын писателя), В. И. Ленин послал ему дружеское письмо, полное участия.

«...Ваши произведения...— писал Владимир Ильич,— внушили мне глубокую симпатию к Вам и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и заставить себя вернуться к работе».

Внимание В. И. Ленина помогло писателю обрести новые силы для творчества.

В декабре 1921 года открылся IX съезд Советов, где с большим докладом выступил В. И. Ленин. Редакция «Правды» поручила А. С. Серафимовичу написать свои впечатления о съезде. Очерк его «Работники земли советской» был напечатан в газете под общей шапкой перед докладом Ильича.

А. ИВАНОВА

ПРАЗДНИК СЕВЕРОМОРЦЕВ

Торжественно отмечала страна День Военно-Морского Флота.

Большой парад состоялся на Северном флоте. Новейшие ракетоносцы, подводные лодки, тральщики, сторожевые корабли, оснащенные передовой техникой,— никогда еще не собиралось здесь на рейде столько боевых судов.

На празднике североморцев присутствовали члены экипажа атомной подводной лодки, удостоенные высоких наград за успешное выполнение правительственного задания.

На снимке: Герои Советского Союза командир атомной подводной лодки капитан 2-го ранга Л. М. Жильцов, командующий флотилией подводных лодок контр-адмирал А. И. Петелин и командир электромеханической боевой части инженер-капитан 2-го ранга Р. А. Тимофеев среди моряков Северного флота.

Фото Е. Халдея.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ

Сутки в космосе!», «Семнадцать витков вокруг нашей планеты!», «Восток-2» пролетел 700 тысяч километров!» Год назад такими заголовками пестрели газеты всего мира. Имя летчика-космонавта Германа Степановича Титова, совершившего беспримерный в истории человечества длительный космический полет, было у всех на устах.

Время позволило ученым в полной мере оценить драгоценный опыт, полученный при этом космическом рейсе.

Герман Степанович Титов — первый из людей, который осуществил в условиях космического полета полный суточный жизненный цикл человека. Мужественно, упорно, точно он выполнял программу, заданную ему учеными. В назначенные часы обедал, отдыхал, делал физзарядку, спал, проводил плановые наблюдения, заполнял бортжурнал.

Спокойно и уверенно советский космонавт выполнил последний этап полета — возвращение на родную планету. Спуск космического корабля с орбиты, прохождение его через плотные слои атмосферы и посадка — дело весьма сложное, требующее четких действий. Когда Главный конструктор в ходе семнадцатого витка полета спросил Титова, готов ли он к посадке, тот спокойно ответил: «Готов». Корабль был сориентирован, включен тормозной двигатель, и «Восток-2» перешел на траекторию спуска. Сын Земли возвращался на Землю, словно объятый пламенем: при прохождении через плотные слои атмосферы обшивка корабля раскалилась до нескольких тысяч градусов. Даже жароупорное стекло иллюминаторов помутнело. Но космонавт действовал спокойно и уверенно. На небольшой высоте он покинул корабль и опустился на землю под упругим куполом парашюта.

Бессмертный подвиг Германа Степановича Титова отражает новые огромные достижения Советского Союза, его инженеров, ученых, техников и рабочих.

А. ГОЛИКОВ

ПЕРЕД ИСТОРИЧЕСКИМ ПОЛЕТОМ В КОСМОС

Герман Титов в кабине космического корабля.

Фото агентства печати «Новости».

Тренировка в роторе.

В сурдокамере.

Играет Степан Павлович Титов. Его слушают Герман и Тамара Титовы.

Фото И. Снегирева (АПН).

ПОДНИМАЙТЕ РАКЕТЫ ВСЕ ВЫШЕ...

К 75-летию со дня рождения Ф. А. Цандера

Н. А. САЛАМАНОВ

Осенним вечером 1920 года известный английский писатель Герберт Уэллс в сопровождении своей переводчицы шел от Охотного ряда по направлению к Кремлю. Когда они, подойдя к воротам, предъявляли охране пропуска, над зданием Верхних торговых рядов вдруг загорелись не очень ярким светом буквы, составленные из электрических лампочек.

— Почему зажглась реклама,— удивился Уэллс,— ведь магазины закрыты и пусты, что же можно рекламировать?

— Это не реклама,— ответила переводчица,— это лозунг: «Электрификация — путь к коммунизму».

Недоверие, насмешка, удивление промелькнули на лице писателя.

Но тут его внимание привлек высокий мужчина с небольшой русой бородкой и усами, который вслед за ним подошел к воротам. Он нес кипу свернутых чертежей, и на одном из них писатель с недоумением узнал контуры ракеты. Да, да, именно ракеты, Уэллс не ошибся. А между тем незнакомец, предъявив пропуск, спокойно прошел под арку Спасских ворот.

Когда Уэллс после беседы с Лениным покинул его кабинет, в приемной он опять увидел того же мужчину с русой бородкой.

Человек, ждавший приема у Ленина, был Фридрих Артурович Цандер, инженер, конструктор космического корабля.

...Может быть, встреча Ленина с Цандером произошла и не в тот же день, что встреча с Уэллсом (ведь рассказ об этом передавался очевидцами по памяти, которая могла и подвести), но важно не это. Важно то, что осенью 1920 года Владимир Ильич Ленин беседовал и с Уэллсом и с Цандером.

Вот как вспоминал об этом сам Фридрих Артурович.

...«Владимир Ильич с такой простотой и с такой душевностью расспрашивал меня о моих работах и планах на будущее, что я даже несколько злоупотребил его временем и очень подробно рассказал ему о своих трудах и о своей мечте во что бы то ни стало построить ракетный межпланетный корабль.

Я с очень большим воодушевлением рассказывал В. И. Ленину, что я работаю не только по конструкции межпланетного корабля-самолета, но и много думаю о том, как и в каких условиях будет летать человек на Марс; как ему выдержать ускорение, как нужно будет одеваться во время полета, чем и как питаться и т. д. и т. п.

Затем В. И. Ленин спросил меня: «А вы первым полетите?»

Я ответил, что иначе и не мыслю, так как должен показать пример, а после меня смело полетят другие.

В конце беседы Владимир Ильич крепко пожал мне руку, пожелал успеха в работе и обещал поддержку.

Всю ночь я не мог заснуть, находясь под впечатлением встречи с вождем пролетариата Владимиром Ильичем Лениным.

Всю ночь шагал я по своей комнатушке и думал о величии этого человека. Я думал: ведь страна наша разорена из-за войны, хлеба мало, угля мало, заводы стоят, а этот человек, который руководит таким большим государством, выкраивает еще время, чтобы послушать о межпланетных полетах.

Значит, осуществится моя мечта, думал я».

Но какие же события предшествовали встрече Цандера с Лениным?

Еще в студенческие годы Фридрих Артурович начал работать над проблемами реактивного движения и межпланетных полетов. Особенно активизировал Цандер свои труды в области теоретического обоснования ракетного двигателя в 1919 году.

В конце 1920 года в Москве проходила конференция изобретателей, на которой Фридрих Артурович сделал подробный доклад о разработанном им проекте межпланетного корабля. На этой конференции присутствовал Ленин. Владимир Ильич заинтересовался трудами ученого. Ведь Ленин хорошо знал и о работах К. Э. Циолковского, он видел будущее страны и будущее человечества, и даже в те тяжелые и трудные годы гражданской войны Владимир Ильич отчетливо представлял, что наступит такой период в жизни нашего государства и народа, когда станет реальностью полет на другие планеты, когда будет осуществлена эта дерзновеннейшая мечта человечества.

После доклада В. И. Ленин пригласил к себе Цандера и долго с ним беседовал.

Тронутый пониманием и благодарный Ленину за поддержку, изобретатель с удвоенной энергией принялся за работу.

Совершенно оригинальной, а главное, перспективной явилась выдвинутая им идея об использовании отдельных деталей реактивного корабля в качестве топлива. По мнению Цандера, следовало создать межпланетный корабль-самолет, отдельные детали которого первоначально использовались бы при полете в атмосфере, а затем, когда корабль уходил в межпланетное пространство и детали становились излишними (например, баки для горючего), они, будучи изготовлены из магния, алюминия и пластических масс, могли бы в определенных условиях быть использованы для сгорания в ракетных двигателях. Конечно, при этом такие детали специальными механизмами подвергались бы переработке.

В дальнейшем идея применения металлического топлива, впервые выдвинутая Ф. А. Цандером в 1924 году, была более подробно им изложена и обоснована в книге «Проблема полета при помощи реактивных аппаратов», вышедшей в 1932 году, в год 75-летнего юбилея К. Э. Циолковского. Цандер направил свой труд в подарок Константину Эдуардовичу.

В нашей стране еще в двадцатые годы было организовано Общество изучения межпланетных сообщений. В числе членов этого общества были К. Э. Циолковский, Ф. Э. Дзержинский, Ф. А. Цандер, а также другие видные политические и научные деятели. Председатель этого советского Общества астронавтики Г. Крамаров так рассказывает об одной из бесед с Ф. А. Цандером:

«Однажды я зашел к нему на квартиру. Это была небольшая комната с полками, заваленными книгами, на тумбочке лежала пачка толстых тетрадей. Я поинтересовался, что это за тетради.

— Это мои расчеты воздушного реактивного корабля и пути его следования на Марс,— ответил он.

— Почему именно на Марс? — спросил я.

— Предполагается, что на Марсе имеется атмосфера и возможно существование жизни. К тому же,— улыбнулся он,— Марс считается красной звездой, а это эмблема нашей Красной армии».

Будучи твердо уверен, что наступит пора, когда могучие реактивные корабли на космической скорости направятся в необыкновенный рейс к другим мирам Вселенной, Цандер во многих городах нашей родины выступал с увлекательными лекциями и докладами на эту интереснейшую тему. И в те годы на афишных тумбах можно было увидеть объявления о том, что «Инженер Ф. А. Цандер сделает сообщение об изобретенном им новом корабле, решающем задачу полета в мировое пространство».

В 1927 году в Москве состоялась Международная выставка межпланетных сообщений. На этой удивительной выставке были представлены многочисленные проекты межпланетных кораблей, разработанные русскими и иностранными учеными. Среди них наибольшее внимание привлекли проекты К. Э. Циолковского и Ф. А. Цандера, вызвавшие многочисленные отклики как в нашей стране, так и за рубежом.

Ф. А. Цандер разрабатывал не только проекты межпланетных реактивных кораблей, но и реактивных двигателей для самолетов. Так, еще в 30-х годах он спроектировал и построил модель реактивного двигателя «ОР-1». Когда в 1932 году начала работу «ГИРД» (группа, изучающая реактивные двигатели), Ф. А. Цандер, бывший одним из ее организаторов, предложил свой новый проект более усовершенствованного ракетного двигателя «ОР-2», предназначенного для планера «Летающее крыло».

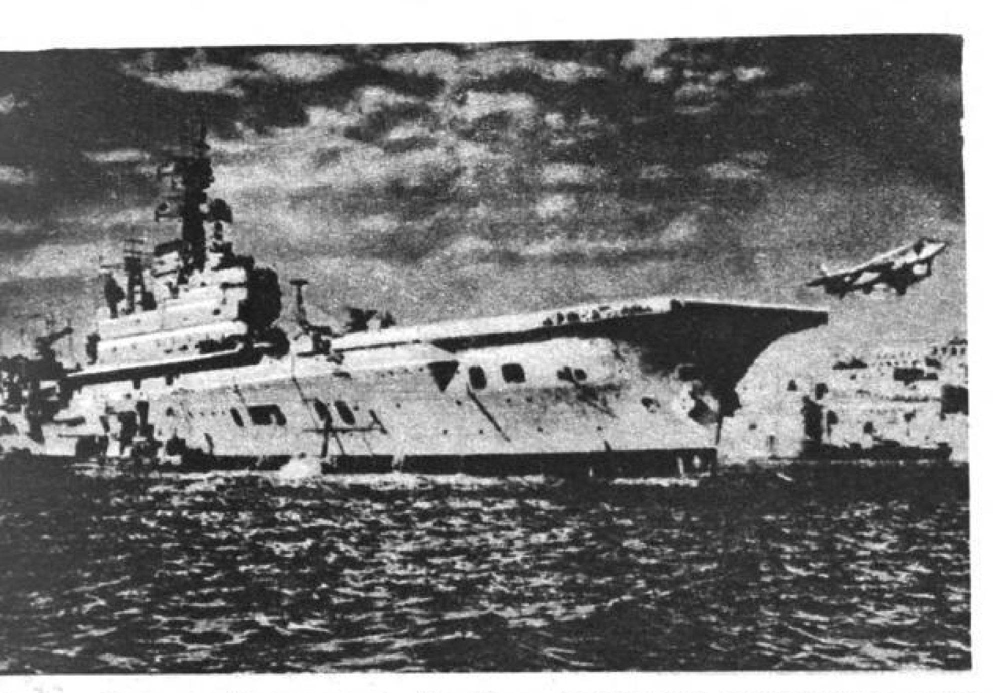
Ф. А. Цандер создал различные варианты реактивных двигателей и ракет и в их числе знаменитую ракету на жидком топливе — «ГИРД-Х». К сожалению, талантливый ученый не дождался запуска этой ракеты. После тяжелой болезни 28 марта 1933 года Ф. А. Цандер скончался.

Но в том же году ракета взлетела ввысь. Эта маленькая ракета, конечно, не идет ни в какое сравнение с теми могучими ракетами, которые забросили в космос первые советские искусственные спутники Земли и космические корабли, но ее полет подтвердил правильность идей, изложенных К. Э. Циолковским, Ф. А. Цандером и другими нашими учеными, работающими в области реактивных двигателей для будущих полетов в космосе.

И сегодня для советских космонавтов, первыми проложивших дорогу к звездам, вдохновенным призывом звучат слова из предсмертного письма Цандера к своим друзьям:

Вперед, товарищи, и только вперед!
Поднимайте ракеты все выше,
выше и выше,
Ближе к звездам.

ОСТРОВ

Британский авианосец «Арк Роял» по-хозяйски расположился возле причалов в Грэнд Харбор.

Мы стояли на палубе и смотрели вперед, на желтоватую полоску, проступавшую на горизонте. Рядом облокотился на перила высокий человек с залихватски закрученными усиками. У глаз он держал тяжелый, громоздкий бинокль. То ли яркая синева Средиземного моря, то ли нахлынувшие воспоминания выдавили из его глаз слезы. Человек смахнул их и взволнованно сказал, обращаясь к нам:

— Мальта. Какими жертвами нам удалось отстоять ее!.. Сколько людей полегло!..

— Вы англичанин?

— Да. Я служил здесь во время войны.

Мы были сверстниками. Знали цену войне и могли легко понимать друг друга. Обмениваясь скупыми репликами, смотрели мы, как по мере приближения к нам все росла и ширилась каменная гряда острова, как туманные силуэты превращались в многоэтажные дома, крепостные стены, причалы, корабли...

Наше судно задержалось на Мальте дольше, чем предусматривалось расписанием. Кажется, не все было готово к погрузке. А может быть, всему виной вычурная встреча двух князей церкви — католических кардиналов: один был на судне, другой под колокольный звон приближался к нам на катере с острова. При звуках сирены церковного катера лодки мальтийцев шарахались в сторону, очищая путь.

Сухой старик в малиновой мантии медленно подымается по трапу. С виду немощный, он цепко держит костлявой рукой нити управления церковью, накрепко опутавшей страну, мешая ей вырваться из-под колониального гнета.

Навстречу мальтийскому старцу выступает атлетического сложения индийский кардинал Грасия, скорее похожий на боксера, чем на проповедника. Этот кардинал стяжал себе недобрую славу как организатор борьбы индийской реакции против прогрессивных сил страны. Он маршировал в Бомбее во главе одной из черносотенных демонстраций. С его благословения религиозные фанатики жгли школы, устраивали погромы и беспорядки.

Но оставим кардиналов заниматься своим спектаклем: лобызать друг у друга перстни, устремлять лицемерные взоры к небу, становиться друг перед другом на колени.

Въездной визы мы не имели, однако задержка позволила и нам сойти на берег. Что представляет собой этот закрытый для «постороннего» взгляда остров? Какие люди живут на нем? Какие стремления, чаяния присущи им? Эти и многие другие вопросы мы задавали себе, когда въезжали в Ла-Валетту, столицу Мальты.

Сразу возле порта, у многоэтажного здания, одного из лучших в городе,— усиленные патрули. Над зданием — флаги Англии, США и других держав Запада. Это один из штабов агрессивного блока НАТО. Чужеземные солдаты бдительно присматриваются к прохожим. Откуда такая настороженность? Причину раскрыла вышедшая в этот день газета «Войс оф Мальта», которую издает влиятельная партия — лейбористская. На первой полосе под крупными шапками газета опубликовала статью, осуждающую английских колонизаторов и их партнеров по военным блокам. В заголовок вынесены многозначительные слова: «Растерзанный остров Мальта — единственная страна Средиземного моря, оккупированная войсками НАТО против воли ее народа». Сказано убедительно, хотя авторы статьи и допускают ошибку. Слово «единственная» лишнее. Нет такого народа, который хотел бы видеть войска агрессивного Североатлантического союза на своей территории.

Узкие улочки. Одни из них стремительно летят вниз, к бухте, другие, соседние, взмывают вверх по возвышенностям, бугоркам, холмам, чтобы где-нибудь снова упасть к морю.

На улицах радужная россыпь живых цветов. В тон им сияют яркими красками ряды цветочных горшков, выставленных на балконах желтых, розовых, белых домов. Улицы так тщательно вычищены, так прибраны и умыты, что местами диву даешься: ходят ли по ним люди?

Ходят!

Спешат по делам служащие. Идут, шумно переговариваясь, студенты. Степенно вышагивают английские моряки. Очень часто, чаще, чем даже можно было ожидать, мелькают в людском потоке белые и черные, коричневые и красные мантии католических монахов.

У обочины дороги рабочие кирками разбирают участок мостовой. Перехватив недоброжелательный взгляд рабочего, брошенный в сторону толстого монаха, мы остановились.

— Ишь, разъелся! — Рабочий смахнул со лба капли пота.— Уж очень много у нас их. И все хотят есть, хорошо есть. Всем нужны деньги. Всех надо кормить. Я сам католик. У нас тут все католики. Но монахов я бы заставил работать вот так же, как приходится мне.

Со времени захвата острова крестоносцами на Мальте огнем и мечом искореняли мусульманство и утверждали католицизм, хотя население по-прежнему говорит на языке арабской группы. Монахи и священники составляют опору колонизаторов в стране.

Нам рассказали о «чуде», укрепившем влияние католиков в стране. Во время одного из авиационных налетов на остров фашисты сбросили на древний католический храм, где укрылись сотни людей, бомбу. Она пробила крышу, но не разорвалась. Католические проповедники с тех пор кричат о деснице божьей, спасшей людей в храме, но в народе ходят и другие слухи: Ватикан благословил асов Муссолини сбросить невзрываемую бомбу, чтобы еще больше затуманить мозги своей пастве...

Глядя на стоящие у берегов Мальты военные корабли, которые многозначительно демонстрируют жителям Ла-Валетты силу и мощь Британии, вспомнилось, как четверть века назад в книге «День мира», вышедшей под редакцией М. Горького, была помещена фотография броненосца, отправлявшегося в далекий путь от берегов Англии на Мальту. Снимок был перепечатан из лондонской «Планет ньюс», которая снабдила его подписью: «На защиту прав Англии».

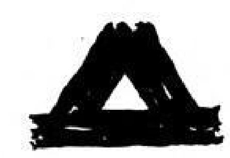
За двадцать пять лет, прошедших с момента выхода книги, англичане во многом «преуспели» на острове в «защите своих прав». Военная техническая мысль шагала вперед, и вместе с ней преображались внутренние районы острова. Там, где были поля крестьян, появлялись взлетно-посадочные площадки; там, где мирно паслись коровы и овцы, вырастали казармы британских солдат; а в подземных зернохранилищах в один прекрасный день вдруг были обнаружены не пшеница, а атомные бомбы.

Весьма сведущий в вопросах международной политики научный обозреватель газеты «Дейли экспресс» г-н Пинчер пишет: «Запасы английских водородных и атомных бомб уложены в подземные хранилища близ аэродрома английских военно-воздушных сил в Луке... Мальта наряду с Кипром, Аденом и Сингапуром становится четвертым по счету заморским арсеналом водородных бомб, созданным правительством за последние несколько месяцев. Бомбардировщики типа «Вулкан», «Виктор» и «Канберра», совершающие обычные патрульные полеты между Англией и этими базами, всегда будут находиться на летном расстоянии от запасов бомб».

На Мальте нам самим приходилось видеть, с какой ненавистью во взгляде провожают жители острова разгуливающих по улицам солдат в форме британской армии! Легко себе представить состояние тех, кому открыто заявляют: «Вон с нашей земли, колонизаторы!»

Глубокое возмущение жителей острова вызвал случай с бельгийским самолетом, который приземлился на мальтийском аэродроме Лука, имея на борту оружие для Катанги. В этой связи хочется вспомнить заявление бывшего премьер-министра Мальты Доминика Минтоффа, сделанное им на сессии Совета солидарности народов Азии и Африки в Каире, о том, что Англия превращает Мальту в «форпост, склад ядерно-

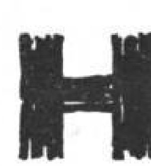

У Т А Н

В. КАССИС,
К. ПЕРЕВОЩИКОВ

го оружия и ракетную базу, нацеленные в самое сердце Африки».

Бродя по улицам Ла-Валетты, мы заметили на фасаде одного из домов плакат: «Чтобы превратить наш остров из арсенала смерти в оазис жизни и процветания, требуется вложить около ста миллионов фунтов стерлингов. А это меньше того, во что обходится один современный авианосец».

Народ Мальты хорошо понимает, что осуществить свою мечту он может, только покончив раз и навсегда с господством британского колониализма. Вот почему в конце февраля и начале марта нынешнего года на острове состоялись большие митинги и манифестации под лозунгами: «Наша единственная надежда — независимость!», «Мы будем бороться с Англией, не жалея жизни!», «Долой чужеземцев!».

В свое время на Мальте была обнаружена сложная и весьма разветвленная система выдолбленных в скалистом грунте путей, которые напоминают рельсовые. Нам довелось увидеть отдельные участки этих путей. Вот что они собой представляют. В скалистом грунте на расстоянии 137 сантиметров друг от друга проделаны две колеи. Глубина каждой из них — примерно полметра. Стенки имеют скос, поэтому верхняя часть шире нижней раза в три-четыре. Любопытно и то, что эти пути, доходя до морской черты, не исчезают, а продолжаются под водой. Факт этот был подтвержден аэрофотосъемкой. Надо сказать, что воды Средиземного моря так прозрачны, что даже в лунную ночь с самолета можно заметить подводную лодку, погруженную на небольшую глубину. Результаты аэрофотосъемки позволили сделать еще один вывод: в то время, когда строились «рельсовые пути», остров занимал бо́льшую, нежели сейчас, площадь.

До того, как улицами и дорогами Мальты завладели автомобили, мальтийцы совершали поездки в весьма оригинальных экипажах: на двух огромных колесах укреплялся деревянный кузов, в оглобли впрягался мул. Ко́зел для кучера не было: он должен был идти или бежать рядом с экипажем и управлять животным. Ученые предположили, что «рельсовые пути» как раз и предназначались для таких или подобных экипажей. Однако эта версия прожила недолго. Ведь если бы она соответствовала истине, тогда между колеями должна была остаться тропинка, выбитая копытами, а рядом — другая тропинка, для кучера. Ничего подобного обнаружено не было.

Возникал вопрос: что же являлось в таком случае движущей силой у этих экипажей? Неужели древние мальтийцы знали и делали какие-то механические повозки, нечто подобное современным ручным дрезинам?

Интересно то, что «рельсовые пути» в некоторых местах сходятся, пересекаются, напоминая переплетения рельсов на узловых железнодорожных станциях. Это вначале наводило на мысль, что в таких местах были каменоломни, откуда древние жители острова возили строительный материал на сооружение храмов. Однако это предположение не оправдалось: ни один из «рельсовых путей» не вел к тем местам, где находились храмы или дворцы.

Наконец, была выдвинута еще одна версия. Ученые-археологи обратили внимание на то обстоятельство, что на Мальте отсутствуют реки, озера, ручьи. И в наши дни жители острова употребляют дождевую воду, которую собирают в таких резервуарах, как Вагнакоурт и Фавара. Большую часть потребляемой воды приходится качать насосами из глубоких колодцев. Кроме того, собственные почвы острова никак нельзя назвать плодородными. Еще в прошлом веке мальтийцы ввозили с острова Сицилия землю и распределяли ее по террасам, покрывая скалистые, бесплодные участки.

— Это и натолкнуло на правильную мысль,— рассказывал нам мальтийский ученый, профессор Кассар,— о том, что в былые времена остров имел бо́льшие размеры и, видимо, на ныне затопленной части имелись проточные источники воды. На механических примитивных колясках воду возили на поля, в деревни и города. Не исключена возможность, что и землю привозили с Сицилии на лодках, а затем на тех же колясках доставляли к террасам.

— Какой же возраст «рельсовых путей»?

— Мы считаем, пятый-шестой век до нашей эры...

Сначала рыцари, а затем англичане распустили версию о том, что Мальта не может существовать сама по себе, без протекции экономически более сильной державы. Дескать, мальтийцы не смогли бы прокормить себя без ввоза продовольствия из-за границы. Такие проповедники считали «счастьем» для мальтийцев то, что остров — удобное место для военной базы.

Достаточно лишь раз взглянуть на Мальту, чтобы увидеть всю ложь этих измышлений. Само название «Мальта», в прошлом произносимое «Мелита», как предполагают, произошло от латинского слова «мел», то есть «мед». Впрочем, имеется и другая версия, утверждающая, что название острова произошло от финикийского «малат» — «порт». Однако неоспорим один факт: Мальта во времена античной Греции и Рима славилась медом. Да и не только медом. Парусина, вытканная из мальтийского хлопка, считалась лучшей. Ее охотно покупали в других странах для изготовления парусов. Она была особенно в большом спросе у римлян.

Когда-то богатый остров оскудел. Годы средневековья были безрадостными и для Мальты. Рыцари, главное занятие которых составляли грабежи соседних стран, тормозили развитие острова. Им нужны были только рабы, слуги, солдаты. В рыцарские времена сельское хозяйство страны пришло в упадок. Но и тогда мальтийские апельсины считались лучшими и подавались к столам королей Европы.

Господство англичан тоже не принесло добра мальтийцам. Лучшие участки земли теперь занимают аэродромы и воинские части, спортивные площадки британских господ, виллы, церкви.

...За деревянным столиком в ресторане сидят мальтийцы. Внешне они очень похожи на греков: довольно светлая кожа, крупные черты лица, черные густые волосы. Это, как можно судить по одежде, рабочие люди. Они о чем-то оживленно разговаривают, но, видно, беседа не очень веселая.

— Это про нас,— ткнул пальцем в газетную статью один из собеседников.

И, видя, что мы не понимаем по-мальтийски, перешел на английский:

— Новое увольнение рабочих. Новые безработные. Что хотят, то и делают эти «голубоглазые». Так мы называем англичан. А ведь мы вместе с ними выстояли войну, защищали остров, отбивали фашистские атаки. Сколько наших вдов и сирот оплакивают погибших! Мы храбро дрались, думая, что англичане оценят наши жертвы и освободят Мальту. Но этого не случилось...

...На палубе теплохода мы снова встретили спутника-англичанина и, рассказав ему о встречах на Мальте, задали вопросы, которые повторяем и сейчас:

— Не слишком ли долго вы, господа англичане, задержались на острове? Не думаете ли вы, что мальтийцам нужна не ваша защита от вымышленного агрессора, а скорее защита от вас?

И хочется, чтобы эти вопросы услышали наши сверстники на Британских островах, те, с которыми мы шагали в одном строю в годы войны. В те трудные времена они были защитниками свободы. А сегодня?

«Колонизаторы, убирайтесь домой!» — эти слова можно прочитать на стенах многих домов Ла-Валетты.

К какому из перечисленных орденов принадлежит этот монах?

В гостях у Федора Борзило

Евг. ПОПОВКИН

Рисунки С. ГОДЫНЫ.

Ходоки из украинского села Копаны Ефрем Гаркуша и старик пчеловод Мокрозуб неожиданно оказались в доме у Федора Борзило. У того самого розовощекого и самоуверенного шофера, который вез их на своей полуторке из Симферополя. И угодили как раз к обеду.

Перед этим Ефрем и дед Мокрозуб, встав пораньше, обошли чуть не половину села. Побывали на пасеке и свиноферме, переговорили и со старожилами и с теми, кто переехал в Крым не так еще давно.

И все больше склонялись ходоки к мысли, что есть прямой резон менять свои безводные, неурожайные копанские земли на Яблоневое, с его обширными прудами, виноградниками, богатыми садами.

Некоторое смятение в душе осторожного деда зародилось лишь после случайного обмена мнениями с одной из старух.

Повстречалась она им на краю села, возле колхозной овчарни. Непомерно долговязая и худая, с костистым и ядовитым лицом, женщина эта направлялась с ведрами к колодцу.

Ефрем Гаркуша заметил у нее под распахнутым брезентовым дождевиком вылинявшую спортивную майку с крупными буквами «СССР».

— Стойте, диду,— проговорил он дрогнувшим голосом.— Чи у меня в очах солнечное затмение, чи, обратите внимание, переходит нам дорогу с пустыми цибарками знаменитый мастер футбола.

— Поганѐнько наше дило,— сказал Прокоп Никитович, разглядев дальнозоркими глазами надпись на майке.— Тут, наверное, заведено так, что старушки футбол этот запускают в таких старикашков, как я...

Гаркуша поддержал его шутку:

— А что вы думаете! Определят вас в стариковскую команду за нападающего, придется вам свою лихость показать. А еще хуже, если она специалист по боксу...

Старуха наполнила ведра и пошла к овчарне.

— Извиняюсь, гражданочка,— остановил ее Гаркуша.— Есть до вас вопросы.

Шурша брезентовым дождевиком, она поставила ведра на землю.

— До животноводства, заметно по всему, имеете касательство? — спросил ее Гаркуша.

— Это вы про овец? — неожиданно густым и зычным голосом откликнулась старуха.— Начальнички, трясця их матери! Сена запасли на один день. Слышите, ревуть?.. Голодные обжоры, бодай они сказятся!..

Тут же, забыв и о голодных овцах и о ведрах, свирепой скороговоркой, из-за которой добрая половина слов безвозвратно пропадала, не достигая ушей собеседников, она принялась клясть и мужа — «старого паралика», привезшего ее в Крым, и бригадира, и все колхозное начальство. Досталось от ее языка и погоде, и какому-то землеустроителю, а заодно крымским горам и камням, которые ей «аж воняют».

— Мы уже месяц здесь,— громко, на всю улицу стала рассказывать старуха.— Ни картошки, ни капусты не взяли с дому. А тут где ее достанешь? У меня внучонок заболел, просит: «Сварите мне, баба, супчик, какой дома варили. С картошкой и грибами». Говорю: «А где их взять?!» Послала деда до соседей. Достал с десяток. Так, не стану врать, пацан поел и разом поправился... А подводы допроситься, чтобы дров из леса привезти, так легче в степу за ветром угнаться, чем за бригадиром. Печку украинскую поставили — одну-распроединственную на всю улицу. Все бабы, сколько есть, ходят туда хлеб печь...

Продолжать в этом духе старуха, видно, была способна долго. Но пока она, сурово оглядывая ходоков, низала слово за словом, подошел рыжебородый краснолицый старик, такой же высокий и в таком же брезентовом дождевике. Он уныло послушал.

— Я же тебе говорил, Катря,— мирно сказал он простуженным баском.— Как-нибудь наладится. В войну и не так бедовали... Переживем.

— Замовчь! — прикрикнула старуха запальчиво.— Дай с благородными людями поговорить.

— Еще один вопрос до вас,— обратился к словоохотливой собеседнице Гаркуша.— Вот эта маечка... Та, что на вас... До физкультурного движения вы тоже имеете отношение?

— Оця? — Старуха горделиво провела ладонью по своей впалой груди, поблекшие глаза ее потеплели.— У меня внучонок старшенький... Чемпиён... Так то подарочек из Винницы прислал.

Гаркуша, силясь удержать улыбку, сказал Прокопу Никитовичу:

— Считайте, что вы спасены.

Они попрощались со стариками, двинулись дальше.

Из-за облаков, медленно плывших над селом, вдруг снова проглянуло солнце, высветлило ровный ряд тополей за овчарней. Белые, из сплошного известняка холмы за кукурузным полем стали еще белее, словно только что присыпало их снегом.

Но стояла теплынь, снега не было и на вершинах дальних гор.

Минут сорок спустя, когда ходоки шагали уже по центральной улице, дед Мокрозуб,

---

Глава из нового романа «Таврида».

расстегнув жаркую для здешних мест поддевку, озабоченно почесал бороду.

— Старушка эта, хоть я и вижу, что сварливая, а настроение мне подпортила. Слышал? И картошки нету, и хлеб пекут в одной печи.

— Так они месяц всего, как переехали!

— Оно-то так, а все одно тревожусь.— Прокоп Никитович с сомнением покачал головой.— Привезем своих копанских хозяек, они языкастые, увидят такое неустройство, все волосья нам выскребут. А у меня их сколько? — Он ткнул согнутым коричневым пальцем в скудные остатки седых волосков под картузом.— О! Вишь! На две драки. На большее не потянет...

Гаркуша слушал рассеянно. Ему тоже было жарко в бушлате, но он, как и подобало бывшему моряку, стойко переносил превратности крымской погоды.

Поравнявшись с большим, утопающим в зелени домом с резными наличниками окон, с навесом на точеных столбиках над выкрашенной в яркую голубую краску дверью, Гаркуша остановился.

— Ну, Микитович,— сказал он, приглаживая короткие усики.— Тут вся ваша паника и закончится. Если только эту дачку не занимает какое-нибудь начальство.

Возле ворот стояла полуторка. Кто-то копался под ней, лежа на спине и выставив наружу ноги в кирзовых, заляпанных грязью сапогах.

Гаркуша подошел и заглянул под кузов.

— Не скажешь, браток, кто хозяин в этом доме? — спросил он.

— Скажу,— откликнулись из-под машины.

Отряхиваясь, вытирая руки обрывком замасленной мешковины, выкарабкался Федор Борзило.

— Эге! Старые знакомцы! — сказал он, щуря светлые нагловатые глаза.— Хибарой этой интересуетесь?.. То заходите, прошу... Бо это моя.

Борзило пропустил гостей в калитку впереди себя.

— Таиска! — с хозяйской властностью окликнул он пышноволосую грудастую женщину, мелькнувшую в сенцах.— Чтобы все было в норме!

Походкой уверенного в себе человека, твердо ступая по дорожке, усыпанной шуршащей щебенкой, он провел гостей к крылечку.

Крепкий, из ракушечника дом под рыжей черепицей, яблони и персики за штакетником, беседка, увитая чуть тронутой уже ржавчиной виноградной лозой, поросята, сыто хрюкающие в загородке, утки и гуси в углу просторного двора — все говорило о солидном достатке.

— То все ясно,— буркнул Гаркуша, одергивая бушлат.— Пошли дальше, Прокоп Микитович.

— Э-э, нет! — развязно-весело возразил Борзило.— Моряка севастопольского встретил, Крым вместе освобождали, да чтоб такое событие не отметить?! Этот номер не пройдет, нет! Сейчас я полуторку на прикол поставлю, посидим, пообедаем...

Вид у Федора Борзило был самодовольный, упитанное лицо его, белое и румянощекое, почему-то не тронутое крымским загаром, лоснилось. На нем было написано неподдельное радушие.

— Мне с хорошими людьми посидеть, побеседовать — первое дело,— оживленно говорил он, проворно что-то убирая, наводя порядок в горенке.

Судя по всему, в его доме были готовы принять и угостить людей в любое время. Жена, невесть когда успевшая сменить будничную юбку и кофточку на клетчатое, городского покроя платье, уже собирала на стол. Мать ее, старуха с плоским, невыразительным лицом, неслышно семеня короткими отекшими ногами и переваливаясь с боку на бок, помогала носить блюда и тарелки. Они шептались меж собой, входили и выходили. Гости как следует и не осмотрелись, как стол уже был уставлен посудой с крупно нарезанным салом, холодцом, квашеными помидорами, капустой.

Но Федор Борзило, внеся в горенку две поллитровки водки и поставив их среди тарелок, угощать не торопился.

— Один человек сейчас подойдет,— сказал он.— Для компании. А мы пока покурим.

Он сел за стол напротив Гаркуши, спросил:

— Так, значит, тоже страдал в Севастополе? А я вокруг него в сорок четвертом покрутился. Сапун-гору брал. И до этого — на танке. С Четвертым украинским фронтом шел... Раненый был дважды... Ордена есть, все, как полагается...

Гаркуша и Прокоп Никитович слушали его молча, не перебивая.

Борзило положил по-свойски руку на плечо Гаркуши.

— Я, думаешь, почему тебе историю своей жизни рассказываю? Мы с тобой всякого хлебнули. А вот те, кто пузо и загривок во время войны наели, те с фронтовиками не дуже считаются.

— Это ты про кого?

— Есть такие. Ну, да меня голой рукой не возьмешь... У тебя жена есть?

— Пока не обзавелся.

— Дело наживное. Могу тебе такую сосватать, век горя знать не будешь.

Гаркуша усмехнулся.

— Сватай ту, яку сам хочешь, а не ту, яка за тебе йде. У нас так говорят...

— Соловей спива́, поки дитей нема́,— вставил Прокоп Никитович.— Ефрем Иванович у нас еще молодой.

— Не моложе меня? — полюбопытствовал Борзило.

— Я с девятьсот двадцатого,— сказал Гаркуша.

— Годки! Я тоже с двадцатого.

Борзило бодро похлопал широкой ладонью по плечу Гаркуши, подмигнул. А тому вспомнилось, как Федор вез на городской базар в колхозной полуторке спекулянток. И как кто-то из яблоневцев сказал о Борзило, что он «из блохи голенище выкроит».

— Живешь крепенько,— сказал Гаркуша.— Получше других... Или хорошее приданое взял, или трофеи с войны привез?

— Э-э, нет! — энергично потряс головой Борзило.— Ты это брось! У моей Таисии и приданого всего было — две подушки, одеяло да хворая мамаша... А трофей?.. Что верно, то верно. Трофей привез... Один-единственный... Движок немецкий... Так он без дела возле дота валялся.

— А ты его приспособил,— усмехнулся Гаркуша.

— Точно! — подтвердил Борзило, снова подмигнув.— Если тебе всю мою автобиографию начать рассказывать, ты не поверишь.

— Может, и поверю.

— Вернулся с фронта, гляжу, вся колхозная индустрия в одном сарайчике вмещается. Три лопатки, два плужка ржавых. А я механик. Мне разворот нужен.

— Развернулся, видать, неплохо.

— Старался... В труде я человек упрямый. Всего перепробовал. И в табачной бригаде вкалывал и свиней пас... Эге-е, думаю, так из злыдней не выберешься. Жилы порвать можно, а других никто не выдаст. Как мой батя покойный говорил, мешком ветра не перенять... Подумал, потом опять подумал... Что б рыбку есть, надо в воду лезть.

— Рыбак из тебя добрый,— сказал Гаркуша.— Живешь с электричеством, не так, как другие. И на базаре, наверное, кой-что продаешь?

— Продаю! — ответил Борзило с вызовом.— И не стесняюсь... Свое продаю, горбом заработанное. Кабанчиков годую. Учти, культурно продаю. Сало у меня во какое — в четыре пальца! А я приказал хозяйкам: торгуйте на полтинник или рубль дешевле, чем спекулянты дерут. Теща возит в город или на вокзал — сразу разбирают...

— Что ж хворую тещу не жалеешь? — скупо улыбнулся Гаркуша.

— Ну, это вопрос посторонний,— чуть запнувшись и помигав белесыми ресницами, ответил Борзило.— Я день-ночь, день-ночь в колхозе вкалываю, без всяких выходных... А жизнь у нас одна, да и та быстротечная. Вся награда, что сытно поешь, пампушечек-галушечек в шлунок накидаешь, с дружками баночку раздавишь.

Борзило хотел сказать еще что-то, но во дворе хлопнула калитка.

— Кажись, пришел,— сказал он, прислушиваясь.

Кто-то, переговариваясь с хозяйкой, вытирал в сенцах ноги, шумно сморкался. Потом в комнату вошел, приглаживая на лысеющей голове редкие рыжеватые волосы, пожилой полнотелый мужчина с широкоскулым лицом и быстрыми, все на ходу схватывающими глазами.

— То теперь в полном сборе,— сказал Борзило, оживившись.— Это Иосиф Матвеевич, наш завмаг.

Здороваясь за руку с гостями, вошедший коротко представился:

— Коваль.

Борзило ловким шлепком ладони выбил пробку из бутылки, разлил водку в чайные стаканы.

— Курица, как говорится, и та пьет,— сказал он,— а тут такой случай... С хорошими людьми...

Прокоп Никитович подержал свой стакан, слегка пригубил. Гаркуша, Коваль и Борзило, глядя друг на друга расширенными глазами, выпили до дна.

Завмаг стал обстоятельно закусывать, медленно двигая челюстями. Широкие скулы и лоб его вмиг порозовели, покрылись потом.

— Фамилия ваша вроде на украинский манер? — обратился к нему Прокоп Никитович.

— А я и есть с Украины,— ответил Коваль с набитым ртом.— Из Ровенской области сюда попал.

— Переселенец давний,— кивнул на него Борзило.— Тоже, когда приехал, был и в полеводстве, и столярничал, и пчелами занимался.

— Пчелы — это вот нашего Прокопа Микитовича специальность,— вставил Гаркуша, жуя.— Он такую пасеку в Копанах завел, со всей области к нему за советами ездят.

— Да-к, слыхал я от одного человека, у них там на Ровенщине пасеки побольше наших,— скромно сказал дед.

Коваль кивнул.

— Пасеки большие были. Но смотря у кого. У монахов... Разве одни пасеки? И огромадные леса, и конюшни, и сады в монастырях... Эт-то, я вам доложу, как прибрали все к рукам долгогривые!

— Христа ради жили,— понимающе сказал Прокоп Никитович.— А хрестьянам напряженно при них было. Победствовал смолоду и я в имениях...

— Гэ! — Коваль пренебрежительно дернул головой.— Как мог крестьянин при панах существовать? Каганец у него вместо лампы. Свитка, кобеняк заместо пальта... Мазанка такая, там только поросят держать. А прозябало все семейство. Такой вот домик, как у Федора Андреевича, только поп имел. Или панский управляющий...

— В Новых Асканиях, у Фальцвейна...— попытался вставить слово Прокоп Никитович.

Но Коваль, не слушая его, продолжал:

— Пожили божьи пастыри благоустроенно. Я вам одну историю расскажу. С натуры...

— Еще по одной выпьем,— сказал Борзило,— а то, где не мажут, там рыпыть...

— Да, так вот слушайте...— говорил Коваль.— С моим соседом приключилось... Дожился он до того, что приходит домой, а жрать нечего. Подает ему жена голый борщ, без картошки, без мяса, не говоря уже про сало. Ну, дядько лютует, злость на своей хозяйке срывает...

— Как водится,— ввернул Прокоп Никитович.

—...Слушала баба его, слушала, потом говорит: «Хочешь, все будет? Можно,— говорит,— так сделать, что батюшка наш в упряжке у тебя ходить будет». «Как это?» «Он меня, когда я на исповедь ходила, в Дубовку звал...» Дубовка эта — лес у них монастырский. Там такие липы — никакой ливень не пробьет...

— На богомолье, стало быть, молодицу приглашал,— подмигнул игриво Борзило.

— Слухайте дальше. «Сиди и не рыпайся»,— говорит дядько жене. А она ему: «Так ты ж со мной пойдешь». Дядько подумал. «Тогда иди»,— говорит.

— А он с дрючком,— вставил Борзило, слышавший эту историю от Коваля раньше.

— Надела на себя баба что у ней было пофасонистей, пошла. Муж пережидал трошки, подвигается отдаля. Добрел, а патлатый уже рясой над его жинкой трясет...

— Шустрый был! — восхищенно сказал Борзило.

—...«Стой, отче,— говорит дядько.— Совесть у тебя есть?» Тот без лишнего разговора вынает полсотни.

— У него жучка в поджилках заиграла,— хахакнул хозяин.

— Видит дядько, можно байбака толстопузого еще подоить. «Э, нет,— говорит,— полсотни не хватит». Долгогривый вынает еще двадцать. «Мало». Поп чуть не плачет. «А у тебя,— спрашивает,— совесть есть? Ничего же грехового не свершилось. За что тебе столько?!» Но дал еще десятку.

— А куда ему было податься? — с удовольствием причмокнул Борзило.

— Купил мой сосед за семьдесят целковых корову, двух кабанчиков,— весело заключил Коваль, снова принимаясь за еду.

Теща хозяина, все так же, по-утиному переваливаясь на своих толстых ногах, внесла дымящуюся в тарелках лапшу.

— Кушайте, товарищи,— сказала Таисия, передавая мужу еще одну бутылку.

Борзило снова разлил водку в стаканы.

— Поизвиняйте, но я ее не пью,— сказал Прокоп Никитович, отставляя свой стакан.

— Э-э-э, диду! — добродушно заметил хозяин.— Не пьют только двое: кого не угощают и у кого выпить не на что... Однако приневоливать не будем...

Выпив, он встал из-за стола, включил радиоприемник, нашел музыку, настроил погромче и снова сел рядом с Гаркушей.

— Дуже полезная штука,— сказал он, кивнув на радиоприемник.— Читать газетки времени нету, а новости я все знаю... Вот передавали недавно, что американцы ворвались в этот... Ну, город в Корее...

— Сеул,— подсказал Гаркуша.

— Ага. И вот чего я, братцы, недопойму.— Борзило понизил голос, оглянулся по сторонам.— Наши передают одно, американцы — другое. Хотя бы про эту Корею.

— А ты что, американцев не знаешь? — спросил Гаркуша.

— Видел я их. Когда Ялтинская конференция была, их в Крым до черта понаехало. А я в патрулях был.

— Ну и что?

— Ребята неплохие. Веселые. Выпить мастаки. Я у одного за пол-литра замшевую курточку выменял...

Гаркуша ощутил свойственный ему во хмелю приступ запальчивости.

— Во-во! — глухим от скрытого раздражения голосом перебил он.— Этим они тебе и понравились?..

— Живут они лучше нашего,— понизив голос до шепота, таинственно сказал Борзило.— Я вот слушаю по радио «Голос Америки» или «Свободную Европу»... Добре живут!

— Чего ж они тебе такого рассказали про свое добро? — подрагивающим голосом задал вопрос Гаркуша.

— Всего не упомнил,— ответил Борзило с зевотцей.— Но у них там все иначе. Кто чем хочет, тем и занимается.

— Частная нициатива,— солидно заметил Коваль, отрываясь от миски с лапшой. Налитый до ушей спиртным, багровый, он ел смачно, с аппетитом и не особенно активно вмешивался в разговор.

— Говорят не нициатива, а и-ни-циати-ва,— ядовито поправил Гаркуша. И, повернувшись всем своим крепко сбитым туловищем к Борзило, желчно повеселев, сказал: — А кто тебе, браток, запрещает лавчонку на базаре открыть? Торгуй! Поросятами, курями, яйцами... Вот тебе и частная «нициатива»,— передразнил он Коваля.

— Я же не могу,— простодушно ответил Борзило.— В колхозе состою. На три свадьбы, как говорится, с одним задом не поспеешь.

— Будешь буржуйчиком. Слышишь? — напирал на него Гаркуша.

— Ладно.

— Каждый день водку пить будешь.

— Ладно... Я не луреат...

— Кто ты, я уже вижу,— сузив зрачки, сказал Гаркуша.

Таисия, резавшая в сторонке хлеб, оглянулась на мужа и Гаркушу, настороженно вмешалась:

— Что ты, Федя, плетешь? Люди черт-те что подумают.

— Ладно.

— Я тебе говорю!.. Перемолчи. Пусть люди высказываются.

Борзило ухмыльнулся и, меняя тему разговора, спросил Гаркушу:

— Про Каховское строительство слыхал?.. Вот размышляю... Не податься ли мне туда? Как услышал по радио утром, двадцать первого сентября передавали, что каналы будут строить, электростанцию, поверите, сна лишился...

Гаркуша взглянул на него. «Черт его поймет, что за человечина!» — подумал он, уловив в голосе Борзило неподдельный интерес к далеким от Яблоневого делам.

По радио транслировались народные песни. Все стали слушать.

— Помнишь, в Севастополе пели? — спросил Борзило Гаркушу.— На мотив «Раскинулось море...»

Прокашлявшись, он хрипловато запел, помогая себе рукой:

Одиннадцать месяцев взяты в кольцо,
Боролись, как дикие звери...

Гаркуша негромко подтянул:

Но пал Севастополь, и наше лицо
Спокойно приняли глубины.

— А ты откуда знаешь эту песню? — полюбопытствовал он.

— Когда Севастополь у фрица отбили, я ее списал на память.

Гаркуша, загрустив глазами, тихонько продолжил:

Друг милый, не в силах я крепость сдержать,
В крови мы стоим по колено...

Теперь уже подхватил Борзило:

Я вижу, как пулей снесенный мой брат,
Но приказ «отступать» не гремело...

— Федь, выйди на минутку,— перебила песню Таисия.

Через минуту Борзило вернулся, сел за стол.

— Кто там? — спросил Коваль.

— Солодкая присылала. Нам с ней в Тенистое надо ехать...

— То давайте, братки, закругляться,— сказал Гаркуша.— Средь белого дня, в будничное время пьянку затеяли, а люди работают. Спасибо хозяину, хозяйкам...

— Успеем,— отозвался Борзило, удерживая его за рукав.— Всем обедать полагается. Подождет Ольга Ивановна.

— Как она у вас, ваша Ивановна эта? — полюбопытствовал Прокоп Никитович.

— Толковая женщина,— ответил Коваль.— И партизанила геройски и в партейных делах понятливо себя ведет. А если подумать, кто она была? Трактористка... Председатель наш, тот не дуже...

— Это ты, Иосиф Матвеевич, брось,— оборвал его Борзило.— Председатель — дай бог всем такого. Хозяин! За таким прожить можно.

— Бестолковщины все-таки в колхозе много,— не согласился Коваль.

— Какой бестолковщины? — Борзило недовольно уставился на своего приятеля.

— К примеру... Для чего свинарник он такой во второй бригаде отбухал? Душ с теплой водичкой, полы чуть не кафельные... Смеются же все. У Лискуна, говорят, выгодно поросятом быть.

— Это мы с Ефремом Ивановичем видели,— сказал Прокоп Никитович, вздохнув.

— А я вот еще чему удивляюсь,— продолжал Коваль.— Почему так получается? Когда свиньи стали прибаливать, так одна комиссия за другой, один уполномоченный за другим... Из района, из области... На каждую букашку, как говорится, пишут бумажку... А помнишь, Федор, сколько весной людей болело? Так доктора тогда не дозваться было...

— Уполномоченных и у нас много ездит,— сокрушенно вздохнул Прокоп Никитович.— В нашей сельраде даже кожух обчественный для них есть. И прозвали этот кожух «державным заповедником».

— Ну, на дорожку, друзья,— сказал хозяин, поднимаясь.— Переезжайте к нам, в Яблоневое, не сомневайтесь... Понравится...

Гаркуше хотелось, прежде чем покинуть село, повидать Солодкую, и Федор Борзило пригласил его в кабину.

Но в сельсовете они парторга не застали. Солодкая уехала в Тенистое другой машиной.

— Там у нас третья бригада,— сказал Борзило.— Если охота, поедем. В час-два обернемся. И мне веселей будет.

Гаркуша сразу согласился. Пока выезжали на полевую дорогу, оба молчали. Потом Борзило сказал:

— Слушал я недавно по радио, какие экскаваторы выпускают на одном заводе... Эт-то штуковина! Ковш четырнадцать кубометров берет... Во! Сила? Моторов одних на нем сорок четыре. Это ж всему Верхне-Садовому, нашему райцентру, электричества хватит...

— Ново-Краматорский завод выпускает,— сказал Гаркуша.

Борзило помолчал, потом проговорил мечтательно:

— На такой бы цацке поработать! А?

Гаркуша внимательно посмотрел на него сбоку, покрутил головой.

— Никак тебя не разберу,—усмехнулся он.— Двудомный ты какой-то. Бессвязный. С одной стороны, вроде человек рабочий. С другой... кулачок поганый в тебе сидит. И крепенько.

— Как это?

— А так. Рвач.

— Тю!

— Спекулянт.

— Ну, ну, говори,— трезвея, буркнул Борзило.— Я тебе отвечу.

— Скажу. Хочешь, обижайся, хочешь, прислушайся... Как бывшему фронтовику скажу...

— Это что я на базар кой-что вожу?

— Не только... Был бы ты не такой, как есть, от базарной трешки или десятки у тебя с души воротило бы... А движок, с которого ты тоже поганую копейку выколачиваешь!.. А? За магарыч свет людям проводишь...

Борзило сердито сдвинул белесые брови. Он не дал Гаркуше договорить, с внезапной запальчивостью перебил:

— А я тебе обратно вопрос задам. Партия нас до культуры зовет? Зовет... Пока они станцию построят, так я при каганце должен ослепнуть?

— Кто — они?

— Начальство.

Борзило говорил резко, с дерзостью человека, уверенного в своей правоте, и Гаркуша, не отводя глаз от его самодовольного и сейчас раздраженного лица, с минуту молчал. Понять его, в чем-то переубедить было, как понял Гаркуша, делом не легким, но по своему характеру, задиристому и энергичному, он уже не мог остановиться.

Он извлек из кармана портсигар, протянул Борзило папиросу. Когда оба закурили, Гаркуша вдруг спросил:

— Ваш колхоз как называется? «Путь Ильича»?

— Точно.

— Хоть когда-нибудь подумал, почему люди такое название выбрали?

Борзило, переключив скорость и преодолев залитую густой грязью глубокую колдобину на дороге, не оборачиваясь, сказал:

— Политграмоту начнешь мне сейчас рассказывать... Я ее в кружке, у Солодкой Ольги Ивановны уже третий год слушаю.

— Не теми ушами,— буркнул Гаркуша.— А мне вот какие мысли в голову лезут... Владимира Ильича путь... Был бы он жив, посмотрел бы на колхоз своего имени... Посмотрел бы на бывшего фронтовика Федора Борзило...

— Давай, давай!

— Как, предполагаешь, что бы он сказал?

— По политграмоте?

— Ленин не по политграмоте жил,— сказал строго Гаркуша.— Политграмота — это, браток, то, чему партия у него училась... У товарища Ленина. Понял?

— Ну, ну...— Борзило отчужденно вертел баранкой.— Послухаю умного человека.

— Ты что-нибудь о коммунизме слышал? — еще строже сказал Гаркуша с острым блеском в глазах, в упор.— Есть у тебя такое стремление, чтобы не только другие, которые после нас вырастут, а ты и сам при коммунизме пожил?

— А у тебя? — меланхолично переспросил Борзило.— Есть такое желание? — И, не дав ответить, сменил вдруг тон.— А кровь свою я за что проливал? Ответь. Не за коммунизм? Сколько же мне надо вкалывать, чтобы хоть доторкнуться до того коммунизма?.. Туманное дело... Сколько лет ждать еще, ответь, раз ты такой шибко политический.

— Ждать, говоришь,— ухмыльнулся Гаркуша.— Мол, кто-то придет, шапочку скинет: «Здоровеньки булы, гражданин Борзило! Привезли вам счастливую жизнь. Принимайте! Куда ее сгружать?» Как из кладовой... Думаешь, коммунизм у тебя на подворье вот так появится? А тебя же и дома не застанут. Ты со своими подсвинками и утятами на базаре в это время будешь.

— Та-ак,— сказал Борзило насмешливо.— Давай дальше.

— Когда тебе партия сказала, что мы счастливую жизнь уже построили? Не говорила наша партия этого. Она говорит, что нужно ее еще построить... Мы должны, а не чужой дядя.

— Это я от Солодкой тоже уже слыхал,— сказал Борзило.— Что-нибудь новое придумай.

— И вот как получается, браток,— продолжал Гаркуша, не обращая внимания на его реплики: — Вложил бы ты свои силы, Федор, и другой такой, не в персональный свинячий катух. Не в базарную копейку... Глядишь, каждый бы в колхозе лучше зажил.

— Пустые твои балачки! Аж слушать не хочется.

— А то посмотрят и другие на колхозного механика, бывшего фронтовика, да и себе...

— Это слова избитые. Я их тоже слыхал.

— Знаешь, от одного гнилого яблока весь воз, бывает, гниет... И жинку свою зря в хате запер.

— Жену мою не трогай,— оборвал Борзило.— Слышь? Жену свою имею право соблюдать, как хочу.— На лбу и на шее у него надулись жилы, бесцветные ресницы сердито подрагивали.

— А ты жидкий в разговорах,— поддел его Гаркуша.— Оно, конечно, не дуже хорошо получилось. Пришел в гости, выпил, а потом стал стружку снимать. Обидел тебя?

— Обидел.

— Без умыслу.

— Ладно! С моей психологии стружку многие снимали. От самого Сергеева, секретаря райкома, не раз попадало. Но я не трус. На трусливых воду возят.

— Ну и черт с тобой! — сухо сказал Гаркуша.— Я тебе еще не все выложил. Дуже ты до американцев прислушиваешься. До «Голоса Америки».

— А ты много ее слухал, Америку? — пренебрежительно бросил Борзило.— То и не гуди.

Полуторка, с грохотом подпрыгивая на ухабах, неслась мимо окраинных домиков Тенистого. Борзило, словно и не было у него только что перепалки с Гаркушей, примирительно сказал, щуря в улыбке светлые глаза:

— Солодкая Ольга Ивановна обрадуется, что такой балаболка, политикан, как ты, в Яблоневом якорь бросит! Она таких любит.

Читайте в №№ 33 и 34 «Огонька» повесть В. Кожевникова
«ВСЮ НЕДЕЛЮ ДОЖДЬ»

«Россия» в Ленинграде

В одном из красивейших уголков Московского района Ленинграда, напротив парка Победы, выросло белоснежное десятиэтажное здание. У входа—скульптура из золотистой мозаики — женщина, несущая спутник. Это новая гостиница «Россия». 414 номеров уже приняли первых гостей. В холле, в гостиных, в ресторане много света, просторно. Изящную, удобную мебель смастерили ленинградские фабрики.

«Россия» — пятнадцатая по счету гостиница в Ленинграде. В этом году строители сдадут еще два новых отеля.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото В. Самойлова.

По 15 республикам

По территории 15 союзных республик лежит путь узбекских автотуристов — Бориса Ходжаева — оператора ташкентской студии телевидения и Владислава Немаева — шофера из Ташкента. Более 30 тысяч километров предполагают проехать друзья за 4 месяца своего путешествия. Основная цель поездки — съемка киноновелл о труде.

К открытию Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир туристы прибыли в Москву, пройдя за 40 дней путь в 14 тысяч километров.

В. БАБАЯЛОВ

Автотуристы в дни Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир на Красной площади встретились с участниками конгресса.

Фото автора.

МОРСКОЙ БРАТ «СПУТНИКА»

Крылатые суда на реках и водохранилищах страны уже не новинка. Их конструкторы — сормовские инженеры — теперь «завоевывают» моря.

Сейчас на Черном море проходит опытную эксплуатацию 150-местная «Комета» — морской собрат «Метеора», который успешно работает на скоростной линии Горький—Казань. Недавно в гавани завода «Красное Сормово» на воду спущен морской брат «Спутника» — 300-местный «Вихрь».

«Вихрь» — самое крупное цельносварное морское судно на подводных крыльях. Оно сделано из легких алюминиево-магниевых сплавов, синтетических материалов, стеклопластиков. Пассажирам созданы все удобства: три комфортабельных салона с мягкими откидными креслами, прогулочная палуба, буфет, ресторан...

В отличие от речного лайнера на «Вихре» новая схема крыльевого устройства. Подкрылки в носовой части и дополнительное крыло на середине днища смягчат удар морской волны, обеспечат кораблю устойчивый ход при волнении в 4—5 баллов.

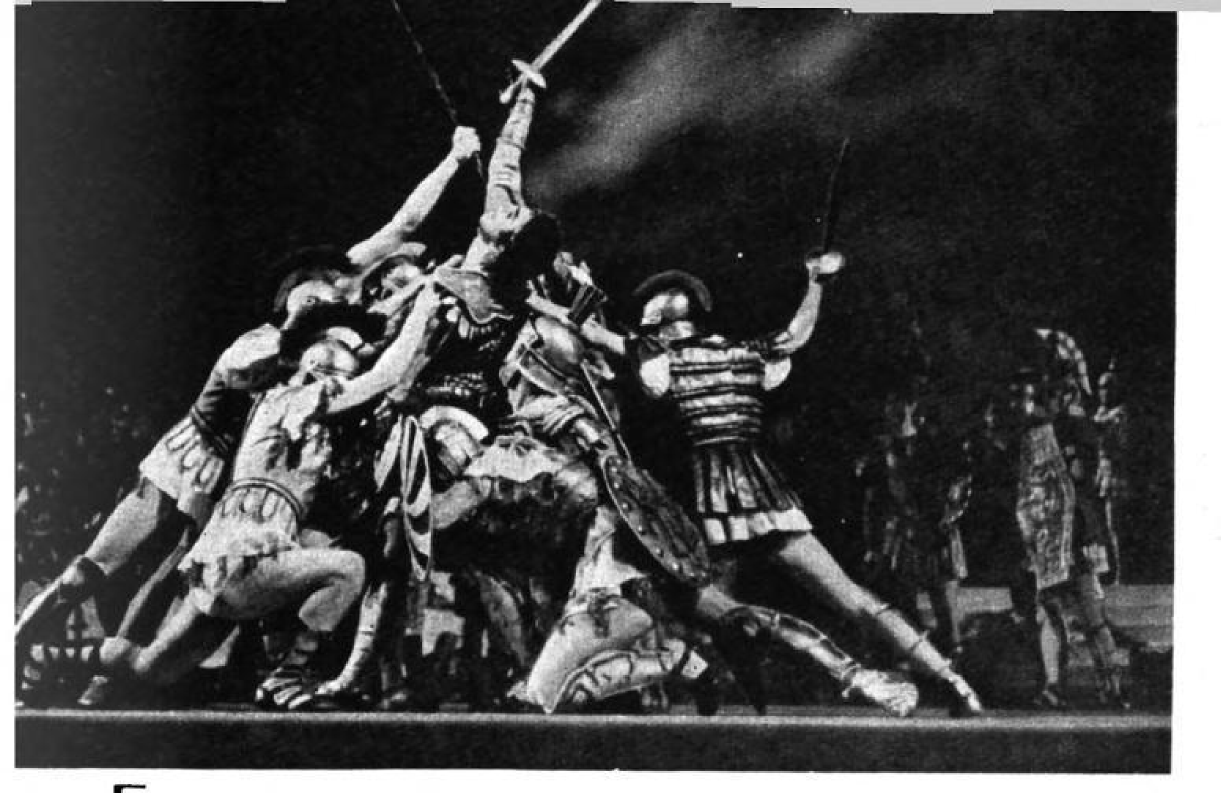
«Вихрь» будет испытываться на Горьковском море, а потом уйдет к берегам Черного моря. И уже в этом году курортники убедятся в преимуществах крылатого экспресса.

М. УРЕС

Спуск на воду «Вихря» в гавани завода «Красное Сормово».

Фото Н. Капелюша.

Сцена из III акта. Гибель Спартака

Л. ЯКОБСОН,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Балет и современность

Получив приглашение поставить в Большом театре балет А. Хачатуряна «Спартак», я не без внутренней борьбы принял предложение. Во-первых, балет этот уже шел в Большом театре и был снят с репертуара. Во-вторых, всего несколько лет назад я поставил «Спартака» в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова. Копировать ленинградский спектакль не хотелось, а сочинить новый на ту же музыку, на ту же тему всегда трудно вдвойне. И все же я согласился. Причина? Меня не удовлетворяла идейная концепция осуществленного спектакля. В нем неоправданно большое место занимала любовь сподвижника Спартака Гармодия к гетере Эгине — наложнице Красса. Под влиянием Эгины Гармодий изменяет Спартаку, в лагере восставших происходит раскол; войско Спартака терпит поражение в сражении с Крассом, и сам Спартак погибает.

Тогда я вновь стал думать о «Спартаке». Перечитал Плутарха, труды по истории Рима. Версия с Эгиной и Гармодием показалась мне совсем сентиментальной и исторически неправомочной. Возможно ли, чтобы величайшее в древнем мире революционное движение рабов потерпело поражение только из-за женской прихоти! В спектакле Большого театра я отказался от этой версии. На сцене присутствуют два мира. Один — Рим патрициев, богачей, олицетворение величия и могущества. Предчувствуя свой закат, он предается необузданным наслаждениям и диким развлечениям. Этому миру противостоят рабы, тысячи рабов, которые осознали себя людьми. Они рвутся на волю, борются за свободу, но силы неравны: сильный и могучий Рим им не победить.

Музыка Хачатуряна — образная, сочная, страстная, но лишенная непрерывности драматургического развития — подсказывала, что спектакль выгоднее решать как отдельные эпизоды из жизни Спартака — фрески, а не как непрерывный рассказ героя. Зритель как бы попадает в музей: в первом зале он видит фреску — победоносное возвращение Красса в Рим. Красс въезжает на колеснице, запряженной пленными рабами, среди них — Спартак. В следующем зале другая фреска — рынок рабов. Спартака покупает владелец школы гладиаторов, а его жену Фригию продают Эгине. Потом идут еще фрески: цирк, бой гладиаторов, заговор рабов, восстание, пиршество у Красса...

«Спартак» — хореографический спектакль, и, конечно, все эти фрески даны в движении, в танцах, раскрывающих характер героев, их взаимоотношения. Однако наряду с этим в нашем спектакле есть и совершенно статичные сцены — барельефы, как мы их назвали.

С самого начала работы над спектаклем предстояло решить, какими движениями, каким танцем, какой хореографией смогут исполнители рассказать зрителю о героическом восстании рабов.

Вопрос этот может показаться праздным. Балет Большого театра снискал себе славу одной из самых лучших в мире классических балетных трупп. Его блистательные мастера своим искусством покорили мир. Ясно, что только в традициях классики можно поставить спектакль на его сцене.

— Нет, — отвечу я, — нет и еще раз нет! Несмотря на то, что все сказанное о классическом балете Большого театра справедливо.

Сделаем маленький экскурс в историю мировой хореографии.

Классическая балетная школа существует столетия, танец, хореография — тысячелетия.

Римские ателаны, итальянская комедия масок, русский балаганный театр, пантомимы Японии, Китая, классический индийский танец — все это свидетельствует о том, что человек может выразить свои мысли и чувства пластически не только при помощи классического танца. Стиль, который мы именуем балетной классикой, родился в «галантную» эпоху французского абсолютизма. Не удивительно, что в его основе выворотность ног, условность поз, жестов; все это — в соответствии с придворным духом.

Классическое балетное искусство развивалось, усложнялось и в так называемом романтическом балете достигло величайшего совершенства — встало на «пальцы». В это время уже появляются великие артисты. Они, несмотря на условную форму балетного искусства, умели передавать живые человеческие чувства. Однако внутри классической балетной школы издавна идет борьба между пантомимой — стремлением показать внутренний мир человека — и танцем с его искусственным, стилизованным языком.

Крупнейшие балетмейстеры — от Новерра (Франция, XVIII век) до нашего современника Фокина — пытались очеловечить вычурный и манерный язык классического балета. В спектаклях, как правило, действие, содержание раскрывается в пантомиме, а танец демонстрирует технические достижения артиста. И наряду с классическими партиями в таких балетах обязательно присутствуют персонажи, действующие только в пантомиме.

Попытки воплотить средствами балетной классики современную тему оказались в большинстве своем несостоятельными.

Все это вовсе не означает, что я призываю к низвержению, уничтожению на нашем театре балетной классики; в ней наше искусство, очевидно, еще и еще даст свой взлет.

Чтобы меня правильно поняли, приведу такой пример. В Дрезденской галерее хранится «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Произведение великое и прекрасное, в совершенстве формы воплотившее идею красоты, юности, женственности и материнства. Но представим себе, что художник, наш современник, захочет написать портрет женщины-матери. Что ж, разве он должен подражать Рафаэлю, писать свое полотно его художественными средствами? Конечно, нет!

До нас дошли великолепные классические балеты: «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Жизель»... Но новый балет надо ставить по-новому.

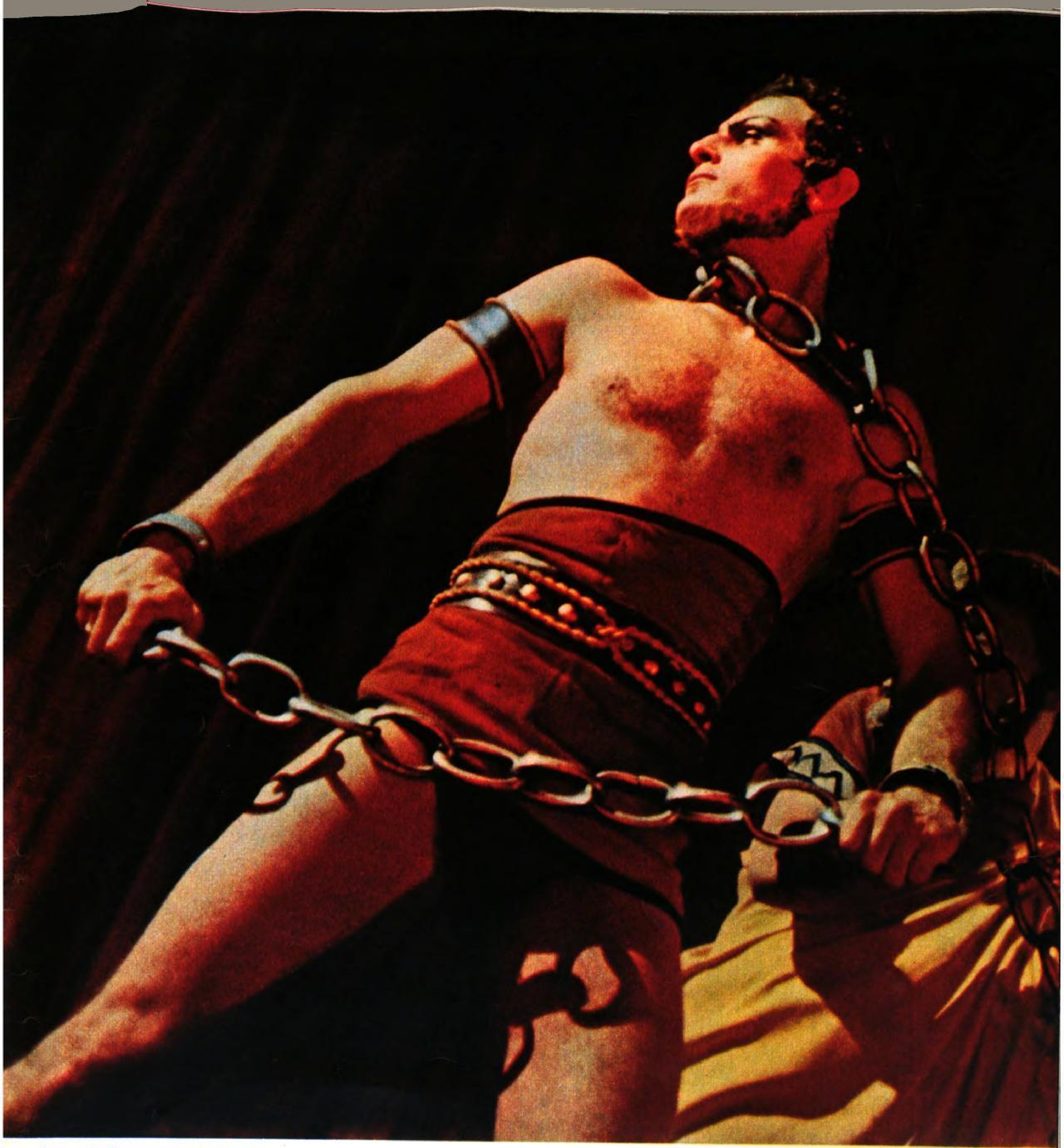
Так вот, приступая к работе над «Спартаком», я совершенно отчетливо понимал, что если о жизни Древнего Рима рассказывать в стиле классического балета: заставить римлянок и рабынь стать на пальцы, а римлян — крутить пируэты и делать прыжки, — это будет выглядеть противоестественно и фальшиво. Балетный спектакль превратится в некое условное действо, приправленное красочным дивертисментом. Я решительно отказался от классики и обратился к хореографической пластике.

Конечно, нелегко было артистам Большого театра войти в иной образный мир. Они вначале даже не представляли себе спектакль без классического танца.

Но постепенно, в процессе работы исполнители увлеклись новыми задачами и создали сочные, убедительные, правдивые образы.

Хореографической пластике сегодня подвластна любая тема — и историческая и современная. Примером могут служить «Спартак» и «Клоп». В «Клопе», поставленном мною только что в Ленинградском театре имени С. М. Кирова, действует живой Маяковский. Он на глазах у зрителя сочиняет свои произведения. Скажу откровенно, что мысль вывести на балетную сцену Маяковского пугала многих. Зрители шли на спектакль с большим недоверием. Но спектакль был понят и хорошо принят.

В заключение мне хочется повторить: нет темы, неподвластной хореографии! Однако новые идеи, новые мысли требуют новых средств воплощения. Не стоит держаться за старые формы только потому, что они привычны и признаны. Балету, как и любому искусству, необходимы творческий поиск, смелый эксперимент. Без этого искусство хореографии рискует застыть на месте, ограничить себя лишь сказочными темами да старым репертуаром.

Артист Д. Бегак в роли Спартака.

Фото Е. УМНОВА.

БАЛЕТ А. ХАЧАТУРЯНА «СПАРТАК» НА СЦЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР.

Сцена из I акта.

Сцена из II а

Сцена из 3-й картины I акта. Бой гладиаторов.

Фригия — народная артистка СССР М. Плисецкая.

Триумф Рима.

:та. Побег из тюрьмы.

«Цветик-семицветик» В. Катаева на сцене Центрального детского театра. Фото А. Бочинина.

Юра из Милана

Юрий Чернышов. Фото Н. Козловского.

Н. МАР

Бывает ведь такое... Признаться, если бы мне об этом кто-то рассказал, я, вероятно, и не поверил бы... Но вот он, тот случай, когда песня возвращает человеку жизнь. И без фигуральных преувеличений.

В 1942 году в разоренном гитлеровцами приазовском городе Бердянске пропал без вести девятилетний мальчик — Юра Чернышов. Через девятнадцать лет он отыскался в Милане... Но сначала я попросил бы вас, читатель, побывать со мной в Москве, когда в вестибюле одной из столичных гостиниц я увидел необычную группу людей: взволнованную женщину средних лет с сияющими глазами, коренастого, строго одетого мужчину со счастливым лицом и молодого человека, который не очень правильно выговаривал русские слова:

— Ну, мама, пожалюста, успокойся... Каро мио, зачем волноваться?

Что здесь случилось? Меня познакомили с семьей Чернышовых, и я узнал еще одну горестную историю минувшей войны.

Чернышовы — киевляне. Лидия Демьяновна — народная артистка Казахской ССР, много лет руководившая ансамблями песни и пляски на Украине и в Казахстане. Ее муж, Алексей Семенович. И, наконец, их сын — Юрий...

Сначала говорила мать:

— О, это целая книга горя и страданий!.. Я даже не знаю, с чего начать... Начну с моего деда, итальянца Паоло Перия. Он был гарибальдийцем. Но ему пришлось бросить родину и бежать. Группа гарибальдийцев, а вместе с ними и дед, захватила маленькую, как он рассказывал, дырявую шхуну, подняла на корме где-то добытый русский флаг и взяла курс на Одессу. Так он попал в Россию, где и остался жить до конца своих дней. Здесь дед плавал и стал наконец капитаном. Здесь он полюбил русскую девушку, обзавелся семьей. Среди детей был и мой отец Доменико (по-русски Демьян) Перия. Тоже моряк, тоже впоследствии капитан дальнего плавания. В 1910 году наша семья переехала из Одессы в Бердянск, где продолжал капитанствовать Юрин дед, капитан Демьян Перия, хорошо известный азовским и черноморским морякам.

...Лето 1941 года. Семья Чернышовых — артистическая, театральная семья. С первых дней они были в армии, выполняя поручения командования,— формировали армейский ансамбль песни и пляски.

— А сына куда денем? — спросил Чернышов жену.

— Придется к деду с бабушкой в Бердянск отвезти...

Так и сделали. Потом Чернышовы вместе с ансамблем колесили по фронту, давали концерты. Минула неделя, другая, третья... Наконец выдалась возможность вернуться в Бердянск, чтобы вывезти семью. Но было поздно: немцы опередили.

— Мне тогда было девять лет, и я, конечно, кое-что помню,— с трудом подбирая слова, говорит Юра.— Однажды в дом пришел немецкий офицер.

— Кто такие? — спросил он.

— Семья капитана дальнего плавания Перия,— ответила бабушка.

— Итальянцы? — удивился гитлеровец.

— Нет, русские. Только вот отец мужа был итальянцем. Восемьдесят лет назад он...

— Это нас не касается... Раз итальянцы,— марширен нах Италиа.

Вся семья покинула родной дом. Из Бердянска попали в Одессу, отсюда в вагонах, а большей частью пешком — в Италию. Сначала в Верону, а затем в Милан. Юра рассказывает об этом мучительном пути.

— Много горя... Кем мы были для оккупантов? Пыль! Ни одной лиры в кармане. В дороге пришлось зарабатывать на хлеб. В Одессе шили из мешков штаны, в Бухаресте плели ботинки из веревок. Так добрались до Милана. В двенадцать лет я пошел работать. Бабушка поцеловала меня и сказала: «Иди, внучек, и всем говори, что ты русский...»

Юра рассказывает:

— Италия — очень красивая страна. И люди там хорошие, я имею в виду простых рабочих людей. Сколько они помогали нам! Бабушку и всех нас очень уважали. Жить негде. Как это, мама, говорится? Да, безработица. В Милане очень трудно найти работу. Сначала я был на побегушках, потом учился клеить обои, наконец знакомые устроили меня в мастерские фирмы «Эрна чине фото оптика». Она ремонтирует фото- и киноаппараты. Два года я обучался ремеслу, а потом работал. В мастерской у меня завелись друзья. Полюбил Италию, но о России, конечно, у нас в семье никто никогда не забывал... Бабушка требовала, чтобы дома всегда говорили только по-русски, а летом, в воскресные дни, она готовила вкусный украинский борщ, как когда-то в Бердянске. В 1956 году наша бабушка умерла. В Милане на греческом кладбище есть русский уголок, где мы похоронили ее, оставив на могиле надпись о том, что здесь покоится русская женщина Мария Петровна Беспалова из города Бердянска, жена капитана Перия.

— Как же вы нашли своих родных? — спрашиваю Юру.

— О, это произошло совершенно случайно, словно в кино. И знаете, что помогло? Русская песня! — оживленно отвечает Юра.— Как я уже сказал, долгие годы наши поиски родных ничего не давали. Кто-то даже сообщил в Милан, что мои родные якобы погибли в Одессе. И все равно мы писали в Москву, в Бердянск. Так прошел год, много лет... И вот произошел такой случай: на две недели я поехал из Милана в Ливорно. Там мои друзья — семья инженера Антонио Леонарди. Живу у него день, другой, третий... Однажды инженер с женой захотели пойти погулять и попросили меня присмотреть за их маленькой дочкой. Она тихо спала в своей кроватке, а я читал книгу, пока сам не задремал. Приемник был настроен на Москву, и сквозь сон я слышал русскую музыку, русские песни... Вдруг слышу, как московский диктор говорит: «Мы передавали концерт ансамбля песни и пляски под руководством Лидии Демьяновны Чернышовой»!

Что он сказал: Лидия Демьяновна Чернышова? Не может быть! Так ведь это моя мать! Это правда, или мне все это приснилось?! Но это был не сон. Спустя три дня я получил письмо от дяди из Милана. Он спрашивал, слышал ли я концерт из Москвы и фамилию матери. «Она жива!»

...И вот завертелось колесо счастья: телеграммы, письма, телефонный разговор Москвы с Миланом — Юра впервые за много лет услышал голоса отца и матери.

Наступил день, когда из дома № 8 по улице Помпоза в Милане отправился в дальний путь, на Родину, заброшенный в чужую страну военным лихолетьем русский парень, правнук гарибальдийца Юрий Чернышов.

* * *

Я перечитал эти давние записи и решил позвонить в Киев по телефону 36-502 на квартиру Чернышовых. Прошло несколько месяцев. Где Юра? Что с ним?

— Как я живу? Очень хорошо. Уроки готовлю. Скоро к Алексею Ивановичу поеду...

— Куда поедете?

— К моему учителю русского языка и литературы. Я навсегда остался на родине. Живу с родителями.

— Чем же вы сейчас заняты, Юра?

— Прежде всего русским языком. Пишу диктанты, запоминаю правила, читаю Гоголя, Горького, Шолохова... Стыдно признаться, но я совсем недавно впервые прочитал «Мать» Горького. Какая книга! План мой таков — сдать экзамен за советскую десятилетку.

— А письма из Милана получаете?

— Конечно. Вот на днях пришла открытка от моего приятеля чертежника Энсо Карьязи. Поздравляет меня и грозится по туристской путевке к нам в Киев приехать.

— А как фирма?

— Фирма? Ничего... Синьор директор знает, что я нашел родных и живу теперь дома...

В телефонной трубке на мгновение воцарилась тишина. Потом Юра добавил:

— У меня есть еще одна большая новость: я стал советским гражданином, получил советский паспорт...

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

Зрительный зал буквально заворожен похождениями девочки Жени. Сказочный цветик-семицветик, которым она владеет, обладает чудесным свойством: оторви лепесток, произнеси волшебное заклинание — и любое желание исполнится. Любое!.. Пожелаешь — к тебе явятся игрушки со всего света, прикажешь — и ты уже в космосе запросто беседуешь с самой Большой Медведицей! А захочешь сделать хорошее, доброе дело — пожалуйста! У мальчика Вити поврежденная нога моментально заживает. Не верите, что так бывает? Тогда пойдите в Центральный детский театр на спектакль «Цветик-семицветик» — и сами убедитесь.

Режиссер Анатолий Эфрос, художники В. Лалевич и Н. Сосунов познакомят вас со многими чудесами. Артистка Б. Захарова представит вам девочку Женю, которая, право же, великолепно себя чувствует во всей этой водевильно-сказочной путанице.

Зал неудержимо смеется. Но вместе со смехом в умы маленьких зрителей проникают чувства добрые. Дети впитывают незаметно очень важные истины, которые хотел им сообщить писатель: не будь эгоистом, стремись быть полезным людям, учись дружбе!..

Покидаешь зрительный зал вместе с шумной толпой ребятишек, оживленно комментирующих увиденное, и думаешь о радости соприкосновения детей с искусством.

Очень хорошо, когда в детский театр приходит такой умный, добрый художник, как Валентин Катаев!

С. ДМИТРИЕВ

Двое в декабре

Рисунки И. БЛИОХА.

Юрий КАЗАКОВ

Рассказ

Он долго ждал ее на вокзале. Был морозный солнечный день, и ему все нравилось: обилие лыжников и скрип свежего снега, который еще не успели убрать в Москве. Нравился и он сам себе: крепкие лыжные ботинки, шерстяные носки почти до колен, толстый мохнатый свитер и австрийская шапочка с козырьком, но больше всего лыжи, прекрасные клееные лыжи, стянутые ремешками.

Она опаздывала, как всегда, и он когда-то сердился, но теперь привык, потому что, если припомнить, это, пожалуй, была единственная ее слабость. Теперь он, прислонив лыжи к стене, слегка потопывал, чтобы не замерзли ноги, смотрел в ту сторону, откуда она должна была появиться, и был покоен. Не радостен он был, нет, а просто покоен, и ему было приятно и покойно думать, что на работе все хорошо и его любят, что дома тоже хорошо, и что зима хороша: декабрь, а по виду настоящий март, с солнцем и блеском снега,— и, что главное, с ней у него хорошо. Кончилась тяжелая пора ссор, ревности, подозрений, недоверия, внезапных телефонных звонков и молчания по телефону, когда слышишь только дыхание, и от этого больно делается сердцу. Слава богу, это все прошло, и теперь другое — покойное, доверчивое и нежное чувство, вот что теперь!

Когда она наконец пришла и он увидал близко ее лицо и фигуру, он просто сказал:

— Ну-ну! Вот и ты...

Он взял свои лыжи, и они медленно пошли, потому что ей надо было отдышаться: так она спешила и запыхалась. Она была в красной шапочке, волосы прядками выбивались ей на лоб, темные глаза все время косили и дрожали, когда она взглядывала на него, а на носу уж были первые крохотные веснушки.

Он отстал немного, доставая мелочь на поезд, глянул на нее сзади, на ее ноги и вдруг подумал, как она красива и как хорошо одета, и что опаздывает она потому, наверное, что хочет быть всегда красивой, и эти ее прядки, будто случайные, может быть, вовсе не случайны, и какая она трогательная, озабоченная!

— Солнце! Какая зима, а? — сказала она, пока он брал билеты. — Ты ничего не забыл?

Он только качнул головой. Он даже слишком набрал всего, как ему теперь казалось, потому что рюкзак был тяжеловат.

В вагоне электрички было тесно от рюкзаков и лыж и шумно: все кричали, звали друг друга, с шумом занимали места, стучали лыжами. Окна были холодны и прозрачны, но лавки с печками источали сухое тепло, и хорошо было смотреть на солнечные снега за окнами, когда поезд тронулся, и слушать быстрое мягкое постукивание колес внизу.

Минут через двадцать он вышел покурить на площадку. Стекла в одной половине наружных дверей не было, по площадке разгуливал холодный ветер, стены и потолок закуржавели, резко пахло морозом, железом, а колеса здесь уже не постукивали, а грохотали, и рельсы гудели.

Он курил, смотрел сквозь стеклянную дверь внутрь вагона, переводя взгляд с одной скамейки на другую, испытывая ко всем едущим чувство некоторого сожаления, потому что, как он думал, никому из них не будет так хорошо в эти два дня, как ему. Он рассматривал также и девушек, их оживленные лица, думал о них и волновался слабо и горько, как всегда, когда видел юную прелесть, проходящую мимо с кем-то, а не с ним. Потом он посмотрел на нее и обрадовался. Он увидал, что и здесь — среди молодых и красивых — она была все-таки лучше всех. Она смотрела в окно, лицо ее было матово, а глаза темны и ресницы длинны.

Он тоже стал смотреть через дверь без стекла на мороз, на воздух, щурился от яркого света и от ветра. Мимо проносились скрипучие деревянные, засыпанные снегом платформы. На платформах иногда попадались фанерные буфеты, все выкрашенные в голубое, с железной трубой над крышей, с голубым же дымком из трубы. И он думал, как хорошо сидеть в таком буфете, слушать тонкие посвисты проносящихся мимо электричек, греться возле печки и пить пиво из кружки. И как вообще все прекрасно, какая зима, какая радость, что у него есть теперь кого любить, что та, которую он любит, сидит в вагоне и на нее можно посмотреть и встретить ответный взгляд! О, как это здорово, уж он-то знает: сколько вечеров он провел дома один, когда у него не было ее, или бесцельно слонялся по улицам с приятелем, философствовал, рассуждал о теории относительности и о других приятно-умных вещах, а когда возвращался домой, было грустно. Он даже стихи сочинял, и они тогда нравились приятелю, потому что у него тоже никого не было. А теперь приятель женился...

Он думал, как странно устроен человек. Что вот он юрист и ему уж тридцать лет, а ничего особенного он не совершил, ничего не изобрел, не стал ни поэтом, ни чемпионом, как мечтал в юности. И как много причин у него теперь, чтобы грустить, потому что жизнь не получилась, а он не грустит, его обыкновенная работа и то, что нет у него никакой славы, вовсе не печалит, не ужасает его. Наоборот, он теперь доволен и покоен и живет нормально, как если бы добился всего, о чем ему мечталось.

У него одно было только всегдашнее беспокойство — мысли о лете. Еще с ноября начинал он думать и загадывать, как и куда поедет на время своего будущего летнего отпуска. Этот отпуск всегда ему казался таким нескончаемым, таким в то же время кратким, что нужно было заранее все обдумать и выбрать место самое интересное, чтобы не ошибиться, не прогадать. Всю зиму и весну он волновался, узнавал, где хорошо, какая там природа, и какой народ, и как туда добраться, и эти расспросы и планы были, может быть, приятнее даже самой поездки и отпуска.

Он и сейчас подумал о лете, о том, как поедет на какую-нибудь речушку. Они возьмут с собой палатку, приедут на эту речушку, накачают байдарку, и она станет, как индейская пирога... Прощай тогда, Москва и асфальт, и всякие процессы, и юридическая консультация!

И он тут же вспомнил, как они первый раз уехали из Москвы вместе. Они поехали тогда в Эстонию, в крохотный городок, где он както был по делам. Как они ехали в автобусе, как ночью приехали в Валдай, там все было черно и один только ресторан еще жил, светился; как он выпил стакан старки и опьянел, и ему весело было в автобусе, потому что рядом ехала она и глухой ночной порой дремала, прислонясь к нему. И как они приехали на рассвете, и хоть была середина августа и в Москве зарядили дожди, здесь было чисто и светло, всходило солнце, беленькие домики, острые красные черепичные крыши, обилие садов, глушь и тишина, и заросшие курчавой травкой между камнями улицы.

Они поселились в чистой, светлой комнате, везде там, по подоконникам, под кроватью и в шкафу, лежали, зрели антоновские яблоки и крепко пахли. Был еще богатый рынок; они ходили вместе и выбирали себе копченое сало, мед кусками, масло, помидоры и огурцы (дешевизна была баснословная). И этот запах из пекарни, беспрерывное воркованье и плеск крыльев голубей. А главное — она, такая неожиданная, будто бы совсем незнакомая и в то же время уже любимая, близкая. Какое было счастье, и еще, наверное, не такое будет, только бы не было войны!

Последнее время он часто думал о войне и ненавидел ее. Но теперь, глядя на сияющий снег, на леса, на поля, слушая гул и звон рельсов, он с уверенностью подумал, что никакой войны не будет, так же как не будет и смерти вообще. Потому что, подумал он, есть минуты в жизни, когда человек не может думать о страшном и не верит в существование зла.

Они сошли чуть не последними на далекой станции. Снег звонко заскрипел под их шагами, когда они пошли по платформе.

— Какая зима! — снова сказала она, щурясь. — Давно такой не было!

Им надо было пройти километров двадцать до его дачи, переночевать там, покататься еще днем и возвратиться вечером домой по другой железной дороге.

У него был маленький фруктовый участок с летней дощатой дачкой, а на этой дачке — две кровати, стол, грубые табуретки и чугунная немецкая печка.

Надев лыжи, он подпрыгнул несколько раз, похлопал лыжами по снегу, взметая пушистую порошу, потом проверил крепления у нее, и они потихоньку двинулись. Сначала они хотели идти быстрей, чтобы пораньше добраться до дому, успеть прогреть его хорошенько и отдохнуть, но идти быстро в этих полях и лесах невозможно было.

— Смотри, какие стволы у осин! — говорила она и останавливалась. — Цвета кошачьих глаз.

Он тоже останавливался, смотрел — и верно, осины были желто-зелены наверху, совсем как цвет кошачьих глаз.

Лес был пронизан дымными косыми лучами. Снег пеленой то и дело повисал между стволами, и ели, освобожденные от груза, раскачивали лапами.

Они шли с увала на увал и видели иногда сверху деревни с белыми крышами. Во всех

избах топились печи, и деревни исходили дымом. Дымки поднимались столбами к небу, но потом сваливались, растекались, затягивали, закутывали окрестные холмы прозрачной синью, и даже на расстоянии километра или двух от деревни слышно было, как пахнет дымом, и от этого запаха хотелось скорей добраться до дому и затопить печку.

То они пересекали унавоженные, затертые до блеска полозьями дороги, и хоть был декабрь, в дорогах этих, в клочках сена, в голубых прозрачных тенях по колеям было что-то весеннее, и пахло весной. Один раз по такой дороге в сторону деревни проскакал черный конь, шерсть его сияла, мышцы переливались, лед и снег брызгали из-под подков, и слышен был дробный хруст и фырканье. Они опять остановились и смотрели ему вслед.

То нервно и взлохмаченно летела страшно озабоченная галка, за ней торопилась другая, а вдали ныряла, не выпуская галок из виду, заинтересованная сорока: что-то они узнали? И на это нужно было смотреть. А то качались, мурлыкали и деловито копошились на торчащем из-под снега татарнике снегири — необыкновенные среди мороза и снега, как тропические птицы, и сухие семена от их крепких, толстых клювов брызгали на снег, ложась дорожкой.

Иногда им попадался лисий след, который ровной и в то же время извилистой строчкой тянулся от былья к былью, от кочки к кочке. Потом след поворачивал и пропадал в снежном сиянии. Лыжники шли дальше, и им попадались уже заячьи следы или беличьи в осиновых и березовых рощах.

Эти следы таинственной ночной жизни, которая шла в холодных пустынных полях и лесах, волновали сердце, и думалось уже о ночном самоваре перед охотой, о тулупе и ружье, о медленно текущих звездах, о черных стогах, возле которых жируют по ночам зайцы и куда издали, становясь иногда на дыбки и поводя носом, приходят лисицы. Воображался громовой выстрел, вспышка света и хрупкое ломающееся эхо в холмах, брёх потревоженных собак по деревням и остывающие, стекленеющие глаза растянувшегося зайца, отражение звезд в этих глазах, заиндевелые толстые усы и теплая тяжесть заячьей тушки.

Внизу, в долинах, в оврагах, снег был глубок и сух, идти было трудно, но на скатах холмов держался муаровый наст с легкой порошей — взбираться и съезжать было хорошо. На далеких холмах, у горизонта, леса розово светились, небо было сине, а поля казались безграничными.

Так они и шли, взбираясь и скатываясь, отдыхая на поваленных деревьях, улыбаясь друг другу. Иногда он брал ее сзади за шею, притягивал и целовал ее холодные обветренные губы. Говорить почти не говорили, редко только друг другу: «Посмотри!» или «Послушай!»

Она была, правда, грустна и рассеянна и все отставала, но он не понимал ничего, а думал, что это она от усталости. Он останавливался, поджидая ее, а когда она догоняла и смотрела на него с каким-то укором, с каким-то необычным выражением, он спрашивал осторожно,— он-то знал, как неприятны спутнику такие вопросы:

— Ты не устала? А то отдохнем.

— Что ты! — торопливо говорила она. — Это я так просто... Задумалась.

— Ясно! — говорил он и продолжал путь, но уже медленней.

Солнце стало низко, и только одни поля на вершинах холмов сияли еще — леса же, долины и овраги давно стали сизеть и глохнуть, и по-прежнему по необозримому пространству лесов и полей двигались две одинокие фигурки — он впереди, она сзади, и ему было приятно слышать шуршание снега под ее лыжами и чирканье палок.

Однажды в розовом сиянии за лесом, там, где зашло уже солнце, послышался ровный рокот моторов, и через минуту показался высоко самолет. Он был один озарен еще, солнечные блики вспыхивали на его фюзеляже, и хорошо было смотреть на него снизу, из морозной сумеречной тишины, и воображать, как в нем сидят пассажиры и думают о конце своего пути, о том, что скоро Москва и кто их будет встречать.

В сумерки они наконец добрались до места. Потопали заледенелыми ботинками на холодной веранде, отомкнули дверь, вошли. В комнате было совсем темно и казалось холоднее, чем на улице.

Она сразу легла, закрыла глаза. Дорогой она разгорячилась, вспотела, теперь стала остывать, озноб сотрясал ее, и страшно было пошевелиться. Она открывала глаза, видела в темноте дощатый потолок, видела разгорающееся пламя в запотевшем стекле керосиновой лампочки, зажмуривалась — и сразу начинали плавать, сменять друг друга желто-зеленое, белое, голубое, алое — все цвета, на которые нагляделась она за день.

Он доставал из-под террасы дрова, грохал возле печки, шуршал бумагой, разжигал, кряхтел, а ей не хотелось ничего, и она была не рада, что поехала с ним в этот раз.

Печка накалилась, стало тепло, можно было раздеться. Он и разделся, снял ботинки, носки, развесил все возле печки, сидел в нижней рубахе — довольный, жмурился, шевелил пальцами босых ног, курил.

— Устала? — спросил он. — Давай раздевайся!

И хоть ей не хотелось шевелиться, а хотелось спать от грусти и досады, она все-таки послушно разделась и тоже развесила сушить куртку, носки, свитер, осталась в одной мужской ковбойке навыпуск, села на кровать, опустила плечи и стала глядеть на лампу.

Он сунул ноги в ботинки, накинул куртку, взял ведро, которое, когда он вышел на веранду, вдруг певуче зазвенело. Вернувшись, он поставил на печку чайник, стал рыться в рюкзаке, доставал все, что там было, и раскладывал на столе и подоконнике.

Она молча дождалась чаю, налила себе кружку и потом тихо сидела, жевала хлеб с маслом, грела горячей кружкой руки, прихлебывала и все смотрела на лампу.

— Ты что молчишь? — спросил он. — Какой сегодня день был! А?

— Так... Устала я страшно сегодня. — Она встала и потянулась, не глядя на него. — Давай спать!

— И это дело, — легко согласился он. — Погоди, я дров подложу, а то дом настыл...

— Я сегодня одна лягу, можно вот здесь, у печки? Ты не сердись, — торопливо сказала она и опустила глаза.

— Что это ты? — удивился он и сразу вспомнил весь ее сегодняшний грустно-отчужденный вид, а вспомнив, озлобился, и сердце у него больно застучало.

Он понял вдруг, что совсем ее не знает — как она там учится в своем университете, с кем знакома и о чем говорит. И что она для него загадочна, как и в первую встречу, незнакома, что он, наверное, груб и туп для нее, потому что не понимает, что ей нужно, и не может сделать так, чтобы она была постоянно счастлива с ним, чтобы ей уж ничего и никого не нужно было.

И ему стало сразу стыдно за весь сегодняшний день, за эту жалкую дачу и печку, и даже почему-то за мороз и солнце, и за свой покой: зачем ехали, зачем все это нужно? И где же это хваленое проклятое счастье?

— Ну что ж... — сказал он равнодушно и перевел дух.— Ложись, где хочешь.

Не взглянув на него, не раздеваясь, она сразу легла, накрылась курткой и стала смотреть в печку на огонь. Он перешел на другую кровать, сел, закурил, потом потушил лампу и лег. Горько ему стало, потому что он чувствовал: она от него уходит. Что-то не выходило у них со счастьем, но что, он не знал и злился.

Через минуту он услышал, что она плачет. Он привстал, посмотрел через стол на нее. От печки было довольно светло, а она лежала ничком, глядела на пылающие дрова, и он видел ее несчастное, залитое слезами лицо, жалко и некрасиво кривящиеся, дрожащие губы и подбородок, мокрые глаза, которые она все вытирала тонкой рукой.

Отчего ей сегодня стало вдруг так тяжело и несчастливо? Она и сама не знала. Она чувствовала только, что пора первой любви прошла, а теперь наступает что-то новое и прежняя жизнь ей стала неинтересна. Ей надоело быть никем перед его родителями, дядьями и тетками, перед его друзьями и своими подругами, она хотела стать женой и матерью, а он не видит этого и вполне счастлив так. Но и смертельно жалко было первого тревожного времени их любви, когда было все так

неясно и неопределенно, зато незнакомо, горячо и полно ощущением новизны.

Потом она стала засыпать, и ей пригрезилась снова ее давнишняя мечта, с которой она засыпала каждый раз еще девочкой. Что будто бы он сильный и мужественный и любил ее, а она его тоже любила, но почему-то говорила: «Нет!» — и он уехал далеко на север и стал рыбаком, а она страдала. Он там охотился в прибрежных скалах, прыгал с камня на камень, сочинял музыку, выходил в море ловить рыбу и думал все время о ней. Однажды она поняла, что счастье у нее только с ним, все бросила и поехала к нему. Она была так красива, что все ухаживали за ней дорогой: летчики, шоферы, моряки, — но она никого не видела, а думала только о нем. Встреча с ним должна была быть такой необыкновенной, что страшно было даже вообразить. И придумывались все новые и новые задержки, чтобы как-то отдалить эту минуту. Так она и засыпала обыкновенно, не встретившись с ним.

Давно уже не думала она на сон ни о чем подобном, а сегодня почему-то опять захотелось помечтать. Но и сегодня, в то время, когда она уже ехала на попутном мотоботе, мысли ее стали мешаться, и она уснула.

Проснулась она ночью оттого, что было холодно. Он сидел на корточках и растоплял остывшую печку. Лицо у него было грустное, и ей стало его жалко.

Утром они помолчали сначала, молча завтракали, пили чай. Но потом повеселели, взяли лыжи и пошли кататься. Они взбирались на горы, съезжали, выбирая все более крутые и опасные места.

Дома они грелись, говорили о незначительном, о делах, о том, какая все-таки хорошая зима в этом году. А когда стало темнеть, собрались, заперли дачу и пошли на лыжах на станцию.

К Москве они подъезжали вечером, дремали, но когда показались большие дома, ряды освещенных окон, он подумал, что сейчас им расставаться, и вдруг вообразил ее своей женой.

Что ж! Первая молодость прошла, то время, когда все кажется простым и необязательным — дом, жена, семья и тому подобное, — время это миновало, уже тридцать, и что в чувстве, когда знаешь, что вот она рядом с тобой, и она хороша, и все такое, а ты можешь ее всегда оставить, чтобы так же быть с другой, потому что ты свободен,— в этом чувстве, собственно, нет никакой отрады.

Завтра целый день в юридической консультации, писать кассации, заявления, думать о людских несчастьях, в том числе и о семейных, а потом домой — к кому? А там лето, долгое лето, всякие поездки, байдарка, палатка — и опять — с кем? И ему захотелось быть лучше и человечнее и делать все так, чтобы ей было хорошо.

Когда они вышли на вокзальную площадь, горели фонари, шумел город, а снег уж успели убрать, увезти, и они оба почувствовали, что их поездки как бы и не было, не было двух дней вместе, что им нужно сейчас проститься, разъезжаться каждому к себе и встретиться придется, может быть, дня через два или три. Им обоим стало как-то буднично, покойно, легко, и простились они, как всегда прощались, с торопливой улыбкой, и он ее не провожал.

ЭКРАН

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ НА СОВЕЩАНИИ В «ОГОНЬКЕ»

В «Огоньке» (№ 9 за 1962 год) была опубликована статья «Почему гаснут голубые экраны?». В редакцию хлынул поток писем — десятки, сотни... Некоторые из этих писем были опубликованы. В них справедливо говорилось: «Первоисточник телевизионных злоключений — сам завод, изготовивший телевизор. Призовите его к ответу!»

Редакция решила пригласить к себе всех тех, кто имеет отношение к производству телевизоров и их дальнейшей судьбе,— заводских инженеров, работников торговли и связи, представителей совнархозов, государственных комитетов по радиоэлектронике и электронной технике, ВСНХ и Госплана.

...Конференц-зал «Огонька» переполнен. Тут специалисты не только Москвы, но и других городов: Ленинграда и Киева, Львова и Саратова, Воронежа и Новгорода, Харькова и Каунаса.

На повестке дня — качество изготовления телевизоров и качество их ремонта.

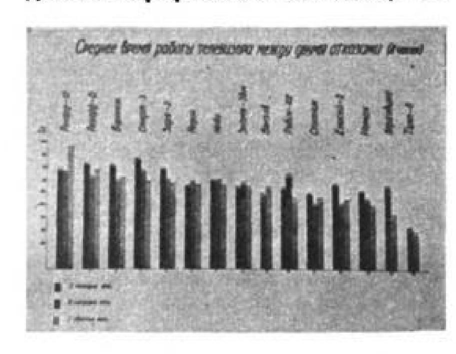
ПЛАНЫ И ЖИЗНЬ

Первое слово — заместителю председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике И. В. Лобову.

— За первые три года семилетки выпуск телевизоров увеличился в два раза по сравнению с 1957 годом. На ближайшие пять лет предусматривается еще больший рост их производства. Намечаются меры по расширению индустриальной базы, улучшению качества телевизоров, предполагается выпуск телеприемников на полупроводниках. Срок гарантийного ремонта должен быть удлинен.

Что мы сейчас предпринимаем для повышения качества и надежности телевизоров? У нас есть институт, о котором писал «Огонек». Он работает над улучшением существующих и созданием новых конструкций. Однако, как справедливо отмечалось в «Огоньке», есть еще заводы, в частности каунасский, которые тормозят развитие технического прогресса. Но главное направление деятельности института — унификация приемников и деталей к ним. У нас слишком много типов телевизоров, а должно быть не больше четырех-пяти.

Таковы планы. А пока... Посмотрите на фотокопию диаграммы, иллюстрировавшей выступление тов. И. Лобова. Столбцы на ней отражают жизнестойкость приемников: чем выше столбик, тем дольше проработал телевизор от

одного ремонта до другого. Лучшее время у «Рекорда-12» Воронежского совнархоза. У него на счету сейчас 945 часов. Это значит, что им можно пользоваться без ремонта по четыре часа в день в течение восьми месяцев. Цифра эта средняя арифметическая, есть «Рекорды-12», работающие по году-два без ремонта. Одно из последних мест, как видите, принадлежит минскому «Неману»: у него всего лишь 470 часов.

И вот еще диаграмма — своеобразная шкала негодности. Она говорит о причинах, по которым телевизоры выходят из строя. «Первенство» держат на ней лампы. Из ста случаев отказа телевизоров 47 падает на них

КОЛИЧЕСТВО ОТКАЗОВ ТЕЛЕВИЗОРОВ ИЗ-ЗА ДЕФЕКТОВ МОНТАЖА И СБОРКИ (в %)

[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
НЕМАН	Минский	16,6	36,4
ТЕМП-6	Московский гор.	36	30
НЕВА	Ленинградский	30,6	17,3
ВЕРХОВИНА	Львовский	10,8	24,1
ВОЛХОВ	Ленинградский	25	21,4
СТАРТ-3	Московский гор.	13,4	13,2
РУБИН-102	Московский гор.	15,4	12,9
ЗАРЯ-2	Ленинградский	10,9	11,9
ЗНАМЯ-58-М	Ленинградский	19,7	11,8
РЕКОРД-6	Владимирский	9,8	8,1
ВОРОНЕЖ	Воронежский	8,4	7,1
РАДИЙ	Горьковский	10,2	6,6
ЕНИСЕЙ-2	Красноярский	11,2	5,7
РЕКОРД-12	Воронежский	8,1	4,4

— Следовательно, — заключает оратор,— почти половина всех телевизионных аварий происходит из-за ламп. Среди них есть три лампы — 6П13С, 6Ц10П, 1Ц11П,— на долю которых приходится особенно много нареканий. Известны меры, разработанные Госкомитетом по электронной технике для улучшения качества ламп. Но почему-то эти хорошие рецепты до сих пор в жизнь не проведены.

— Второе место занимают дефекты монтажа и сборки — тот самый технологический брак, который допускают сами предприятия.

— Таблица показывает, что менее надежными телевизорами являются сегодня «Неман» (снова «Неман»!), «Верховина», «Темп-6», «Волхов», «Спутник», «Нева». Причем завод, выпускающий «Неман», умудрился увеличить количество дефектов монтажа и сборки по сравнению с прошлым годом почти вдвое. Подобный «рекорд» установлен и во Львове, где делают «Верховину».

— Почему это происходит? Может быть, изменилась конструкция «Немана»? Нет, «Неман» не стал другим. Изменилось, видимо, на заводе отношение к нему. Вызывает удивление: почему на одних заводах достигается высокое качество, а на других низкое, хотя все компоненты телевизоров одинаковы? Мы их поставляем централизованно. Они унифицированы. На ряде предприятий нарушается порядок проверки телевизоров. На одном из заводов проверяли телевизоры не с помощью измерительной аппаратуры, а на глазок. А совнархозы учитывают лишь валовой выпуск продукции, а не ее качество. В результате бывает и так, что предприятия-бракоделы получают премии.

Итак, причин низкой надежности телевизоров оказалось более чем достаточно. В результате качество телеприемников, выпущенных в 1961—1962 годах, ухудшилось по сравнению с тем, что было года два-три назад.

Красноречивые цифры огласил старший инженер Госинспекции по качеству Министерства торговли РСФСР Г. Х. Бритко: из каждых 100 телевизоров, поступающих в магазины, 25 оказываются непригодными. Не менее 60 из 100 проданных подвергаются ремонту в первые 6 месяцев.

О недостатках в работе заводов говорили академик Н. Г. Бруевич и председатель Всесоюзного общественного комитета по борьбе за надежность изделий Я. М. Сорин, начальник отдела Министерства связи РСФСР Е. А. Рыманов, директор московского магазина № 3 С. Л. Седловский и многие другие. Одни доказывали целесообразность предварительной эксплуатации телевизоров новых моделей по сниженным ценам. Другие настаивали на необходимости установить на заводах торговую инспекцию. Третьи предлагали завести учет надежности телевизоров на длительный период. Четвертые — усилить на заводах-сборщиках входной контроль изделий и узлов, присылаемых с других предприятий. Пятые, вняв голосу покупателей, обратились к конструкторам с пожеланием разработать небольшой и дешевый телевизор и улучшить отделку существующих приемников.

А что же сказали сами заводы?..

КАУНАССКИЕ ГАСТРОЛЕРЫ

Своеобразно реагировал на критику начальник ОТК каунасского завода А. Ю. Мовшович. В адрес каунасцев, выпускающих переключатель телевизионных каналов — ПТК, поступает особенно много претензий: негодную дают продукцию. Как-то в одной партии переключателей оказалось 35 процентов брака. А следом за переключателями с завода отбывают гонцы. В пятнадцати городах страны гастролируют на государственный счет каунасские бригады ремонтеров — исправляют дефекты в ПТК. Кто виноват в этом? По словам тов. Мовшовича, все, кроме каунасцев. В частности, он очень пространно объяснял положение своих контролеров, заработок которых определяется не качеством сданных ими ПТК, а планом. А так как план завод выполняет и перевыполняет, то контролеры получают прогрессивку. Выходит, что они материально и не заинтересованы в жестком контроле. Поэтому и гонят вал, закрывая глаза на брак.

Кто-то из слушателей задает оратору едкие вопросы:

— А нельзя ли было ваших ремонтеров-контролеров вернуть из путешествий по стране и подключить к работе ОТК? Не кажется ли вам, что это и дешевле было бы и улучшилось бы качество переключателей?

Большой счет был предъявлен тем, кто делает электровакуумные приборы — лампы и кинескопы.

— Мы отдаем должное львовскому заводу,— сообщил главный инженер дирекции телевизионной сети Ленинграда тов. Бажанов.— Там сравнительно быстро освоили массовый выпуск металло-стеклянных кинескопов 43ЛК2Б и обязались увеличить гарантийный срок их службы до года. Обязательства обязательствами, а вот как на практике получается: кинескопы выходят из строя через 3—4 месяца из-за плохого монтажа.

Не лучше положение и с лампами. Как-то ленинградская приемно-телевизионная сеть получила от «Светланы» лампы 6Ц10П. И что же? Из тысячи 882 оказались негодными.

ПРОБЛЕМА № 1

Двадцать четыре наших гостя выступили на совещании. И каждый из них не мог не затронуть проблему № 1, как метко кто-то определил вопросы снабжения заводов, телеателье и магазинов комплектующими изделиями.

В. В. ВЮНШ, главный инженер телевизионного завода:

— Третья декада каждого месяца на всех сборочных предприятиях проходит в лихорадке. Между нашими планами и планами заводов, поставляющих детали и узлы, существует разрыв. Необходимо обратиться к Госплану СССР и ВСНХ РСФСР с просьбой быстрее ликвидировать этот разрыв.

В. Е. НЕЙМАН, завод имени Козицкого:

— Наш телевизор «Волна» сконструирован на конденсаторах БМТ. Однако нам дают лишь треть того, что требуется.

М. В. КРЮЧКОВ, начальник телетреста Министерства связи РСФСР.

— В Москве простаивает 6 тысяч телевизоров из-за отсутствия деталей. Заводы только одного из совнархозов недодали нам несколько сот тысяч ламп.

Е. А. РЫМАНОВ, Министерство связи РСФСР:

— В этом году мы недополучили 57 тысяч кинескопов 43ЛК2Б. На третий квартал нам обещают дать 34 тысячи при потребности в два раза большей. Продолжать наращивать производство телевизоров, не обеспеченных сменными частями, недопустимо!

НЕ ПОГАСНЕТ

П. В. ЗЕЛЕНЯК, начальник отдела культтоваров Союзглавторга:

— Для продажи мы заявляем одно количество комплектующих изделий, а Госплан СССР нам утверждает другое, уменьшенное. Но и урезанные заявки не выполняются. В первом квартале 1962 года было отпущено всего лишь 17 процентов запланированного количества ламп. А остродефицитных ламп магазины совсем не получили. Госплану надо исходить не только из плана производства телевизоров, намеченного на будущий год, но из того парка телеприемников, который уже имеется в стране, учитывая и реальный срок службы электровакуумной аппаратуры...

Цифры и цифры... Они дают представление о том самом разрыве, на который так сетовали участники совещания. Начальник технического управления Госкомитета по электронной технике Совета Министров СССР А. А. СОРОКИН в какой-то степени прокомментировал эти цифры:

— В 1960 году должен был быть полностью введен завод радиоусилительных ламп, а он работает еще на временных площадях. Должны были войти в строй заводы кинескопов, но они не готовы. Вот откуда разрыв. Чтоб ликвидировать его только по кинескопам, нужно предприятие, равное Московскому электроламповому или «Светлане».

Почему плохо строятся новые заводы? Это попытался объяснить заместитель начальника отдела радиоэлектронной и электронной промышленности Госплана СССР С. М. ПЛАХОТНИК:

— Любой совнархоз, когда речь идет о выпуске готовых телевизоров, немедленно делает все для того, чтобы завод был построен быстро. Ведь на телевизоре появится эмблема города или республики. На кинескопе же или лампе марку не разглядишь — вот в чем дело! Бывает так: в одном экономическом районе телевизионный завод работает на полную мощность, а вот предприятие, дающее приемно-усилительные лампы, до сих пор не загружено. Если бы строящиеся заводы были пущены вовремя, то все сбалансировалось бы. График же их пуска срывается. Поэтому, к сожалению, разрыв по электровакуумным приборам в ближайшее время не будет ликвидирован.

Естественно, что картина, нарисованная тов. Плахотником, никого не удовлетворила. И едва только он кончил говорить, как на него обрушился шквал вопросов.

ВОПРОС. Как контролирует Госплан ход строительства новых заводов?

ОТВЕТ. Товарищам, сидящим на местах, надо контролировать. Общественность должна помочь Госплану.

Шум в зале. Реплика: «Неверно! Власть в ваших руках».

ВОПРОС. Почему увеличили план по выпуску телевизоров непропорционально плану увеличения выпуска деталей и приборов?

ОТВЕТ. Есть ряд постановлений по наращиванию количественного выпуска до 1965 года. Госплан не может их менять.

Реплика: «Вы же должны корректировать планы!»

После тов. Плахотника слово взял начальник Украинского телетреста Ю. М. ЗАХАРОВ:

— В нашей стране плановое социалистическое хозяйство. Почему же мы допускаем такие диспропорции? У нас на Украине бездействует 40 тысяч телеприемников. До каких же пор они будут стоять? Общественность должна взять под свой контроль и строительство новых заводов и снабжение телеателье, магазинов комплектующими изделиями.

О большой роли общественности говорил и заместитель председателя ВСНХ К. Л. КУРАКИН:

— Работники радиотехнической и электронной промышленности, совнархозов,— говорит он,— должны внимательно прислушаться к справедливой критике в их адрес. Надо привлечь лучших конструкторов, художников, технологов для решения вопросов, связанных с надежностью, качеством, внешней отделкой телевизоров. Нужно как можно шире использовать богатое разнообразие цветных пластических и текстурных материалов, лаков.

— Надо пересмотреть количество моделей и унифицировать основные элементы. В борьбе за повышение качества телевизоров, их модернизацию большую помощь промышленности должны оказать научно-исследовательские институты Госкомитетов по радиоэлектронике и электронной технике. Пока еще эту помощь они оказывают недостаточно.

И УКРАИНСКАЯ ФИРМА И МАГАЗИН-АТЕЛЬЕ

Восемь миллионов телевизоров — таков телепарк нашей страны. Восемь миллионов семей пользуются ими. Как магазин и ателье обслуживают своих клиентов? Магазины, собственно, никак не обслуживают. Купил человек телевизор и повез его домой. Что же касается ателье, то в крупных городах они неплохо оборудованы, имеют квалифицированных специалистов. В Москве, кроме того, создана стационарная мастерская, оснащенная контрольно-измерительной аппаратурой. Ремонт здесь производится пооперационно, с последующим длительным испытанием приемников. Для обслуживания сельских мест в РСФСР имеется лишь 15 походных мастерских, 15 на всю Федерацию: капля в море! А в малых городах вообще нет ни мастерских, ни телеспециалистов, ни запчастей. Вот почему на совещании много говорили о культуре обслуживания владельцев телевизоров, о качестве ремонта, которое часто оставляет желать лучшего. Шел разговор и о высокой стоимости ремонта: один лишь вызов техника на дом вне зависимости от того, сделает ли он что-нибудь или нет, стоит 1 рубль 20 копеек.

В № 21 «Огонька» было опубликовано письмо директора Минского телеателье тов. Укладникова, предлагавшего объединить магазин и телеателье, создать комбинированный пункт обслуживания. Работники московского завода поддержали такую идею и, развивая ее, предложили открыть в Москве специальный фирменный магазин-мастерскую с полным сервисом: продажей, установкой и ремонтом телевизоров.

За создание магазинов-ателье высказались и другие товарищи. Тов. Зеленяк поделился впечатлениями о торговле телевизорами в Польше. Там каждый магазин имеет свою мастерскую. Человек приходит в магазин, выбирает телевизор, и через два часа приемник доставляют на квартиру. Мастер тут же устанавливает его и проверяет напряжение. Если нужно, предлагает стабилизатор, антенну и спрашивает: «Хотите ли вы, чтобы мы вас регулярно обслуживали?» Тут же заключается договор, и на квартиру два раза в месяц приходит мастер, чтобы проверить работу телевизора.

Почему бы не позаимствовать у друзей их опыт?

Об интересной инициативе рассказал заместитель главного инженера Львовского телевизионного завода тов. Ванник. Суть ее в создании украинской телевизионной фирмы, которая берет на себя весь телевизионный комплекс: производство приемников, их реализацию и ремонт. Понадобится для этого перестройка предприятий. На Украине вместо трех массовых телевизоров предполагают выпускать один и в малосерийном производстве — телевизор первого класса «Украина». Это позволит без особых затрат максимально унифицировать конструкции приемников и узлы. Увеличится и их выпуск.

— Второй шаг,— продолжает тов. Ванник,— организация сети фирменных магазинов с грамотными продавцами, знающими телевизионную технику. Телевизор должен быть оплачен в магазине, затем средствами фирмы доставлен и установлен вместе с антенной, а если требуется, и стабилизатором. Владелец тут же должен быть проинструктирован. Фирменные магазины смогут иметь обменный фонд, чтобы явно негодный приемник сразу же заменить новым. В то же время срок гарантийной службы будет продлен до года, а расходы, предусмотренные на гарантийный ремонт, значительно сократятся.

* * *

О многом еще говорилось на совещании: о слабом применении полимеров для отделки приемников; о необходимости унифицировать детали и узлы — сейчас в эксплуатации находится 65 типов сопротивлений, 70 типов ручек управления, 27 типов силовых трансформаторов; о конструктивных недостатках новых приемников: «Енисей-3», «Сатурн» и «Смена».

Что же потребовали участники совещания?

Необходимо устранить разрыв между выпуском комплектующих изделий и потребностями в них для производства телевизоров и обеспечения эксплуатации существующего парка телевизоров.

Пора перейти от слов к делу и прекратить выпуск телевизоров устаревших, не имеющих спроса конструкций и довести количество типов телеприемников до четырех-пяти.

Надо расширить право филиала научно-исследовательского института в проектировании, унификации и испытании телевизоров, создать при нем инспекцию, рекомендации и решения которой должны быть обязательными для заводов и совнархозов.

Совнархозам при оценке работы заводов необходимо исходить из двух показателей: выполнение плана и процент брака.

Создать на первых порах хотя бы в Москве, Ленинграде, Киеве телемагазины-ателье.

О Т С

На совещании решено было создать при «Огоньке» постоянно действующий общественный телевизионный совет — ОТС. Он будет бороться за повышение качества и надежности телевизоров, комплектующих изделий к ним, за улучшение ремонта телевизоров, за культуру обслуживания населения.

Председатель общественного совета — академик Н. Г. Бруевич, заместители председателя — главный инженер филиала научно-исследовательского института П. К. Кириллов и председатель Всесоюзного общественного совета по борьбе за надежность изделий Я. М. Сорин. В совет вошли: профессор А. Г. Александров, Московский электроламповый завод; Д. Е. Айзенберг, заместитель главного инженера Управления Госкомитета по радиоэлектронике; Н. А. Ванник, заместитель главного инженера Львовского телевизионного завода; В. Л. Горчак, начальник управления культтоваров Роскультторга; Ю. М. Захаров, начальник «Укртелетреста», П. В. Зеленяк, начальник отдела культтоваров Союзглавторга; А. М. Канаева, секретарь ЦК профсоюза работников связи; Ю. Д. Любченко, главный инженер телеателье № 18, Москва; Н. С. Селях, начальник отдела труда и зарплаты ЦК профсоюза работников электростанций и электропромышленности; К. А. Серебров, главный инженер завода имени Козицкого, Ленинград; Г. В. Кулиновская, Л. М. Леров («Огонек»).

БИЛЛИ ЭСТЕС ЗАСЫПАЛСЯ

В. НИКОЛАЕВ

Коллекция мошенника

Главная гордость американского миллионера Билли Соул Эстеса—галерея фотопортретов. В его роскошном особняке ей отведен самый лучший зал. На самом почетном месте висят изображения президентов, вице-президентов, за ними следуют министры, сенаторы...

Снимки дороги Билли Эстесу не потому, что они выполнены мастерами художественной фотографии. Дело в том, что портреты эти украшены автографами.

«Лучшему другу, настоящему техасцу, великому американцу Билли Соул Эстесу — с самыми теплыми чувствами»,— написал на своем изображении совсем, видимо, расчувствовавшийся сенатор-демократ от Техаса Ральф Ярборо.

Злые языки не раз утверждали, что связи с правительственными кругами позволили Эстесу нажить при помощи мошенничества огромное состояние. И вот недавно Билли, выражаясь языком жуликов, засыпался. Он стал жертвой собственной жадности, а также волчьей конкуренции — закона американской жизни.

Билли имел обширный диапазон бизнеса — от элеваторов до похоронных контор. Но пристрастие его друзей из Вашингтона к красивым выступлениям в печати натолкнуло Билли на мысль завести свою газету. В штате Техас появился еще один орган «свободной» печати, так сказать, голос из кармана Билли Соул Эстеса.

Газета, существовавшая здесь ранее, была обречена. Конкурировать с миллионщиком ей было явно не под силу. Но редактор обреченного органа печати решился на последний, отчаянный шаг. Он вызвал своего самого дошлого репортера и сказал ему:

— Мы сможем продержаться недели три-четыре, не больше. За это время ты должен проверить, как Билли сделал свое состояние. Нам терять нечего! Если он прихлопнет нашу газету, мы останемся без работы. Тебе ясно, что это значит?

Репортер три недели колесил по Техасу и другим штатам на машине, летал на вертолете. В результате его усилий в обреченной газете появилась серия статей об аферах Билли Эстеса.

Сейчас мутные волны этого скандала бушуют вовсю.

Итак, что же за человек Билли Эстес, который пользовался почетом у власть имущих и который при первом же пристальном рассмотрении оказался просто-напросто уголовником?

Скандальное дело Эстеса достигло таких масштабов, что физиономия Билли стала появляться на обложках американских журналов.

Чем не герой!

У каждого народа свои герои. С древних времен их роднят такие черты, как мужество и сила, мудрость и великодушие, подвиги во имя добра и борьба со злом.

С точки зрения современной американской морали такой герой уже устарел, обветшал. Взамен ему создан новый эталон героя. Он преподносится американцу на рекламном блюдечке точно так же, как, скажем, пресловутый напиток кока-кола и сигареты «Кемел». Ежегодно несколько убеленных сединой мудрых мужей выбирают для широкой американской публики десять самых выдающихся американцев. Учитывая, что герою надлежит быть юным, они выбирают эту десятку из числа еще сравнительно молодых людей.

В 1953 году в эту десятку был избран и Билли Соул Эстес, тогда еще 28-летний преуспевающий бизнесмен из Техаса. В тот год он получил такие барыши на продаже хлопка, какие другим дельцам и не снились. Чем не герой!

Вместе с ним такой же чести был удостоен Франк Клемент, самый молодой в то время американский губернатор. Бизнесмен от хлопка и бизнесмен от политики — эти два «выдающихся американца» быстро сошлись.

Сколько стоят гнилые доски!

Отвечаем: если их продает такой парень, как Билли Эстес, то они стоят немало. Он недаром сошелся с губернатором Клементом, а через него и с другими политическими боссами. Это с их помощью он приглядел одну старую авиационную базу. Для новой, ракетной техники она не годилась, и ее персонал перевели на новое место. Остались от базы одни полуразвалившиеся бараки.

Высокопоставленные друзья разрешили Билли присвоить эту рухлядь. Из остатков бараков Билли стал кроить крохотные домики — конурки.

Билли слыл набожным парнем (иначе не попасть бы ему в десятку выдающихся американцев), аккуратно ходил в церковь и подчеркивал, что он не пьет и не курит. В своем личном бассейне он запретил одновременно купаться особам разного пола. Фарисею ничего не стоило сблизиться с отцами духовными, опекавшими свою паству в тех краях, где Билли затеял спекуляцию конурками. Отцы церкви вошли в пай с Билли и стали торговать вместе с ним убогими жилищами, про которые местные летописцы писали: «Это просто шалашики, каждый из них можно перевозить на грузовике, но люди покупали их, так как жить было негде».

На примере этой операции Билли убедился, какую прибыль может дать товар с гнильцой.

Глядя на то, как церковники, не нарушая уголовного кодекса, обирают в храме божьем прихожан, Билли стал подумывать о сане священника. Он даже стал выступать с проповедями. Но дела земные были все же ближе сердцу дельца, и он основал роскошную похоронную контору.

Продавец воздуха

Заработав на разных делах и делишках изрядный оборотный капитал, Билли занялся продажей аммиачных удобрений в штате Техас. Словно иллюзионист в цирке, он с легкостью необыкновенной получал частную и государственную помощь, баснословные ссуды и вскоре довел свой бизнес до таких масштабов, что счет пошел на десятки миллионов долларов.

Чтобы стать аммиачным королем Техаса, ему, разумеется, пришлось преодолеть жестокую конкуренцию.

К моменту вторжения Эстеса в аммиачный бизнес одна тонна удобрений стоила 90 долларов. Билли стал продавать по 60. В особо напряженные моменты борьбы в аммиачно-финансовых джунглях Техаса Билли сбавлял цены до 40 и даже до 20 долларов за тонну. Он потерял на этом несколько миллионов, но все его конкуренты были разорены. А когда Эстес стал одним-единственным поставщиком удобрений в штате, он быстро покрыл с лихвой все убытки и приумножил свой капитал.

Аммиак в обычных атмосферных условиях, как известно, газ. В жидком виде хранить его надо в специальных цистернах.

Билли объявляет, что цистерн не хватает. Ведь все дело теперь у него в руках, ему лучше знать. Он обращается к фермерам с призывом собирать деньги на цистерны, обещая постепенно вернуть этот заем.

Сбор средств и постепенное возвращение фермерам этого «займа» обусловлены были такой сложной схемой, разъяснить которую в двух словах невозможно. Афера по своим масштабам далеко перешагнула границы Техаса и вовлекла в свою орбиту дельцов Нью-Йорка, Чикаго и многих других городов. А Билли положил в карман свыше 30 миллионов долларов.

Здесь можно было бы рассказать немало историй об аферах Билли Эстеса, но вот еще только одна, в которой он взял себе в партнеры некоторые органы власти США.

Одной из отраслей бизнеса, которой в числе прочих занимаются эти органы, являются операции, связанные с хранением зерна на элеваторах. Фермеры на определенных условиях могут сдавать туда свой урожай, продавать его государству или на рынке, брать зерно из хранилищ и т. п. Все эти операции связаны с ценными бумагами, которыми оперируют при таких сделках. А зерно лежит на складах, как золотой запас, обеспечивающий ценность бумаг.

Смекалистый Билли вломился в этот бизнес и повел дело так широко, будто у него были неисчерпаемые склады с зерном, а на самом деле он наживался на сделках, оперируя лишь ценными бумагами, за которыми не было ни единого зернышка.

Мистер Чичиков и другие

Неизвестно, читал ли Билли Эстес «Мертвые души» Гоголя, но его операции с несуществующим товаром удивительно напоминают авантюру Чичикова. Его по праву можно назвать мистером Чичиковым, правда, оговорившись, что он далеко переплюнул свой литературный прототип.

Если эту аналогию продолжить, то можно вспомнить и о том, что у Чичикова были занятные партнеры по странному делу — Собакевич и Коробочка, Ноздрев и Манилов и другие.

Кто же партнеры Билли?

С каждым днем расследования дела Билли Эстеса выясняются все новые и новые имена его сообщников из государственного аппарата. Одна за другой следуют в эти дни неожиданные отставки и увольнения высокопоставленных чиновников, дошла очередь и до конгрессменов. Закачался и сам министр земледелия Фримэн. Пришлось официально вступиться за Фримэна. Правда, как отмечает американская печать, это высокое заступничество было слабо аргументированным и малоубедительным.

Четыреста пятьдесят два агента ФБР ведут расследование по этому делу в сорока шести городах США. Этим же занимаются две комиссии конгресса.

Не слишком ли много на одного афериста? Дело в том, что власти США явно решили локализовать скандал. Журналистам запретили даже поверхностно знакомиться с документами этого дела. Все, что связано с делом Эстеса, пишет американская печать, «теперь скрывается от общественности так, будто содержит планы отражения ракетных атак».

Билли связал свою судьбу с политическими боссами правящей демократической партии. Непосредственные деловые контакты он установил с вашингтонскими чиновниками из министерства земледелия. Он давал им взятки деньгами, машинами, костюмами, роскошными приемами и обедами... А они давали ему возможность совершать аферы. Вот причина той необыкновенной легкости, с которой обделывал свои делишки ловкий Билли.

Уже на первой фазе расследования обнаружены копии чеков на сотни тысяч долларов, которые Билли каждый раз брал с собой, выезжая по делам в Вашингтон.

Когда над головой Билли прогремел первый гром, в одной техасской долине раздалось пять выстрелов: пять пуль прошили тело сотрудника министерства земледелия Генри Маршалла. Так убрали с дороги человека, который слишком много знал. Вскоре нашли задушенным Джорджа Крутилека, который в свое время был причастен к афере с цистернами для аммиака.

В министерстве земледелия чиновник Бэтл Нейлс выступил с разоблачениями по делу Эстеса. Бэтла тут же перевели на другую должность, закрыв ему доступ к материалам дела Эстеса, а секретаря Бэтла упрятали в психиатрическую лечебницу.

Выступая во время расследования дела Эстеса, министр земледелия Фримэн как-то заявил, что все аферы Эстеса, несмотря на их грандиозность, «не стоили правительству ни одного доллара». Приводя это высказывание министра в своем июльском номере, американский журнал «Тайм» не без оснований пишет: «Действительная трагедия дела Билли Соул Эстеса заключается в том, что ему удалось подкупить стольких официальных лиц в министерстве земледелия». К этим словам остается только добавить, опираясь на высказывание Фримэна, что ни власти США, ни бизнесмены — партнеры Эстеса не пострадали от его афер. Миллионы свои он награбил за счет простого американского фермера.

А что же с самим Билли? Его было арестовали впопыхах, а потом, опомнившись, выпустили на поруки. Как-то неудобно держать в тюрьме миллионера, это не вяжется с официальной американской моралью! Да и высокопоставленным соучастникам Билли теперь не придется для встреч с ним брать пропуск в тюрьму. А эти встречи нужны им сейчас, чтобы замести следы, ведущие из Техаса в Вашингтон.

Да и чем Билли хуже других? Почему из всех собратьев-миллионеров должен сидеть он один? Чем он отличается от них? Разве тем, что засыпался...

Этот портрет М. И. Кутузова был помещен в дореволюционном «Военном сборнике». Редакция сборника сообщала: «Помещенный в настоящей книжке портрет... воспроизведен с редкой гравюры, хранящейся в богатой исторической коллекции П. Я. Дашкова.

Гравюра эта сделана по портрету, писанному с натуры и составляющему, насколько известно, самое раннее изображение М. И. Кутузова. Помещенные на гравюре старшие ордена относятся уже к более позднему времени и добавлены на ней впоследствии».

НА КНИЖНЫХ ПОЛКАХ ИСТОРИИ

Я. МИЛЕЦКИЙ

В кабинете доктора исторических наук генерал-майора Павла Андреевича Жилина на стенах и в книжных шкафах множество портретов, гравюр, книг и папок с копиями архивных документов, рассказывающих об Отечественной войне 1812 года и полководческой деятельности М. И. Кутузова. Это все своеобразные спутники научных трудов, написанных хозяином дома. Об этом повествует и его книга «Контрнаступление русской армии в 1812 году».

— Вы хотите знать, почему я увлекся этой темой?

Павел Андреевич вынимает из дальнего ящика письменного стола маленькую потертую записную книжечку. Ее листки пожелтели от времени. Записи, сделанные карандашом крохотными буквами, уже трудно прочесть.

— Это фронтовая книжка. Во время Великой Отечественной войны я был на Западном фронте... В ней ответ на вопрос.

В тяжелом сорок первом году путь соединения, в котором служил П. А. Жилин, проходил при отступлении, а затем и при наступлении советских войск по историческим местам, где в 1812 году русская армия под командованием Кутузова сражалась с наполеоновскими полчищами.

Я едва разбираю написанное:

«25 декабря 1941 года. Немцы откатываются на запад. Проехали первые немецкие окопы. Село Чернишня. В этих местах в 1812 году наши войска нанесли поражение авангарду Мюрата. Все сожжено...

...Тарутино сожжено и разрушено. Немцы хотели встретить здесь рождество. В землянках разукрашенные елки, батареи винных бутылок.

27 декабря. Сегодня убили Гусева, заместителя политрука. Учитель из Сибири. Чудесный человек. Его похоронили возле памятника русским воинам, павшим в 1812 году. На памятнике высечены слова: «На сем месте российское воинство, предводительствуемое фельдмаршалом Кутузовым, укрепясь, спасло Россию и Европу».

...А вот и Бородино. Вспомнились слова: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

...Освободили Малоярославец. В 1812 году он восемь раз переходил из рук в руки. В результате этого сражения Наполеон должен был повернуть на запад...»

— Вот вам и ответ на ваш вопрос,— говорит Жилин.— С тех времен, с зимы сорок первого года, Кутузов овладел моими мыслями.

Павел Андреевич разворачивает большую географическую карту. Она едва умещается на письменном столе. Издана в Санкт-Петербурге в 1812 году. Такой картой пользовался, вероятно, и Кутузов. На ней написано: «Генеральная почтовая карта Европы. Сделана с почтовой карты Европы, изданной в Вене на четырех больших листах с показанием новейшего разделения Рейнского Союза и прочих государств и со включением дорожной карты всей России».

— Я случайно купил ее у букиниста в Ленинграде,— рассказывает Жилин.— Она легко складывается, очень удобна в пути, на ней помечены расстояния в верстах между городами и почтовыми станциями. В Ленинграде мне удалось собрать немало реликвий того времени, так или иначе связанных с деятельностью Кутузова. Я бывал в доме, где жил великий полководец, встречался с его потомками. И вот что мне подарили...— Павел Андреевич протягивает карандашный рисунок неизвестного автора. На нем изображена гостиная в доме Кутузова. По словам бывшей владелицы рисунка, он сделан еще во время жизни Михаила Илларионовича и был хорошо ему известен.

Вот малоизвестные портреты великого полководца, портрет его третьей дочери — Елизаветы Михайловны Хитрово, жены флигель-адъютанта Ф. И. Тизенгаузена, убитого под Аустерлицем, а затем — генерала Н. Ф. Хитрово. Интересна редкая книга, в которой собраны «Известия о военных действиях» в 1812 году. Их направлял из Главной квартиры сам Кутузов. Собранные воедино, эти известия являются как бы летописью великих событий. На титульном листе написано латинскими буквами: «Барклай де Толли».

— Можно ли предполагать, что эти «Известия» принадлежали некогда Барклаю де Толли? — спрашиваю Павла Андреевича.

— Этого нельзя утверждать, но нельзя и исключить.

Я ищу донесения с Бородинского поля. Вот они: «Главнокомандующий действующими армиями генерал от инфантерии князь Кутузов, из Главной квартиры при селе Бородине, от 23 сего августа доносит Его Императорскому Величеству следующее: позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно... Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в том случае имею я большую надежду к победе».

В донесении от 26 августа из Бородина Кутузов отмечал: «Баталия, 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны».

Из селения Жилина Кутузов писал царю: «...вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России». И далее полководец пророчески заключает: «Теперь в недалеком расстоянии от Москвы собрав мои войски, твердою ногою могу ожидать неприятеля и пока армия цела и движима известною храбростью и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества».

— Теперь я вам покажу документ, который мне удалось разыскать в архиве. Он мало известен даже в научных кругах,— говорит Жилин.

Это письмо пяти дочерей Кутузова. После смерти отца они оказались в тяжелом материальном положении и решили обратиться с петицией к государю. Они писали: «Посвятив жизнь свою на службу Отечества, не мог отец наш заняться делами своими, смело оставляя их в расстройстве...

Имение, доставшееся нам, обременено долгами, и тогда только можем надеяться иметь хотя малое состояние, ежели, Всемилостивейший Государь, прикажешь оное купить в казну».

На прошении властной рукой Аракчеева было начертано: «Оставить без ответа».

Мы рассказали лишь о некоторых интересных документах, раскрывающих историю Отечественной войны 1812 года. Их много в шкафах и на книжных полках военного историка. Но рядом еще больше книг и документов о Великой Отечественной войне советского народа. Этой теме П. А. Жилин посвящает сейчас свои научные исследования, объединяя, таким образом, героическую эпопею прошлого русского народа с великими военными свершениями нашей советской эпохи.

Елизавета Михайловна Хитрово, третья дочь М. И. Кутузова.

У ПРИБОЯ

На мóре волна разбагровелась,
Отражая полыханье флага.
Что такое море?
Это верность.
Море — это дружба и присяга.

Волны помнят и о трудном бое.
Только брызги
не прими за слезы.
Море — это песня о героях,
Песня, заглушающая грозы.

От брони надводной и подводной
Блеск морской спокойнее и строже...
О матрос, мне кажется сегодня,
Будто море
на тебя похоже!

Борис КОТЛЯРОВ

Харьков.

КОСМОДРОМ

Посвящается Герману Титову

В последний раз проверены приборы.
Закатный луч клинком сверкнул вдали,
И темнота в стремительном прибое
Окутала степные ковыли.

Трещат цикады чуть ли не над ухом,
А наш земляк — из русского села —
Спокойно спит, но сколько сильных духом
Ни на минуту не смыкают глаз!

Не спится, нет...
Пожалуй, лучше выйти
Туда, где терпко пахнет чебрецом,
Где лунный серп, как золотистый вымпел,
Сквозь облака глядит на космодром.

Как медлит во вращенье твердь земная!
И ждать совсем становится невмочь.
Кто в Байконуре был хоть раз, тот знает,
Как бесконечна перед стартом ночь.

Пожалуй, рано...
Очень, очень рано:
Рассвет еще не поднял солнца жезл,
Но к голубым мерцающим экранам
Десятки глаз прикованы уже.

Вот час до старта, четверть...
Люди ждали.
Вот жгучий всплеск объял сплетенья рей,
Вот загорелась звездочка в радаре
И поплыла скорей,
скорей,
скорей.

Вдруг стало тихо, стало очень тихо,
Как будто все уснуло на Земле.
Лишь маятник в часах громово тикал,
И так же громко щелкали реле.

А в телефонах, как в победном кличе,
Слова звучали, радостью пьяня:
«Земля, Земля! Я слышу вас отлично!
Земля, Земля! Как слышите меня?»

А мать Земля,
радиоволны-стрелы
С тугих антенн рассыпав по пути,
На сына сквозь Вселенную смотрела
И говорила с трепетом:
«Лети!»

Анатолий ЩЕРБАКОВ

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ В МЕЖЗВЕЗДНОЙ СРЕДЕ

В архиве Б. Н. Воробьевым, посвятившим всю жизнь сохранению наследия К. Э. Циолковского, найдена его неопубликованная рукопись — «Жизнь в межзвездной среде».

Это как бы дневниковые записи. Работа была начата 13 сентября 1919 года и без перерыва велась три недели. Почти ежедневно добавлял Константин Эдуардович несколько новых листков в стопку исписанной бумаги. Вдруг на странице 80-й краткая запись, в скобках под текстом: «5-го окт.— смерть Вани». Умер сын Константина Эдуардовича, помощник в работе...

В трудное время создавал свое произведение Циолковский. Было голодно, холодно. Ни керосина, ни бумаги. Вот почему написана эта работа на каких-то случайных железнодорожных бланках, карандашом. Но мысль «калужского мечтателя» дерзновенно устремлена в просторы космоса.

Лишь весной следующего года вернулся Циолковский к оставленной рукописи. Снова день за днем рассуждает ученый о неисчислимых тонкостях «космического дела». Он говорит о работах в условиях невесомости, о производстве электрической энергии, металлов, разного рода строительных материалов, об устройстве оранжерей, о форме и планировке жилищ, о способах регулирования температуры.

Полеты в космос стали возможны благодаря достижениям отечественной науки и техники, которые во многом базируются на идеях пионера космонавтики К. Э. Циолковского.

От запуска первого искусственного спутника Земли до 25-часового космического полета Германа Титова не прошло и четырех лет. Космонавтика развивается стремительно. Космонавтика развивается по Циолковскому. Вот почему нам особенно дорога каждая новая строка великого ученого.

Публикуемые отрывки взяты из книги К. Э. Циолковского, готовящейся к выпуску в Издательстве Академии наук СССР.

Мы еще мало говорили о том, какая картина окружает человека в этом уголке солнечной системы, за орбитой Земли. Мы допускаем пока, что человек не умирает ни от пустоты и отсутствия кислорода, ни от убийственных ультрафиолетовых лучей Солнца. Или мы предполагаем, что человек, эволюционируя, превратился в существо, которому нипочем все эти новые условия существования. Он, как растение, не нуждается в хлебе и говядине, он покрыт прозрачной оболочкой, дающей ему необходимое давление и предохраняющей его от потери воды и газов. Внутри ее лучами Солнца образуются (как в растении) необходимый ему кислород и пища...

Что же он видит, что чувствует в этой прекрасной и безграничной пустыне, в этой свободе, в этих нежных объятиях с вечным, никогда не угасающим ярким Солнцем? Не затемняется оно облаками, не темнеет небо от туч, нет ночи, нет ни восхода, ни заката, ни зари, ни ослабления его света, ни усиления. Только повернувшись к нему спиной, мы его не видим. Тогда, в первый момент, кромешная тьма нас окружает. Мы совсем, совсем ничего не различаем, кроме невообразимого мрака. Но понемногу зрачок расширяется, глаз привыкает к тьме. Мы замечаем свечение собственного нашего тела; в тонких местах розовое, в более толстых — темно-красное. Затем мы видим кругом сферу с бесчисленными звездами. Сначала открываются только крупные звезды, потом они становятся ярче, и появляются новые звезды; вот их больше и

РИСУНКИ АНДРЕЯ СОКОЛОВА
ИЗ СЕРИИ «КОСМОС».

На Венере.

больше, наконец, они серебряной пылью застилают все небо. Их так много, как мы никогда не видели на Земле. Там воздух мешал их видеть, распылял и уничтожал их свет. Здесь они кажутся совершенно неподвижными точками, не мигающими и не мерцающими, как на Земле. Они большею частью серебряные. Но, вглядываясь, видим звезды всевозможных цветов и оттенков, однако большинство серебряных. Фон черный — черное, как сажа, поле с рассеянными кругом звездами всяких яркостей. Более яркие кажутся крупней. Иные сливаются в серебряную пыль, в туманное облако. Голубизны небес нигде не видно. Всюду однообразная чернота — траур без всяких оттенков. Нет глубокой синевы, близкой к черноте, нет ни голубизны, ни млечного вида горизонта.

Если повернуться в обратную сторону, вся волшебная картина исчезает. Мы снова ничего не видим, потому что оглушены светом Солнца. Но глаз привыкает к свету. Хотя глядеть на Солнце тут можно еще менее, чем на Земле, но по окружающим нас ярким освещенным предметам мы чувствуем ослепительную силу светила.

Поглядим еще кругом, обратимся опять к мрачному звездному фону. Нам представляется, что мы в центре очень малой черной сферы, украшенной звездами и Солнцем. Отсутствие воздуха, необыкновенная отчетливость звезд и отсутствие голубой окраски и других цветов атмосферы делает иллюзию близости всех предметов. Мы в центре очень малого черного-пречерного шарика. Кажется, стоит только протянуть руку, чтобы достать любую звезду или по крайней мере пролететь очень немного, чтобы стукнуться об эту пустую и ограниченную шаровую полость, в которую мы заключены.

Что мы испытываем, ничего не имея под ногами, то есть не имея обычной опоры? Одни будут пугаться, другие удивляться, третьи от страха необычной картины упадут в обморок, хотя упасть тут некуда и невозможно. Вероятно, низ покажется там, где ноги. Поэтому появится страх падения. Но к нему крепкие нервы скоро привыкнут, и страх исчезнет. Если на Земле, в среде тяжести, стать кверху ногами или, лежа на диване, опрокинуть с него голову к полу, то нам покажется потолок полом, пол — потолком, верх — низом, низ — верхом. При открытом небе, то есть наружи, в поле или в саду, небеса кажутся тогда голубой бездной, в которую легко свалиться, а почва — потолком. Тем более должна быть разительной и страшной эта иллюзия в эфире, в среде без тяжести, так как тут кровь не приливает сильнее к голове при обратном положении. Но как на Земле мы скоро привыкаем к обратному положению и иллюзия исчезает, не занимая более нас, так скоро должно случиться и в эфире.

Как подействует на тело и чувства отсутствие тяжести? Кровь будет сильнее приливать к голове. Многих болезней, зависящих на Земле от излишнего стояния, в этой среде мы бы избежали. Но все же как постоянное лежание в постели для здоровых людей, так и пребывание их в среде без тяжести может оказаться вредным. На всякий случай можно устроить искусственную тяжесть.

...Сырые материалы в эфире мы добываем так же, как на Земле, и в таком же роде. Для этого нам могут послужить небесная пыль, камни, болиды и астероиды. Последние более всего.

Я говорю про маленькие планетки до 10 верст в диаметре, не видимые ни в какие телескопы. Их должно быть множество всюду, также и между орбитами Земли и Марса и между орбитами Земли и Венеры, то есть поблизости Земли и дальше или ближе к Солнцу. Действительно, через атмосферу Земли нередко пролетают планеты диаметром в несколько верст. В веществе этих планеток найдутся и чистые металлы и сплавы. Но больше всего будет руд тяжелых и легких металлов. Едва ли добудем глину, песок, мел и т. п. вещества, образующиеся на больших планетах влиянием воздуха, воды и жизни. Скорее будем иметь дело с гранитами и другими огненными породами, также с рудами и самородными металлами и их сплавами. Едва ли найдем и каменный уголь. Сомнительно и существование свободных газов.

Не будем рассчитывать на чистые металлы, хотя они должны быть и есть, как мы это видим в упавших на Землю небесных камнях. В них часто находим чистое железо и никель. Это превосходные для строительства материалы.

Первая техника и все необходимое: машины, жилища, оранжереи, растения — все должно быть с Земли. Уже потом мы будем производить все сами: не только то, что получили с Земли, но и большее. Однако и полученное с Земли должно быть приспособлено к эфирной пустыне. Из минералов мы можем нагреванием выделить гидратную кристаллизационную и конституционную воду. Для этого могут послужить гидраты и другие водные соединения. Нагревание разными способами, ограничиваясь, конечно, Солнцем, производить можно в тугоплавких камерах и доводить его самым экономным способом, почти целиком утилизируя энергию солнечных лучей, до 4 000° — 5 000°. Но для выделения воды большей частью требуется очень невысокая температура. Тем же способом можем выделить углекислый газ, например, из углекислой извести. Тут температура выше. Полученный газ можно разлагать на кислород и углерод с помощью растений или достаточным повышением температуры лучами Солнца. На Земле разложение химическое за недостатком высокой температуры пока не практиковалось. Притом на Земле уголь имеем готовый и дешевый, так же, как и кислород. Зачем же добывать неэкономным способом?..

...Вода, углекислый газ и кислород могут и непосредственно служить растениям и человеку. Они же могут понадобиться и для технических целей.

Раздробление огненных пород разного рода: гранитов, гнейсов, порфиров, сиенитов; фосфоритов, азотистых минеральных соединений, калиевых и натриевых — даст почву для растений, а также глину, песок, слюду, известь и т. д. Дробление можно совершать нагреванием и затем внезапным охлаждением. Можно также одну часть сильно нагревать солнечными лучами, а другую охлаждать. Можно и механически дробить стальными жерновами, молотами, вообще теми же способами, как и на Земле. Питательные жидкости для растений можно получить и растворением веществ в разных жидкостях. Добывание металлов из руд выгоднее всего получить повышением температуры, причем прежде всего выделяются летучие части сложных соединений: газы, пары, сера и т. п. Получим огромное количество кислорода, серы, серной кислоты и чистых металлов в жидком виде. Тут же можно заняться и их отливкой для получения разных вещей: утвари, машинных частей и разных орудий. При получении отливок прибегают к центробежной силе, но можно того же достигнуть и давлением.

...Электрический ток можно получить в эфире теми же разнообразными способами, как и на Земле. Непосредственно — с помощью солнечной теплоты, при посредстве термоэлектрической батареи. Последнее будет неэкономно, хотя со временем, может быть, найдут такие вещества для термоэлектрической батареи, которые почти всю теплоту Солнца будут превращать в электричество.

Надежнее для добывания электричества солнечные двигатели, которые могут утилизировать очень высокий процент (до 50 и более) солнечной энергии. Сущность их устройства такая же, как обыкновенных паровых двигателей с холодильником.

Пищевые вещества сначала будут добываться с помощью растений. Но утилизация солнечной энергии растениями пока не превышает 5%, потому очень невыгодна. С течением времени эта утилизация путем искусственного подбора растений увеличится; будут добиваться 50 и более процентов и добьются. На практике и 5% дают немногие растения и при исключительных условиях. Большинство растений в плодах утилизируют в 300 раз меньше и потому даже возмутительно невыгодны. Вероятно, двумя путями будет идти дело добывания пищевых веществ: усовершенствованием растений и чисто химическим добыванием все более и более сложных органических веществ. В последнем случае растения заменяются ретортами с искусственно добытыми химическим путем веществами. Какой из этих способов опередит и даст больше экономии в утилизации солнечной энергии, сказать трудно. Во всяком случае, на первое время преимущество будет за растениями, так как без них сейчас питание человека невозможно.

...Сначала будут подражать устройству земных работ. Изолированная шарообразная, цилиндрическая или коническая камера. Вообще камера формы тела вращения, то есть всякая форма, выточенная на простом токарном станке, будет снабжаться необходимыми для дыхания газами, теплом, светом, машинами, механической и всякой необходимой энергией. Отличие будет только в другом составе газов. Так, для дыхания человека довольно чистого кислорода при $^1/_{10}$ упругости воздуха. В этих камерах описанной или другой, более сложной составной формы, приспособленной для выдерживания давления газов, будут производиться работы, как на Земле. Иногда работы потребуют вращения камеры ради получения центробежной силы или искусственной тяжести, чтобы пыль и стружка не летели по всему помещению и ложились на определенные его места. Однако отделение пыли таким способом не будет удачно, как и на Земле, хотя тяжесть значительно больше. Применяя же для этого сетки и процеживание воздуха сквозь волокнистые вещества и поглощающие пыль жидкости, достигнем одновременно и очищения камеры от летающего более крупного сора...

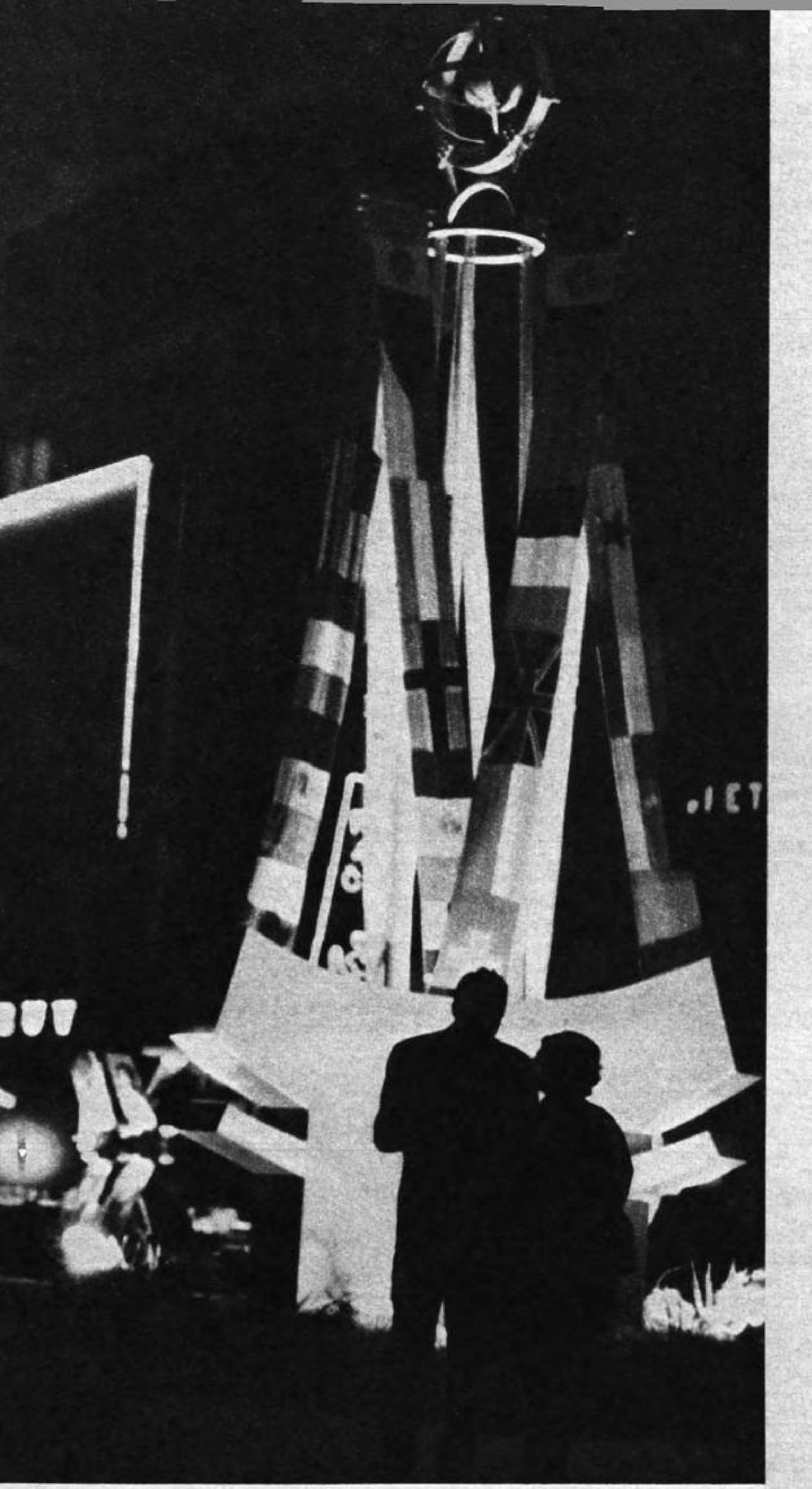
Множество заводских работ благодаря отсутствию силы тяжести, трения и падения чрезвычайно облегчится. Не только приспособления будут проще, но и самим рабочим гораздо легче, так как они могут работать во всяком положении тела, достигать без лестниц любых точек обрабатываемого предмета, перелетать с места на место без всяких усилий и не чувствовать тяжести своего тела, прилива крови к ногам или к нагнувшейся голове и т. д.

Громадна борьба с тяжестью при всех грандиозных работах: надо поддерживать предметы от падения, от излишнего давления на подставки, самые подставки надо укреплять, двигать каждую минуту, одолевать вес или трение. То нужны цепи, то блоки, то тросы, то подъемные краны, лебедки — и все это ради борьбы с тяжестью. Накаленные рельсы или прокатываемое железо гнутся от своего собственного веса — сколько и от этого хлопот. Жидкие и расплавленные тела выливаются из сосудов через малейшие отверстия благодаря силе тяжести!

Этого нет в эфире. Работы требуют определенной, иногда очень высокой или же низкой температуры, совсем не подходящей для рабочего. Техника идет на компромисс, причем теряют и люди и работы. Поэтому здесь стремятся рабочих заменить автоматами, выдерживающими температуру, наиболее выгодную для работ. Число рабочих все более и более уменьшается, и для них устраивается особое охлаждение или нагревание для получения самой подходящей для них температуры. Нельзя сомневаться, что тяжесть здесь всегда может быть получена любой силы. Но в том-то и дело, что она больше вредит работам, чем помогает. И потому, если ею и пользуются, то изредка и в очень слабой степени...

Так как температура для людей нужна очень умеренная, градусов в 30, чтобы только обходиться без одежды и обуви, то жилища можно устраивать почти прозрачные с прекрасным во все стороны видом звездного неба, Солнца, лун, планет и многочисленных и разнообразных человеческих сооружений. Регулировка температуры внешняя или внутренняя и предоставлена вкусу каждого. При дезинфекции люди удаляются. Тогда передвижением блестящих щитов или другими способами получается уничтожающая все живое температура.

Помещение для людей должно быть ячейкой, вмещающей определенного размера общество, которого общественные и индивидуальные потребности должны быть хорошо удовлетворены...

Даже ночью было ясно, что в городе кинофестиваль.
Фото Мирослава Петерки.

Американский журналист Гедеон Бахман и кубинский актер Влас Мора.
Фото автора.

XIII международный кинофестиваль в Карловых Варах

КИЛОМ

И. ВЕРШИНИНА,

специальный корреспондент «Огонька»

Когда гремят пушки, музы не молчат

Путь нам предстоял долгий — десятки, а то и сотни километров кинопленки лежали впереди. Мы шли дорогами войны. Этих дорог было много. Они вели в прошлое. Фильмы «Полуночная месса» (ЧССР), «Другой берег» (Польша), «На семи ветрах» (СССР), «Королевские дети» (ГДР) и многие короткометражные рассказывали о войне с фашизмом. Другие: «Ураган» (КНР), «Педро уходит в Сиерру» (Куба), «На демаркационной линии» (КНДР), «Два солдата» (Северный Вьетнам) — о народно-освободительных войнах.

Нет, не создание кинолетописи героических, но тяжелых лет занимало тех, кто снимал эти картины. Мы знаем: их авторы на прошлых кинофестивалях выступали с интересными произведениями, посвященными мирной жизни. Почему же сейчас здесь представлено так много фильмов о войне? На этот вопрос, заданный на дискуссии мексиканским киноделегатом, отвечали его коллеги из многих стран.

Вальтер Горриш (ГДР). «Это прошлое — для нас все еще действительность. Я живу в 200 метрах от границы с Западным Берлином, и я все время слышу их радио, которое угрожает мне прошлым. А пластические бомбы оасовцев на улицах Парижа напоминают о том, что эта угроза не пустая».

Гю Ван (Северный Вьетнам). «Мы ненавидим войну и поэтому вынуждены всеми средствами с ней бороться. Все наши киноработники — бывшие солдаты. Они винтовками отстояли право на свободную жизнь, сейчас это право они защищают другим оружием — киноаппаратом. Вот почему три фильма, что мы здесь показываем,— о войне. В фильме «Пигалица» (он получил особую премию жюри фестиваля как один из лучших короткометражных фильмов. — **И. В.**] есть роль французского диверсанта, который убивает героиню — вьетнамскую девочку. Мы пригласили сниматься одного бывшего французского солдата, он живет давно уже у нас, на севере Вьетнама. Он не хотел играть эту роль, и только сознание, что он борется против войны, заставило его согласиться».

Хулио Гарсия Эспиноза (Куба). «Борьба еще не кончилась, и, к сожалению, нам придется повторять это в наших фильмах. Мы говорим «к сожалению», потому что хотим, чтобы наступил день, когда мы сможем снимать больше музыкальных фильмов, чем военных. Мы знаем, этот день наступит...»

Прежде говорили: «Когда гремят пушки — музы молчат». Сейчас это устарело. Музы не хотят быть в стороне от жизни, не хотят молчать. Они восстают против пушек. Вот почему фестивальные дороги войны, напомнив присутствующим о прошлом, заставили их задуматься над будущим.

Темпы фестиваля

А фестиваль набирал темпы. Уже не хватало отведенного времени для просмотра всех присланных сюда фильмов, хотя демонстрация их шла по 6—7 часов в сутки. Сеансы начинались в 2 часа дня, около 7 часов вечера журналисты бежали на очередную пресс-конференцию с тем, чтобы после нее, надев на себя все теплое, что только имелось в чемоданах, устремиться в Летний — прозванный очень метко «Зимним» — кинотеатр.

В 9 часов вечера площадь перед Летним кинотеатром и все примыкающие к ней улицы напоминали район стадиона в дни больших матчей. Сюда устремлялся весь курортный городок. Фуникулеры с трудом успевали спускать с гор из санаториев отдыхающих. По дорогам неслись автомашины всевозможных марок, спешили пешеходы с пледами и одеялами. Огни санаториев на лесистых холмах казались светящимися гирляндами и служили великолепным праздничным оформлением кинотеатру, где демонстрировались фильмы Международного кинофестиваля.

Дни пролетали молниеносно, а круглых железных коробок с разноцветными, разноязыкими наклейками, в которых лежала не просмотренная еще кинопленка, было столько, что поставь их одна на другую, столб этот, кажется, достиг бы облаков.

Смотрели фильмы в 9 часов утра, смотрели в 11. Правда, это были не конкурсные картины, их показывали продюсеры или прокатчики для ознакомления или из коммерческих соображений, но от этого интерес не уменьшался. Ведь они дополняли наше представление о мировом кинематографе. А оно было бы, безусловно, неполным, не посмотри мы, например, фильм, удостоенный премии за лучшую кинокомедию на Каннском фестивале 1962 года — «Развод по-итальянски» Джерми.

Очень смешная, остроумная история о том, как один молодой аристократ полюбил девушку и хотел на ней жениться, но, увы, был женат. Его стремлениям освободиться от законной супруги и жениться на любимой посвящен этот, повторяю, очень смешной фильм. Но ни ироническая интонация режиссера, ни сатирические меткие характеристики образов, великолепно созданных артистами Даниэлой Рокка, Марчелло Мастроянни и другими, не помогают вам ответить на неизбежно возникающий вопрос: чем сегодня эта тема могла привлечь Джерми — Пьетро Джерми, автора «Машиниста»?!

Вопрос такой возникает и на конкурсном просмотре австрийской комедии «Юлия, ты очаро-

вательна». Исполнительница заглавной роли М. Пальмер действительно очаровательна, так же как и ее партнер, популярнейший французский актер Шарль Буайе. Но ведь эту грациозную, легкую комедию о том, как юный клерк соблазнил немолодую, но знаменитую актрису, а потом все же предпочел ей не знаменитую, но молодую, можно было снять и 40 лет тому назад.

Абсолютно вне времени — здесь уместно добавить и пространства, так как в нем движутся не люди, а какие-то плоские тени,— и модный фильм Алена Рене «В прошлом году в Мариенбаде», удостоенный в 1961 году на кинофестивале в Венеции Большой премии Золотого льва.

«Человек — творец жизни или он ее жертва!»

Странно во второй половине XX века задавать такой вопрос да еще делать его главной темой обсуждения Вольной трибуны — диспута, в котором участвуют более 200 ведущих деятелей мирового кино. Скажем сразу, хотя здесь были люди, приехавшие из разных стран и даже с разных континентов, представляющие разные политические и социальные формации, проповедующие разные философские и эстетические направления, все они ответили единодушно: человек — творец.

Так возвестили все с трибуны, а в фильмах?

Разве «В прошлом году в Мариенбаде» и некоторые другие фильмы, в том числе и те, что были присланы на конкурс фестиваля, и те, что получили на нем Главные премии: «Аккатоне» (Италия) и «Капля меда» (Англия) — не выражают безнадежность, одиночество, неверие в дальнейшую жизнеспособность человека? И, наконец, все ли фильмы художников социалистического лагеря помогают зрителю ощутить себя творцом, вспомнить слова Горького: «Человек — это звучит гордо»?

Вокруг этого и разгорелась полемика, жаркая, страстная, долгая, откровенная. Здесь можно было услышать и самые неожиданные признания.

— Кино для миллионов — понятие устарелое, надо снимать для избранных,— предложил г-н Алквист из Швеции, сообщив, что у них в стране народ давно не ходит в кинотеатры.

Польский критик Александр Яцкевич убеждал, что искусство и жизнь должны идти параллельно, не соприкасаясь, так как в реальном мире нет формы.

— Уходя с представления пьесы Брехта, нам хочется сделать революцию,— признался Марсель Мартен из Франции.— Вот что значит подчинить эстетику идеологии.

Эстетика или идеология, форма или содержание, съемочная камера или мысль художника, массовый зритель или избранная публика просмотровых зал — что определяет сегодня работу кинематографистов? В чем сила, в чем задача кино?

Эти и многие другие вопросы горячо обсуждались на всех заседаниях Вольной трибуны.

Здесь можно было услышать и о кризисе кинематографа в ряде капиталистических стран, вызванном политическим и экономическим кризисом этих стран, и о политических и об экономических барьерах на пути кинематографистов этих стран.

Представитель Мексики сообщил о запрете цензурой пяти фильмов, подготовленных к Карловарскому фестивалю.

Мы узнали, что в Италии во время съемок «Аккатоне» его постановщику, известному писателю Пьеру Пазолини, приходилось бороться с цензурой, преодолевать неблагожелательное отношение к сценарию, в котором говорится правда о людях, загнанных общественным строем на дно жизни.

А на пресс-конференции французских кинематографистов известный французский актер Ив Робер рассказывал, как он восемь лет носил с собой роман, который хотел экранизировать, и не мог найти продюсера — создание фильма о детях не представляло коммерческого интереса. Собрав все свои сбережения, он вложил их в создание фильма «Война пуговок». Он поселил на своей даче ребят и снимал их в окрестностях. Теперь, когда фильм в течение четырех месяцев непрерывно идет в трех кинотеатрах Парижа, принося неожиданный доход, продюсеры запустили в производство еще пять фильмов о детях. «Так появляются у нас течения, — сказал Ив Робер,— зачастую они вызваны лишь экономическими причинами. Молодым кинорежиссерам трудно найти продюсера, пожелавшего рисковать большой суммой. Так появляются натурные съемки вместо дорогостоящих декораций и простые люди на экране вместо кинозвезд. А потом некоторые увлекающиеся теоретики это объявляют новым течением.

Пока я в стесненных обстоятельствах снимал «Войну пуговок», я считался представителем «новой волны». Когда же неожиданно пришел ко мне коммерческий успех, я перестал быть ее представителем.

Знаменитый американский кинорежиссер Франк Капра как бы развил эту мысль Робера:

— Мы не получаем никаких субсидий, отсюда все проблемы. 80 процентов американских фильмов выпускают независимые продюсеры, и мы вынуждены, если хотим работать, подчиняться их коммерческим интересам. А что касается новых течений, то каждая новая талантливая картина — это новое направление. А потом всегда находятся подражатели.

Человек-творец!

Но вернемся на Вольную трибуну. Третий день идет дискуссия, но зал переполнен. Лучи прожекторов с трудом рассекают табачные облака, чтобы дать возможность кинодокументалистам запечатлеть этот представительный форум. И назавтра в хронике фестиваля показать зрителям, как выступает Назым Хикмет, Григорий Козинцев, Вайда... Можно сказать без преувеличения, что в течение четырех дней фестиваль жил Вольной трибуной. С нее начинался день, о ней говорили в перерывах просмотров, ее дискуссию продолжали за столом.

Выступление М. И. Ромма, как и его фильм «9 дней одного года», вызвало много откликов. Советский режиссер убедил своих коллег словом и делом. Собственно, к этому он и призывал, чтобы теоретические взгляды художника и его творчество совпадали.

— Художника трудно понять, если не знать его творчества. Я прежде призывал к кинематографу действия — и такие ставил фильмы. Сейчас я считаю кино средством мышления — и это воплотил в «9 днях одного года». Нельзя быть новым только в форме произведения. Кто проповедует это, рискует устареть раньше остальных. Новая форма необходима для новых мыслей. И в советском искусстве она всегда именно так возникала. Пример: Маяковский, Эйзенштейн... Но, изменяя форму, художник должен быть постоянным в своих убеждениях. Мои убеждения: 1) кино для народа, а не для просмотрового зала и 2) вера в Человека.

Вот эта вера в человека-творца покорила зрительный зал и в картине Ромма «9 дней одного года».

А когда через несколько дней зритель выносил свое суждение о фильмах, свыше миллиона участников кинофестиваля Трудящихся также присудило 1-ю премию советскому фильму «9 дней одного года».

А в остальное время

Но это все просмотры, дискуссии, пресс-конференции. А что же происходило в остальное время, естественно, поинтересуется читатель. А остального времени не было, хотя календарь фестиваля измерялся не днями, а сутками. В 8 часов утра все уже сидели в столовой и отгадывали свод ребусов под названием меню — что лучше: консоме à la России или яйца à la Розина? А в 2 часа ночи на приемах, несмотря на призывные звуки джаза, одни брали, а другие давали интервью. Правда, были такие счастливцы, которым все же удавалось ускользнуть и потанцевать. Народ собрался большей частью молодой — энтузиазма, энергии, веселья не занимать. Но 150 журналистов и фотокорреспондентов не зря приехали сюда со всего мира — газеты, журналы должны получить материал. Так что тут уж не до танцев.

Что поделаешь, фестиваль!

Актрисы не успевали перезаряжать авторучки, изводя флаконы чернил на бесконечные автографы. Фотокорреспонденты разговаривали на всех языках мира. Режиссеры выступали с трибуны в роли теоретиков. Журналисты не уставали давать советы режиссерам, как и какие фильмы им надлежит снимать. Продюсеры проявляли несвойственную их положению щедрость, разрешая толпившимся всегда у гостиницы фото- и кинолюбителям снимать себя вместо кинозвезд. А кинозвезды произносили речи на Вольной трибуне и пресс-конференциях, осваивали профессии граверов и стеклодувов на знаменитом стекольном Мозерском заводе, оспаривали друг у друга звание самого выносливого кинозрителя, ездили в другие города на кинофестиваль Трудящихся и, конечно, восходили на Парнас. Но сюда подняться было всем лестно, тем более что занятие это не требовало больших усилий и времени. Дощечка с надписью «Парнас» была заботливо прикреплена к большому валуну на одном из лесных холмов, вблизи гостиницы «Москва», основной резиденции фестиваля.

Руководители фестиваля играли в футбол, довольствуясь отнюдь не руководящим местом в команде киноактеров. Правда, это было в единственный свободный день.

И вот наступил конец фестиваля. Как всегда в такие минуты, люди вспоминают о каких-то несбывшихся ожиданиях. Таким оказался американский фильм «Приключения молодого человека». Его ждали, его очень ждали. Еще бы! Картина, созданная по автобиографическим рассказам Хемингуэя. В ее создании собирался принять участие сам писатель; фильм еще нигде не был показан, прямо со студии он прибыл в Чехословакию. Кроме того, американские киноработники впервые официально принимают участие в конкурсе полнометражных фильмов Карловарского кинофестиваля; приехали знаменитый кинорежиссер Франк Капра и кинозвезда Ширлей Мак Лен.

Но увы! Несмотря на все это, широкоэкранное, многокрасочное, длинное, очень спокойное, холодное повествование о жизни довольно заурядного молодого человека оставило равнодушным.

Последние часы... Уже председатель Международного жюри профессор Броусил роздал премии награжденным. Упакован Хрустальный глобус — драгоценный венец фестиваля едет в Москву.

Гости в последний раз снимаются на фоне флагов, на мостиках через реку Теплую, последнюю кружку целебной водички выпивают на дорогу. Киномеханики, облегченно вздохнув, укладывают в коробку последнюю киноленту. Из почтового отделения уходят последние открытки со штампом МКФ. И работники пресс-центра, желая вам счастливого пути, вручают последний номер замечательного фестивального журнала, из которого каждый день все узнавали так много интересного. Прощаясь с делегатами, журнал в присущей ему веселой форме рисует картину завтрашнего дня...

«С завтрашнего дня мы будем ложиться спать рано, может быть, еще до полуночи, переодеваться только один раз в день, пить только тогда, когда почувствуем жажду, и говорить только на своем родном языке. И все же мы многое отсюда вынесем...»

Да, мы многое отсюда вынесем, многое запомним. И заботливое внимание работников фестиваля, и радушное, щедрое гостеприимство чехословацкого народа, и большой откровенный, принципиальный разговор, и интересные, талантливые фильмы.

ЕТРЫ КИНОПЛЕНКИ

С. П. Титов и А. М. Топоров. Фото М. Степанова.

ВОСПИТАТЕЛИ ХАРАКТЕРОВ

Андриан Митрофанович Топоров — пенсионер. В прошлом году ему исполнилось 70 лет. Знаний накопилось за жизнь много, энергии сохранилось тоже немало, а уж как трудно расставаться с привычками, все знают. Самая старая привычка Андриана Митрофановича — работать. Поэтому и сейчас он всегда рад передать свои знания другим. Читателям газет Николаевской области хорошо знакома фамилия Топорова. Она появляется под многими интересными статьями, посвященными русской литературе и музыке.

Знают его и не только в одной области. В первые годы Советской власти Топоров учительствовал в Алтайском крае. Учил грамоте крестьян коммуны «Майское утро». Среди его учеников был Степан Павлович Титов — отец Германа Титова, будущего космонавта.

Вот что писал Степан Павлович о своем учителе: «Впервые я увидел его на сельской улице. Это был человек среднего роста, с черными волосами, плотный и веселый, живой в движениях. Он шел по заснеженной сельской улице впереди небольшой группы людей, рядом с развевающимся красным знаменем. Временами поворачивался к идущим за ним людям, и по его взмаху взлетала песня «Смело, товарищи, в ногу...»

Такая праздничная демонстрация устраивалась у нас впервые — в ознаменование победы Октябрьской революции... Вот этот дирижер Андриан Митрофанович Топоров и был первым учителем в коммуне «Майское утро». В 1921 году в поселке коммуны была открыта школа... Нас учили не только грамоте, но и пению, рисованию, рукоделию, моделированию. Топоров стремился к всестороннему развитию дарования детей».

С тех пор прошло много лет. А. М. Топоров переехал в Николаев. С. П. Титов стал учителем и воспитал немало хороших людей, истинных патриотов Родины. А сколь обязан отцу своим волевым характером, мужеством, эрудицией Герман Титов, об этом космонавт с великим уважением сам рассказывал не раз. Все эти годы Степан Павлович не забывал своего учителя.

«Ему я обязан всем, что умею, всем, что есть за душой» — так отозвался о своем учителе С. П. Титов. И вот недавно Степан Павлович побывал в Николаеве в гостях у Андриана Митрофановича Топорова. Это была трогательная, душевная встреча друзей, одинаково понимающих свое призвание в жизни.

М. ЛУКЬЯНОВ

ЧТОБЫ НЕ ОТКРЫВАТЬ ОТКРЫТОЕ...

Это совещание в совхозе «Виноградном» называют «пресс-информацией», а его цель...

— Цель такая, чтобы не изобретать порох, не ломиться в открытую дверь,— говорит директор совхоза Георгий Николаевич Аврамов.

Сельскохозяйственной литературы у нас издается много. Присылают в совхоз книги, газеты, журналы, плакаты... Многие издания поступают в библиотеку, многие выписываются на дом. А коэффициент полезного действия каков? Кто-то пошел в библиотеку, кто-то не пошел, кто-то прочитал новинку, а кто-то не нашел времени, и она осталась лежать у него на полке. Один поделился прочитанным с товарищем, а другой нет.

Вот в совхозе и решили каждую среду проводить пресс-информации.

...Прошла неделя. Она принесла семь номеров «Правды», шесть номеров «Известий», «Сельской жизни», «Радянськой Украïни», «Крымской правды», номер «Экономической газеты»... Прибыли очередные номера журналов «Садоводство и виноградарство Крыма», «Техника в сельском хозяйстве», «Кукуруза», «Животноводство...».

Каждый из специалистов совхоза следит за появившимися в печати новинками по интересующей его отрасли знаний. Следит внимательно, так как знает: на очередной пресс-информации ждут его сообщения.

И вот среда. В клубе собирается весь командный состав производства — для них это обязательно. Но много и энтузиастов — рабочих, служащих, попросту людей любознательных. Главный инженер докладывает о новом комбайне для уборки кукурузы, энтомолог — о новом препарате против вредителей, винодел — о рационализаторских предложениях, улучшающих технологию производства вина, инженер-строитель сообщает о новинке в строительстве. И вот начинается обсуждение: что из прочитанного можно применить в условиях совхоза? Часто пресс-информация начинается в клубе, а заканчивается в поле, на ферме.

Бывает и так. Однажды кто-то рассказал на пресс-информации о новой книге кандидата сельскохозяйственных наук П. Благонравова «Формирование и обрезка виноградной лозы». Один экземпляр книги — на библиотечной полке.

— Нужна нам такая книга? — спрашивает директор.

— Очень нужна! — хором отвечает аудитория.

Ну что же, раз нужно, значит, пусть библиотека закупает эту книгу, чтобы можно было раздать всем бригадирам, звеньевым.

А вот появилась еще одна новинка — книга австрийского опытника Ленца Мозера «Виноградарство по-новому». Автор создал свою оригинальную агротехнику, свою систему виноградарства: улучшается питание, развитие растения, уменьшаются затраты труда, выращиваются более высокие урожаи. Все это очень по душе крымским виноградарям. И на пресс-информации главу за главой читают книгу Мозера. Прошло немного времени, и в совхозе появились опытные участки, на которых уже испытывается высокоштамбовая культура винограда «по Мозеру».

Конечно, пресс-информация не заменяет агротехнические курсы, вечернюю школу. Все это в «Виноградном» тоже имеется, и там учатся сотни людей. И тем не менее совхозные «среды» неизменно привлекают большую аудиторию. Значит, хорошее это дело!

Дм. ПРИКОРДОННЫЯ

Еще одно мгновение — и В. Брумель возьмет рекордную высоту 2 метра 26 сантиметров.

Победила дружба

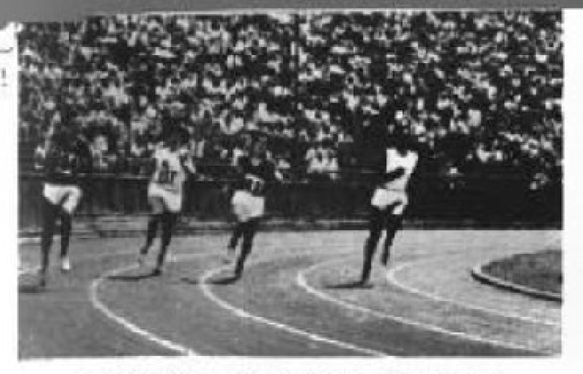
Вадим БИРЮКОВ

Фото автора.

Мне довелось провести два дня на стадионе калифорнийского города Пало Альто. Там состоялся IV традиционный матч колоссов легкоатлетического спорта: СССР — США.

Пятая попытка Гарольда Коннолли принесла ему мировой рекорд в метании молота — 70 метров 66 сантиметров.

200 метров. Борьбу за первое место ведут Вивиан Браун и Мария Иткина (первые справа).

Василий Кузнецов — один из главных героев матча, ведь десятиборье — венец легкой атлетики.

На память о Пало Альто.

Прогулка по улицам Сан-Франциско. Вера Крепкина (справа) и Джон Томас знакомы еще со времен Рима.

В тот момент, когда был сделан снимок, Макс Трузкс еще надеялся победить Петра Болотникова в беге на 10 000 метров.

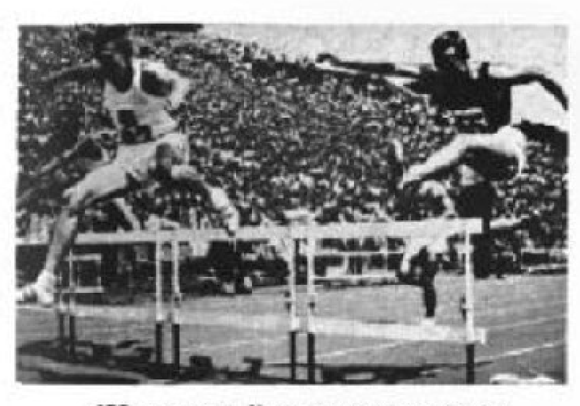
Игорь Тер-Ованесян четыре раза приземлился за отметкой восемь метров.

Воспитатель чемпионов В. И. Алексеев сразу же нашел общий язык с американскими мальчишками.

Американский прыгун с шестом Рон Моррис неудачно приземлился. Первым на помощь подоспел массажист советской команды Валентин Соболев.

400 метров. Над последним барьером.

Экзамен держит не только Р. Моррис, но и его шест. Он сделан из нового материала — фибергласса.

Молодой ковбой на высоте.

Студенты Стэнфордского университета дают концерт в честь своих заокеанских друзей.

За этим интереснейшим соревнованием пристально следила вся Америка, весь мир. Как известно, в командном зачете победу одержали атлеты СССР — 173 : 169; однако главный результат матча — дружба.

Я видел, как Болотников победил Макса Трузкса, а затем они, обнявшись, вместе шли в раздевалку. На моих глазах, одержав победу в тройном прыжке, Владимир Горяев сразу же после соревнования стал делиться опытом с американскими прыгунами.

В одном строю стояли спортсмены в начале матча. В одном строю под звуки национальных гимнов и под овации американцев они покинули стадион.

В одном строю.

Иринка сдает экзамены

М. СЕМЕНОВ

Рисунок Ю. Черепанова.

До сих пор никто не может толком объяснить, как это произошло. Жила-была девочка, бегала в детский сад, болела корью и коклюшем, носила белый передничек, и вдруг она сдает экзамен в вуз. Событие это застало всю семью врасплох.

Правда, разговоры о том, что Иринку ожидает блестящая научная карьера, велись в доме и раньше. Соберутся, бывало, ближние и дальние родственники за праздничным столом и ну тискать и тормошить Иринку:

— Скажи, девочка, кем ты будешь?

И ко всеобщему удовольствию Иринка отвечала:

— Аспилантулой!

Где она подхватила это словечко, сказать было трудно. Скорее всего из разговоров в семье о соседе, старом холостяке, который добрый десяток лет числился в аспирантуре какого-то института, регулярно брал академические отпуска, не менее регулярно получал академическое содержание и жил себе припеваючи. Во всяком случае, ответ Иринки всем нравился, ее называли умницей и совали в руку конфету.

Но шли годы. Иринка научилась совершенно четко произносить букву «р», и разговоры о том, кем она станет, когда вырастет большая-пребольшая, сами собой прекратились. И вот — как гром среди ясного неба! Приходит человек домой, показывает карточку абитуриента и спокойно заявляет:

— Мама, я сдала документы в педагогический. В понедельник первый экзамен.

С мамой стало плохо. Она залилась слезами и приняла валидол. Но тем не менее бросилась к телефону, чтобы мужественно принять на свои плечи службу оповещения.

Родственники реагировали на полученное известие по-разному. Папа сказал коротко:

— Сейчас еду,— и повесил трубку.

Бабушка Ева, по профессии пианистка-аккомпаниатор, приказала маме:

— Измерь у Иринки температуру и посади ее в ванну.

За свою долгую жизнь бабушка Ева убедилась: ничто так не содействует укреплению человеческого духа, как журчание воды, падающей на белоснежный кафель. Каждый раз, когда ей предстояло аккомпанировать особенно прославленной солистке, бабушка обязательно устраивала себе горячую купель.

Мамин брат дядя Костя посоветовал:

— Я бы на твоем месте немедленно телеграфировал Ивану. У него же непререкаемый авторитет.

А когда сенсационное известие дошло до живущей на Арбате тети Даши, то она только и могла сказать:

— На́ тебе, такое дело! — и грохнула об пол приготовленную для клубничного варенья шестилитровую стеклянную бутыль.

В воздухе запахло паникой.

И не случайно, потому что в семье никто не имел более или менее четкого представления о том, как сдаются экзамены.

Правда, и папа и мама имели среднетехническое образование, бабушка Ева — высшее, а дядя Ваня, которому в скором времени предстояло получить телеграфную депешу, являлся даже кандидатом технических наук. Так что все они испытали на себе довольно мучительную процедуру, именуемую экзаменами.

Но это было давно.

На устроенном вечером семейном совете выяснилось, что сведения и опыт, которыми располагали его участники, в современных условиях не могут найти никакого применения. Дядя Костя без труда доказал это.

— О чем вы говорите? Серебряная медаль, отличные школьные педагоги, Иринкина начитанность и эрудированность — какое все это имеет значение?

— Но у нас есть возможность пригласить репетиторов,— робко вставила бабушка Ева.

— Репетиторы! Скажите мне еще о домашнем визите к доброму, умному профессору, который вложит в юную душу уверенность в своих силах... Это же девятнадцатый век! Тургеневские времена!

— Что же нам надо? — беспокойно спросил папа.

— Надо иметь руку! — безапелляционно изрек дядя Костя.

И нарисовал довольно мрачную перспективу, ожидающую Иринку. В первую очередь в вузы принимаются производственники и демобилизованные воины армии и флота. За ними идут лица, окончившие средние школы с соответствующим уклоном и получившие профессиональную подготовку. Потом лауреаты различных математических, физических и литературных конкурсов и викторин. К ним вплотную примыкают юноши и девицы, имеющие близкие родственные связи среди профессорско-преподавательского состава институтов. И выдающиеся метатели, бегуны, пловцы, футболисты, зарекомендовавшие себя высокими спортивными достижениями на юношеских спартакиадах. Наконец, все остальные... Таким образом, на каждое место набирается до пятидесяти претендентов. В этих условиях Иринка погибнет, как швед под Полтавой. Ее может спасти только сильная рука, способная растолкать сорок девять лиц обоего пола, преграждивших ей путь к заветному месту на студенческой скамье.

— Нужно немедленно телеграфировать Ивану,— еще раз повторил дядя Костя.

Когда телеграмма ему была послана, стали думать о других спасительных мерах.

— У меня есть неплохая идея,— сказала мама.

И вызвала по телефону своего племянника Сергея, настройщика телевизоров.

— Скажи мне,— спросила мама Сережу, когда он явился,— можешь ли ты сделать так, чтобы телевизор работал без ремонта в течение года?

Сережа глубоко задумался. Он допускал, что владелец телевизора мог обходиться без вызова мастера неделю, месяц, полгода... Но чтобы целый год? Нет, такого случая за всю его обширную практику еще не было. Но тетка, к которой он питал нежную привязанность, ждала от него именно этого... И скрепя сердце он сказал:

— Могу. Все силы приложу, но он, проклятый, будет у меня работать двенадцать месяцев, как часы.

— Вот и чудесно! — воскликнула мама.

Тут же она изложила свою идею. Не может быть, чтобы председатель приемной комиссии не имел телевизора. И не мучился с ним. Сережа является на квартиру председателя, настраивает телевизор и одновременно оповещает его владельца, что теперь в течение года он не должен ни о чем беспокоиться.

— Молодой человек,— восхищенно произносит председатель, успевший из-за бесконечных телепомех приобрести устойчивый вегетативный невроз,— как мне отблагодарить вас?

— Мне не нужно никакой благодарности,— скромно говорит Сережа.— Облегчать печальную участь владельцев аппаратов, воспроизводящих заслуженно забытые киноленты,— мой долг. Единственная моя просьба заключается в том, чтобы проявить минимальное внимание к моей двоюродной сестре, сдающей экзамены в ваш институт...

Ловкий ход, не правда ли? Все признали ход, придуманный мамой, достойным гроссмейстера.

Тогда в дискуссию включился папа:

— Ни один сколько-нибудь уважающий себя полководец не предпринимает наступательной операции, не разработав во всех деталях оперативного плана на случай отступления. Представьте себе, что председатель давно снес свой двухлудовый ящик из красного дерева, набитый до отказа стеклом и металлом, в комиссионный магазин и приобрел вместо него стиральную машину. Что тогда?

Такого оборота никто не мог предвидеть. А папа тем временем продолжал:

— Имеет ли интересующий вас человек телевизор, увлечен ли он рыбной ловлей, коллекционированием почтовых марок или является заядлым автомобилистом — все это гадание на кофейной гуще. Достоверно нам известно только одно: председатель приемной комиссии — мужчина. Во всяком случае, девяносто девять шансов против одного за то, что дело обстоит именно так. И из этого надо исходить. А раз так, то решающее слово должно принадлежать Дарье Федоровне.

Тетя Даша с Арбата встрепенулась и вся обратилась во внимание.

Папа коротко пояснил свою мысль. Известно, что тетя Даша состоит в комиссии по торговле и общественному питанию. Она приходит к председателю и заявляет, что комиссия проводит заочную конференцию покупателей данного микрорайона и хотела бы выслушать его замечания и предложения. О чем говорит председатель? Конечно же, о том, что в магазинах нет лезвий для безопасных бритв и мужских носков. И тут тетя Даша от имени комиссии вручает председателю небольшой презент: десяток пачек лезвий «Жиллет» и набор мужских носков.

— Взятка? — спросил дядя Костя.

— Зачем так говорить! — поморщился папа. — К презенту должны быть приложены официальные магазинные чеки. Дарье Федоровне это легко устроить.

— Могу прибавить еще гречки, — вставила тетя Даша, — два кило. Гречки тоже днем с огнем не сыщешь.

— Можно и гречки, — милостиво согласился папа. — Председатель растроган, он просит Дарью Федоровну присесть, заботливо расспрашивает ее о работе, о семейных обстоятельствах. И тут она закидывает удочку насчет Иринки...

Шумные аплодисменты покрыли последние слова папы.

Лиха беда начало. Фантазия участников семейного совета разыгралась вовсю. Предложения сыпались, как из рога изобилия, и одно заманчивее другого. После того, как были выпиты два чайника чаю и съедены три торта, председатель комиссии оказался обложенным со всех сторон, как кабан в лесном урочище.

На следующее утро приехал дядя Ваня, и приехал не один. Вместе с ним явилась его супруга Олимпиада Владимировна.

— Буду готовить Иринке обеды, — заявила она и, вооружившись хозяйственной сумкой, отправилась на рынок за продуктами.

В отличие от многих работников общественного питания Олимпиада Владимировна считала, что к каждой человеко-единице нужен строго индивидуальный подход. Характер стола, по ее мнению, зависит не только от состояния здоровья человека, рода занятий, времени года, но и от чисто психических переживаний. Так, влюбленному следует употреблять один вид пищи, разочарованному — другой, удостоенному премии или награды — третий, подвергнувшемуся острой общественной критике — четвертый, и так далее. Ну, а как питаться человеку, сдающему экзамены? Этот вопрос Олимпиада Владимировна всесторонне обдумала еще по дороге в Москву, и теперь в ее голове сложился совершенно четкий распорядок завтраков, обедов и ужинов Иринки. На все дни — от первого собеседования до сдачи последнего экзамена. Так что Олимпиада Владимировна чувствовала себя вполне в своей тарелке.

Сложнее обстояло дело с дядей Ваней.

Дядя Костя ничуть не преувеличивал: Иван Федорович действительно обладал непререкаемым авторитетом. Но в чрезвычайно ограниченной области: он был проектировщиком заводских и фабричных труб. Можно смело утверждать, что на всем протяжении от Владивостока до Клайпеды за последние двадцать лет не была поставлена ни одна труба без прямого или косвенного участия Ивана Федоровича. Любая из них начинала дымить лишь после того, как получала его «добро».

Да, Иван Федорович, несомненно, являлся крупнейшим и авторитетнейшим специалистом своего дела. Но было абсолютно неясно, как можно увязать его обширные и поистине энциклопедические познания в области монтажа заводских труб с педагогикой. Вот почему в отличие от супруги Иван Федорович попал, что называется, как кур во щи. Наскоро побрившись, он помчался в редакцию журнала «Котлы и трубы», где у него было немало друзей, чтобы посоветоваться с ними, чем он может быть полезен своей племяннице.

Между тем прошел день, другой, третий... И на горизонте обозначились грозные предзнаменования.

Во-первых, выяснилось, что у председателя приемной комиссии нет не только телевизора, но и даже простейшего радиорепродуктора.

Во-вторых, председатель оказался женщиной, к тому же незамужней.

В-третьих, выяснилось, что дядя Ваня не только не в состоянии растолкать целую ораву толпящихся впереди Иринки претендентов на место под институтской крышей, но не может даже шевельнуть пальцем. Сильной «руки» из него не получилось. Несмотря на усилия многочисленных друзей дяди Вани, перекинуть мостик между авторитетнейшими деятелями промышленного строительства и не менее авторитетными мастерами педагогического процесса оказалось делом настолько же трудным, как соединить Эверест и Анапурну прямой шоссейной магистралью. Правда, его научили, что нужно позвонить Петру Аркадьевичу, тот, в свою очередь, позвонит Генриху Трофимовичу, а он — Елизавете Григорьевне, та — Николаю Николаевичу и т. д. и т. п., пока просьба дяди Вани не дойдет до конечного абонента, то есть до председателя приемной комиссии. Но из этого ничего не вышло. Где-то в середине длинной цепочки произошло замыкание, и нижайшая просьба дяди Вани не была услышана.

Таким образом, племянник Сергей, тетя Даша и Иван Федорович оказались отброшенными на исходные позиции.

К тому же вопреки совету бабушки Евы Иринка категорически отказалась лезть в горячую ванну и совершенно игнорировала стряпню Олимпиады Владимировны. Схватив кусок любимой чайной колбасы и булку, она стремительно куда-то убегала, а психологические обеды стыли и прокисали на газовой плите.

Это была полная катастрофа.

Но странное дело: на судьбе Иринки это никак не отразилось. Находясь в блаженном неведении относительно чрезвычайных мер, принятых ее ближайшими и дальними родственниками, она жила обычной жизнью абитуриентов. Сидела до одури в библиотеке, совалась ко всем консультантам, простаивала в институтских коридорах у дверей, за которыми подвергались «экзекуции» ее сверстники и сверстницы, и дрожала, как осиновый лист, вытягивая экзаменационный билет.

Минуло три недели. Вся семья была в сборе, когда явилась Иринка.

— Поздравьте меня: я студентка Московского педагогического института имени Ленина. — И протянула изумленным родичам студенческий билет и зачетную книжку, на которой красовалась сияющая Иринкина мордашка, вправленная немного попорченная треугольной институтской печатью.

— Ира, родная, — рыдая, проговорила мама. — Ведь ты же должна была провалиться, мы же не сумели ничего для тебя сделать...

— Да, не сработала ни одна пружина, — печально подтвердил папа.

— Произошло чудо! — воскликнула бабушка Ева.

А между тем никакого чуда не произошло. Просто сработал тот фактор, значение которого начисто отрицал дядя Костя. Иринка основательно подготовилась к выпавшим на ее долю испытаниям.

Оказалось, что этот фактор надежно действует как в веке минувшем, так и в нынешнем.

ТМО

Театр-Миниатюр «Огонька»

КОНФУЗ ЛЮСЬКИ ПЫЖИКОВОЙ

Сценарий и постановка Л. Леонидова.

В роли Люськи Пыжиковой — артистка кино Надежда Румянцева.

Оператор — Римма Лихач.

Вам, конечно, приходилось встречать модниц, которые считают, что если вещь заграничная, то она обязательно лучше отечественной. Вот и Люська Пыжикова...

Недавно возвратился из дальнего плавания Люськин дядюшка, старый холостяк Борис Матвеевич Самоварчук.

1. — Дядя Боречка, приветик! Приехал?!
— Здравствуй, племяшка!

2. — Шик модерн! Шляпка — умрешь!
— Да не шляпка, а колпак для торшера.

3. — Жевательная резинка?! Цивилизация...
— Пластырь это, дурочка. Для болячек! (Дядя уходит).

4. — Какой классный тюбик! «Шво» — это, кажется, по-французски — «волосы».

5. — Главное — втереть! Эльвирка лопнет!

6. — Стелла говорит, надо подождать. Интересно, какой цвет? Фиолетовый? Зеленый?

Дядя (вернувшись):

— Что ты сделала? Это же мазь для удаления волос!

7. — Когда же они теперь отрастут?

THE TRISTAN TIMES

Tristan da Cunha — South Atlantic Ocean.

Price: 3 Cigarettes,

This week's developments.

MR CHURCHILL'S SPEECH.......

ЦЕНА ГАЗЕТЫ... ДВЕ КАРТОФЕЛИНЫ

Два листа писчей бумаги, скрепленные медной проволочкой. На первом из них вверху — название: «Тристан таймс». По бокам этого заголовка — парусные лодки и в центре — контуры высокой горы. Слева название острова — Тристан да Кунья, а справа место его расположения — южная часть Атлантического океана. Дата выхода газеты — 26 февраля 1944 года — и ее цена. Именно цена и привлекает внимание. Стоит газета две картофелины, или три сигареты, или же полпенса.

Откуда такая газета, как она попала мне в руки? Шел 1947 год. Советская китобойная флотилия «Слава» шла в первый рейс к суровым берегам Антарктиды. Множество самых различных островов попадались на нашем пути. 21 февраля 1947 года для бункеровки китобойцев флотилия встала у острова Тристан да Кунья, расположенного на 37-м градусе южной широты и 12-м градусе западной долготы.

Еще подходя к острову, мы прочитали английскую морскую лоцию. Этому острову в ней отводилось несколько страниц. Там подробно рассказывалось о завоевании его Англией, о растительном и животном мире, рельефе, населении и климате. Прочитав ее, можно было бы подумать, что на этом острове царит рай. Ну, а как же в действительности?

Суровым и непривлекательным казался с океана Тристан. Кругом неприступные скалы. Подойти к острову можно было только на шлюпке. Жило там около трехсот человек. Это в большинстве моряки с различных судов, потерпевших когда-то катастрофу у берегов Тристана. Здесь были англичане, голландцы, французы, итальянцы, португальцы и многие другие национальности. Обросшие, грязные, одетые буквально в лохмотья, они жили в каменных домах. Многие из них ничего не знали, что происходило в мире.

Мы посетили несколько жилищ островитян. Все они были сложены из больших каменных плит вулканического происхождения, покрыты соломой и в очень редких случаях досками и железом. Этот материал завезли во время войны, когда там размещался гарнизон. Посередине жилищ были разложены очаги. Печки мы видели в редких домах. Занимались жители острова скотоводством и огородничеством. Они выращивали различные овощи, в основном картофель, и разводили овец.

В годы войны островитяне имели очень отдаленное представление о том, что делалось в мире. В то время два англичанина, как видно из газеты, Р. Пенроуз и Д. Хартинг, спасаясь от фашистских бомбардировок, бежали на Тристан да Кунья. Здесь они стали выпускать газету «Тристан таймс», размножая ее на ротаторе. Но так как на острове не было денег, эти издатели установили плату натурой. Примечательно, что в том номере газеты, который сохранился у меня, первым помещено сообщение о боях на советско-германском фронте. Там упоминается об успешном продвижении советских войск, которые освободили Харьков и Кривой Рог. Затем дается сообщение о событиях на итальянском фронте, об операциях на Тихом океане. В газете есть раздел «Новости из дома», в котором печатаются информации из Англии. В конце газеты — небольшой раздел «Островные новости». В нем издатели поздравляют с днем рождения нескольких жителей острова.

Газету эту нам удалось приобрести тоже за натуру: за нее мы дали одному жителю острова три пачки папирос «Казбек». Он был очень доволен и сожалел, что у него и его товарищей не сохранилось больше ни одного экземпляра. Такова история этой газеты.

Совсем недавно в печати сообщалось о том, что на Тристан да Кунья произошло извержение вулкана. Жителям его удалось спастись на шлюпках. Они переправились на другой клочок земли, затерявшийся в Атлантическом океане.

Евг. ШИСТЕР

Почему мы так говорим

ХОЗЯИН

Более чем за четверть века до Васко де Гама, открывшего морской путь в Индию, тверитянин Афанасий Никитин посетил и описал эту страну чудес.

«Хождение за три моря» — памятник для своего времени, «единственный и важный, как «Слово о полку Игореве»,— писал выдающийся ученый прошлого века И. И. Срезневский.

В «Хождении» попадаются фразы на смешанном тюркском жаргоне, которым пользовались купцы Средней Азии и татарских городов Поволжья. Никитин знал, по-видимому, разговорный персидский и таджикский языки. Он в Индии вращался в мусульманской среде. Никитин говорит о себе: «Есмь христианин, а имя ми Офонасей, а бесерменьское (мусульманское) имя Хозя Исуф хоросани» (хоросанец). «Хозя» — это татарское искажение персидского «ходжа» — господин. Так в XV веке называли духовных лиц и богатых людей. От этого «хозя» образовано и русское слово «хозяин». Во многих тюркских языках нашей страны слова, означающие «хозяин», «хозяйство», образованы от этого персидско-таджикского слова в его татарском преломлении со свойственными этим языкам вариантами (вместо «з» «дж», «ж»), а также под влиянием русского «хозяин». Например, в узбекском языке рядом с устаревшим «хужа» есть «хужайин».

САТИРА

Несколько лет назад в киосках газированной воды появились «сатураторы» («насыщатели»), которые отмеривают дозу сиропа и смешивают его с водой. Не сразу догадаешься, что «сатуратор» — родной брат слова «сатира».

Часто неправильно связывают «сатиру» с древнегреческими сказочными веселыми сатирами. На самом деле слово происходит от названия римского блюда «ланкс (блюдо) сатура», то есть всякая всячина, мешанина, нечто вроде нашего винегрета. Стихи древнеримского писателя Луцилия (II век до нашей эры) назвали «сатирами» потому, что он пользовался смешанной (как в «сатурах») литературной формой. В дальнейшем стихи в духе Луцилия, в которых осуждались пороки и нравы общества, стали называть «сатирами».

И. УРАЗОВ

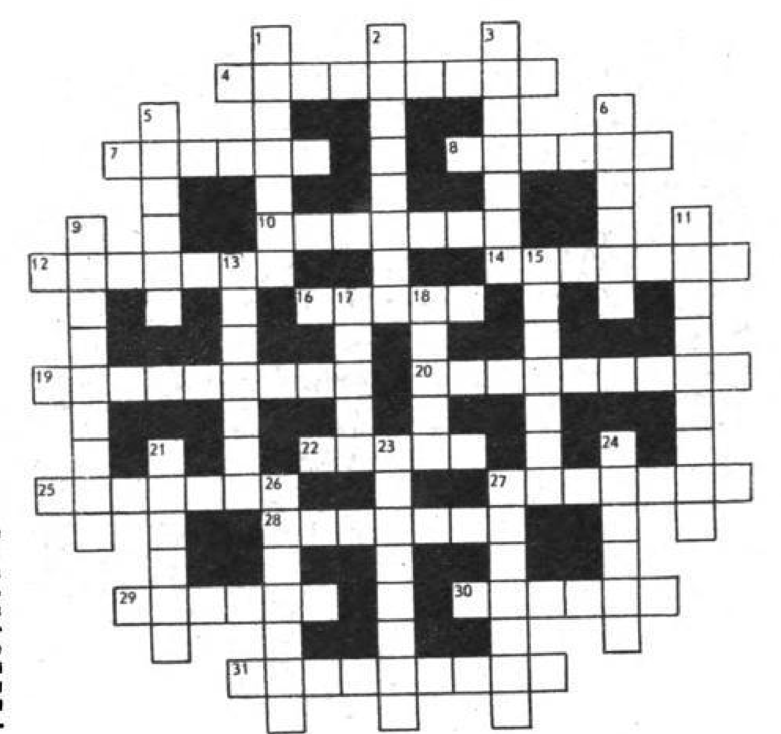
ПЕРВЫЕ МАРКИ БУТАНА

В альбомах филателистов недавно появились марки Бутана — горного княжества в Гималаях. До недавнего времени это княжество было оторвано от всего мира.

Сейчас Бутан налаживает экономические и культурные связи. В прошлом году появились первые марки почты Бутана. Две из них мы воспроизводим. Дикий як — самый характерный представитель фауны Гималаев. На другой марке — стрелок из лука.

В. КОРОТОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Русский писатель. 7. Вид, характер местности. 8. Сосуд для плавки металлов. 10. Пушной зверек. 12. Пионерский лагерь на Черноморском побережье. 14. Автор «Философических писем». 16. Плавучая землечерпалка. 19. Тон речи, манера произношения. 20. Кормовое растение. 22. Драматическое и музыкальное произведение. 25. Южный мыс Камчатки. 27. Птица семейства утиных. 28. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 29. Монета Венгерской Народной Республики. 30. Промысловая рыба. 31. Способность, талант.

По вертикали:

1. Соцветие кукурузы. 2. Цирковое представление. 3. Музыкант. 5. Условное изображение предметов. 6. Древнегреческая эпическая поэма. 9. Лечащий врач больницы, клиники. 11. Порт в Финляндии. 13. Помещение для зимовки пчел. 15. Государство в Пиренеях. 17. Клавишный инструмент. 18. Голландский живописец-портретист XVI—XVII веков. 21. Выступ вдоль стены. 23. Первая Народная артистка Республики. 24. Место стоянки судов. 26. Соединение разнотипных машин. 27. Тонкая ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

4. Усумбура. 6. Манеж. 8. «Тоска». 10. Радиус. 11. Полесье. 12. Конопля. 13. Бронза. 16. Челнок. 18. Шпагат. 19. Монография. 24. Пасека. 25. Тоннаж. 26. Ананас. 28. Рассказ. 29. Тетерев. 30. Блесна. 31. Дверь. 32. Рельс. 33. Академик.

По вертикали:

1. Ястреб. 2. Треска. 3. Деревня. 5. Водопад. 7. Апогей. 9. Колчан. 14. Рагозин. 15. Загадка. 17. Крона. 18. Шрифт. 20. Караев. 21. Рессора. 22. Инженер. 23. Кафель. 26. Азбука. 27. Стадия.

На первой странице обложки: Члены советской делегации на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Слева направо: Алевтина Пичугина — прораб строительства здания Братской ГЭС, Люба Молдаван — кукурузовод колхоза «Красный партизан», Черновицкой области, Лилия Затлер — сменный мастер Рижского молочного завода; верхний ряд: Владимир Елизарашвили — бригадир резчиков Тбилисского электровозостроительного завода, Валентина Рудак — свинарка совхоза «Городец», Витебской области, Джолдаспек Смаилов — председатель профкома Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Космонавты на Луне.

Рисунок А. Соколова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

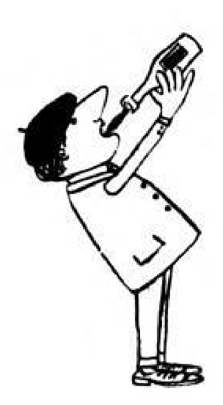
А 00512. Подписано к печати 1/VIII 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1113. Заказ 2137.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Неумирающие традиции

Рисунки польского художника
Э. ЛИПИНСКОГО.

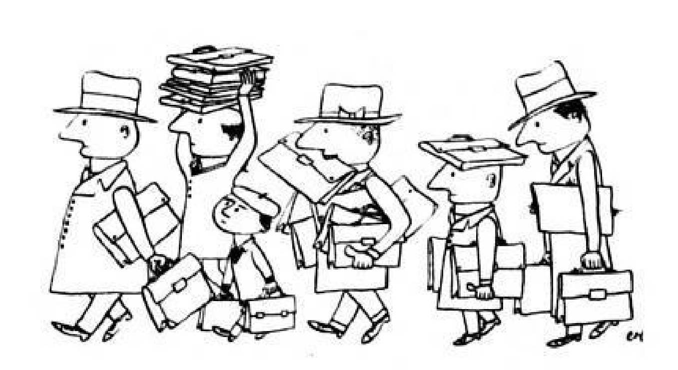

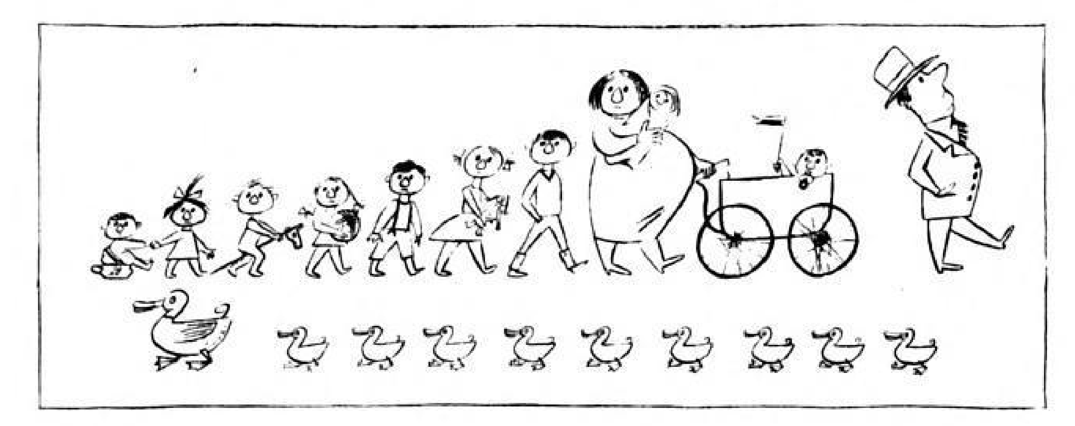
Продолжение традиции.

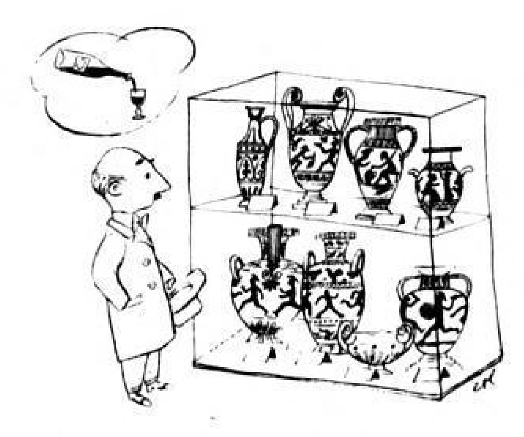
Любят работу...

В Варшаве многие неравнодушны к портфелям.

Встреча.

У каждого свои ассоциации.

Гости полярников

Поздно приходят в Арктику весна и лето. На плоской белой равнине трудно заметить обитателей тундры. Но жизнь здесь есть, надо только внимательно смотреть.

На льду у торосов — сугроб. Это нерпа устроила себе дом с дверью — в море, под лед. А неподалеку полярники построили палатку и продолбили лунку во льду. Нерпа заглядывала к нам в гости, а потом привыкла настолько, что позволяла себя гладить.

Песца трудно сфотографировать: он хитер и знает, когда надо беречь шубу. Мелькнет где-нибудь на солнце по белой равнине, как снежная пыль, только его и видели охотники. Остается воспользоваться капканом. А вот осенью, серый и некрасивый, песец чуть ли не к самым домам подходит.

В марте обычно рождаются белые медвежата. Не всем им предстоит бродить по бескрайним просторам Севера. Вот этого, например, ожидает какой-то зоопарк. Грустновато ему, но это только вначале. Медвежата быстро привыкают и, пока ожидают самолета, забавляют полярников.

В. ОРЛОВ

Остров Преображения.

